ISSN-0132-86

6
1993

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ТРОИЦА ВЕТХОЗАВЕТНАЯ

Икона XVI века, Новгород
Государственный Русский музей

1993 • 6

ЖУРНАЛ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Журнал выходит ежемесячно

Адрес редакции: 119435 Москва, Погодинская ул., 20

Главный редактор–председатель Издательского отдела Московского Патриархата МИТРОПОЛИТ ВОЛОКОЛАМСКИЙ И ЮРЬЕВСКИЙ ПИТИРИМ

СОДЕРЖАНИЕ

Протоиерей Александр Ветелев. В день памяти Всех святых, в земле Российской просиявших 2

СВЯТАЯ РУСЬ

Виктор Афанасьев. Дивный старец. Жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского, всея России чудотворца 4

БОГОСЛОВИЕ

Архиепископ Рязанский и Касимовский Симон. Прославление Живоначальной Троицы 45

ПРОПОВЕДЬ

Игумен Марк (Лозинский). Гомилетические наставления Святителя Иоанна Златоуста 52
Митрополит Иоанн (Вендланд). Небесная награда 55

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

А. Ю. Полунов. Церковная школа для народа в конце XIX века 56
И. Н. Уткин. Дореволюционные методики преподавания и системы построения курса Закона Божия 60

ЦЕРКОВЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Священник Борис Васильев. Последний этап поэтического творчества А. С. Пушкина 67

ВРЕМЯ СОБИРАТЬ

Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох 74

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Е. Полищук. Анатолий Васильевич Ведерников 103

В день памяти Всех святых, в земле Российской просиявших

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ!

Братия и сестры! В Господних чертогах сегодня — пир веры. Сегодня праздник Всех святых, в земле Российской просиявших. Здесь, на этом торжестве веры — цвет, соль земли Русской: цвет земли — потому, что это лучшее порождение ее, и соль потому, что это сила ее. Здесь только богатыри духа и герои. Тут герои гранитной веры, пламенной любви, высочайшей мысли, решимости до самоотвержения...

Господни чертоги сегодня так дивно украшены. Зажжены огни, и от них светло и радостно. Сегодня здесь горит свет любви наших невидимых гостей, и от него сияет не золото, а души. Здесь сегодня радостно колышутся и ласкают глаза звездочки свечей. Но здесь же невидимо присутствуют души святых, и оттого нам так тепло и радостно. Как гирлянды цветов, невидимо протянулся их покров, и вместе с фимиамом кадил возносится их молитва за нас.

Господни чертоги готовы, и готова трапеза. Какое обилие изысканных блюд! Каждому — по силам и духовному вкусу.

Столы отягчены плодами добродетелей святых. Приходи, насыщайся. Вот плоды веры, любви. А вот плоды чистоты и целомудрия. Бери плоды подвигов терпения, кротости, смирения. Насладись плодами молитвы, поста, нестяжания, терпения, поношений за Имя Христово.

Итак, пиршество готово. Гости созваны. Чертоги убраны. Они окурены фимиамом. Двери открыты.

Святители, мученики веры, преподобные, подвижники, праведные, блаженные, юродивые. Родные, пребудьте с нами. Со всех концов земли соберитесь к нам: московские, новгородские, киевские, печерские, тверские, владимирские, смоленские, калужские, тамбовские, воронежские, всей северной земли и всей Сибири.

Разве хватит времени назвать вас? Разве достанет сил исчислить вас? Ближние, дальние... явленные и неявленные... Вы — как звезды небесные, как песок морской...

Предстань здесь и благослови нас, сонм святителей русских и печальников наших. Предстаньте здесь, святители Московские Алексий, Иона, Филипп, Димитрий Ростовский, Митрофан Воронежский, Тихон Задонский, Феодосий Черниговский, Иоасаф Белгородский, Питирим Тамбовский, Иннокентий Иркутский, Иоанн Тобольский...

Благослови нас, сонм страдальцев, мучеников во главе с первомучеником Феодором и Иоанном, сонм священномучеников Господних древних и новых во главе со священномучеником Ермогеном, Патриархом Московским.

Испросим молитву сонма преподобных и любимых подвижников наших, наших неизбывных молитвенников, особенно дорогих, особенно близких.

Они явлены по всей нашей земле, в дремучих лесах теплили они свои молитвы о земле Русской. Они светятся в земле нашей, как драгоценные камни: Антоний и Феодосий Печерские, Сергий и Никон Радонежские, Зосима и Савватий Соловецкие, Серафим Саровский, Варлаам Хутынский, Александр Свирский, Арсений Коневский, Иларион Гдовский и многие-многие другие. Почти в каждом уголке земли нашей — свой угодник и свой покровитель.

Ублажаем полк благоверных князей — Александра Невского, Даниила Московского и иже с ними.

Вспомянем юродивых, блаженных с Василием Московским во главе.

Помянем, наконец, несметное количество неявленных праведных и святых угодников. Они все на нашем торжестве, на сегодняшнем пиру веры.

Душа моя в волнении. Как приобщусь к этому пиру веры? У меня нет одежды... У наших небесных гостей видится пурпур пламенной веры, белизна чистоты и целомудрия. У меня нет таких одежд, мои одежды черны.

Дайте мне одежду нищего, и я в его рубище паду ниц, чтобы благословил меня собор святых угодников быть прислужником на этом пиру. А вы станьте в благоговейном молчании перед невидимым собором святых угодников, вокруг

столов духовных яств, и я буду прислуживать вам. И вы насытитесь настоящей духовной трапезой и унесете с собой, как память об этом пире веры, хотя малое слово назидания.

Хочу вселить в вас бодрость, хочу, чтобы вы ушли с этого пира подкрепленными и ободренными.

Вы немощны, но пусть не смущается сердце ваше. Прежнее время было время *званых* (ср.: Мф. 20, 16). И званые были все, чтобы не было ни у кого оправданий перед Богом: «Господи, я не слыхал...» А сейчас наступило другое время: сейчас все назвавшиеся верующими, все званые — как зерно на гумне. Взял великий Жнец Господь лопату и отделяет полноценное зерно от мякины, чтобы собрать пшеницу в житницу свою.

И полноценное зерно ложится здесь, в этих стенах, а мякина — там, за стенами, и ее рассеивает ветер.

Слышите, что я говорю? Не отсеиваются ли *званые*, а *избранных* Господь хочет оставить здесь?

Ты хочешь быть мякиной? Или же ты остался среди *избранных*? И если ты остался здесь, то исполнись великой радости.

Укрепляйся. Насыщайся на этом пиру веры. Брось уныние, слезы, робость. Разве ты можешь остаться бессильным и одиноким? Сонм наших дорогих, родных, близких нам угодников разве чужой тебе? Тянись к ним, вдохновляйся ими, наслаждайся плодами их высоких подвигов, учись, молись, проси, и их руки, протянутые к тебе, примут тебя, как дорогого собрата своего, и будешь ты в житнице Отца Небесного и с пира веры перенесешься на вечный пир Вечной жизни в бесконечном Царстве Отца Небесного. *Аминь.*

Протоиерей Александр ВЕТЕЛЕВ

Ра́дуйся, Церковь Росси́йская ве́рная, / ра́дуйся, кня́же, благове́рный Влади́мире пресла́вный, / ра́дуйся, О́льго избра́нная! / Вы бо есте́ ко Влады́це всех / первейшии на́ши хода́таи, / и нача́льницы правосла́вия, / и наста́вницы ко и́стинней ве́ре. / Ра́дуйся, вся́ко ме́сто, и страна́, и град, / гра́ждане воспита́вшии Небе́снаго Ца́рствия, / си́и свята́я свети́ла душа́м на́шим яви́шася, / си́и чуде́с заре́ю, и де́лы, и зна́мении просия́ша мы́сленно во вся концы́ / и ны́не Христу́ мо́лятся / пода́ти душа́м на́шим ве́лию ми́лость.

Ра́дуйтеся, земли́ Ру́сския украше́ние, / Це́ркве на́шея непоколеби́мое утвержде́ние, / сла́во правосла́вных, / чуде́с исто́чницы, / любве́ струи́ неистоща́емыя, / свети́льницы многосве́тлии, / Ду́ха Свята́го орга́ни, / кро́тцыи и незло́бивии, / добродете́льми укра́шеннии, / челове́цы небе́снии, / земны́и а́нгели, / Христа́ дру́зи и́скреннии! / Того́ приле́жно моли́те / пода́ти вас чту́щим ве́лию ми́лость.

Прииди́те, Небе́снии предста́телие на́ши, к нам, / ва́шего тре́бующим ми́лостивнаго посеще́ния, / и изба́вите озло́бленныя мучи́тельскими проще́нии / лю́таго неи́стовства неве́рных, / от ни́хже, я́ко пле́нницы и на́зи, гони́мы есмы́, / от ме́ста на ме́сто ча́сто преходя́ще / и заблужда́юще в верте́пех и гора́х. / Ущедри́те у́бо, прехва́льнии, / и да́руйте нам осла́бу, / утоли́те бу́рю / и угаси́те е́же на ны негодова́ние, / Бо́га моля́ще, / подаю́щаго ва́ми земли́ на́шей ве́лию ми́лость.

Стихиры «На хвалитех». Минея. Май, т. III

СОСТАВИЛ ВИКТОР АФАНАСЬЕВ

Дивный старец

Жизнеописание преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского, всея России чудотворца

Преподобный Серафим Саровский. Икона нач. XX века из храма во имя святого апостола Филиппа в Новгороде

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

16 июня 1806 года Саровская пустынь отпраздновала свое столетие. Отец Серафим был на торжественной службе и на молебне, а также и на «великом утешении» братии в трапезной. Много прибыло на праздник духовного начальства, монахов из других обителей и мирян. Далеко разливался колокольный звон под жарким солнечным небом, над бескрайними муромскими лесами. Ни один странник не остался в этот день без внимания. Затем жизнь монастырская сразу вошла в свои обычные берега.

Старец Исаия в том году освятил надвратный храм Святителя Никола́я, чем закончилось благоустройство новой колокольни. В Петербурге завершилось длившееся с 1802 года дело о спорных землях — в пользу Саровской пустыни. Но братии печально было видеть, как их настоятель угасает от недугов, быстро стареет — ему исполнилось в 1806 году шестьдесят пять лет — и все меньше занимается делами. С осени он стал говорить о своей замене, указывая на отца Серафима как на своего преемника.

У братии не было никаких сомнений, что отец Серафим будет настоятелем, тем более что старец Исаия все лето имел тесное духовное общение с ним,— кроме того, что они виделись в монастыре, отец Исаия, уже потерявший возможность ходить, навещал отца Серафима в его пустыньке — двое послушников возили его туда на тележке. В феврале 1807 года старец Исаия подал прошение об увольнении на покой. В Саровской пустыни состоялись выборы нового настоятеля, но отец Серафим решительно отказался занять место старца Исаии, и настоятелем стал иеромонах Нифонт, казначей. В декабре 1807 года отец Исаия скончался. Теперь, приходя в монастырь, отец Серафим шел к Успенскому собору, к могилам трех своих наставников-старцев, Иосифа, Пахомия и Исаии, и припадал к ним с молитвой. Отец Нифонт уже не мог быть его наставником, хотя и был духовником братии последние десять лет,— духовный возраст отца Серафима был намного выше.

С начала 1808 года отец Серафим вступил в новый этап духовного совершенствования, дав обет молчания. Его вдохновили примеры великих безмолвников древности — святых преподобных Арсения Великого и Иоанна Молчальника. Келлия святого Арсения в Фиваиде находилась от скита на таком же расстоянии, как и пустынька отца Серафима от монастыря,— тридцати стадий (пяти верст). Скитская братия весьма скорбела о том, что имеющий от Бога дар наставлять и просвещать иноков Арсений избегает их. Точно так же сожалела о подобном и братия Саровской пустыни. Вот ответ Арсения Великого (в том же духе дал ответ на сходное вопрошание и отец Серафим): «Знает Бог, как я люблю вас; но я не могу пребывать одновременно и с Богом и с людьми, потому что на небе хотя и очень много вышних сил, но все они имеют одну волю и потому единодушно славят Бога; но на земле много воль человеческих, и у каждого человека свои мысли; каждый из нас имеет различные намерения и мысли, и потому я не могу, оставивши Бога, жить с людьми».

Один саровский инок, задумавший, подобно отцу Серафиму, поселиться в лесу (это было еще при жизни старца Исаии), спросил его:

— Отче! Говорят некоторые, что удаление от общежительства в пустыню есть фарисейство, что этим оказывается пренебрежение к братии, а может даже и бросает на нее осуждение. Как ты думаешь?

— Не наше дело судить других,— отвечал отец Серафим.— А удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому невместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, как это случается неизбежно при множестве братии. Мы избегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых, как и великому Арсению сказано было: «Бегай людей и спасешься»*.

Продолжение. Начало см.: ЖМП, 1993, № 5.

* Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы, пишет: «Истинный безмолвник, не желая лишиться сладости Божией, так удаляется от всех людей, без ненависти к ним, как другие усердно с ними сближаются».

С безмолвником Дух Святой пребывает, но редкому иноку доступен подвиг молчания. «Много раз я сожалел о словах, которые произносили уста мои, но о молчании я не жалел никогда»,— говорил святой Арсений. Святой Амвросий Медиоланский писал: «Паче всего должно укрощать себя молчанием, ибо молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни единого». Преподобный Арсений был воспитателем детей царя Феодосия, невольно пребывал в роскоши, но, тяготясь такой жизнью, тайно сел на корабль, бежал в Египет и сделался иноком. Святой же Иоанн Молчальник был епископом, всеми почитаемым за добродетели, но и он, мечтая о безвестном житии и о безмолвии, тайно бежал в окрестности Иерусалима и принял облик простого инока. Он жил в монастыре, где настоятельствовал Савва Освященный, который дал отцу Иоанну келлию, в которой тот и безмолвствовал три или четыре года. Потом он удалился в пустыню Рува, к Мертвому морю, и жил здесь девять лет, питаясь одной травой, называемой мелагрия (а у отца Серафима — снить). Великие подвижники древности учились друг у друга. Отец Серафим многажды перечитывал их жития, видел их самих духом, каждый их поступок толковал, и многие из них — малые и великие дела ради Господа — повторялись в его жизни, родня его с миром православных святых.

Удаление от людей и молчание уст — это лишь внешние, хотя и необходимые, признаки подвига безмолвия. Главное — безмолвие ума, заключенного в созерцании Бога, к чему и стремится молчальник, душу свою хотящий возвести на небо. «Когда мы в молчании пребываем,— поучал позднее отец Серафим,— тогда враг, диавол, ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. От уединения и молчания рождаются умиление и кротость: действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить тихой воде Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия (Ис. 8, 6)... Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом». Не может достигнуть никаких плодов в молчании человек, подверженный греховным состояниям тщеславия, раздражения, лености, уныния, памятозлобия, чревоугодия... Душа безмолвника — приуготовленный, чисто подметенный храм, ведь, как говорит преподобный Иоанн в своей «Лествице», «безмолвие есть непрерывная служба Богу и предстояние пред Ним».

На этом остановлюсь, потому что даже преподобный Иоанн Лествичник рассуждает о молчании с осторожностью, ведь это, как сказал отец Серафим,— «таинство будущего века». Митрополит Вениамин (Федченков), едва начав рассказ о подвиге молчания, к которому приступил отец Серафим, прерывает себя словами: «Почтим и мы сей подвиг его молчанием, не будем дерзать входить внутрь скинии души его своим неопытным умом и нечистыми мыслями: там место Пречистому Духу Божию».

Что касается внешнего, то отец Серафим перестал выходить к посетителям, а если встречал кого-то в лесу, то, подобно Арсению Великому, падал ниц и молча ждал, когда тот пройдет. Через какое-то время отец Серафим перестал ходить в обитель в воскресные и праздничные дни. Настоятель отец Нифонт стал посылать к нему раз в неделю послушника с недельным запасом хлеба, елея, а зимой — овощей. Зимой тропу заносило снегом, и послушник с трудом пробирался по сугробам. На молитву его отец Серафим, сказав мысленно «аминь», открывал дверь в сени и молча стоял, сложив на груди руки, не отвечая на вопросы, если таковые случались, опустив очи долу. Послушник клал принесенное в приготовленную корзинку или на лоточек, куда отец Серафим полагал кусочек хлеба или листик капусты — намек на то, что следует принести на следующей неделе. Послушник все замечал и затем доставлял требуемое. Уходя, он творил молитву и кланялся отцу Серафиму в ноги.

Довольно продолжительное время, может быть года полтора, отец Серафим совсем не являлся в обитель, даже в праздники, а значит, и не причащался там Святых Христовых Таин. Для кого-то из братии это было искусительно. Но отец Нифонт и старшие иеромонахи понимали, что без вкушения Тела и Крови Христовых отец Серафим не остается. Кто же его причащал?.. Скорее всего Ангел Божий. Однако это была тайна, которой отец Серафим никому не открывал.

Отец Нифонт посовещался со старцами и решил, ради братии, предложить отцу

Серафиму на выбор: чтобы он «или ходил, буде здоров и крепок ногами, по-прежнему в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения Святых Таин, или же, если ноги не служат, перешел бы навсегда жительствовать в монастырскую келлию». Это передали безмолвнику через носившего ему пищу брата. Отец Серафим выслушал пришедшего, но отпустил его назад, не дав никакого ответа. Отец Нифонт в следующее воскресенье велел брату повторить решение старцев. На этот раз отец Серафим, благословив брата, отправился с ним в монастырь.

Это было 8 мая 1810 года, в день святого апостола Иоанна Богослова. Отец Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы, наутро же, в день Святителя и Чудотворца Николая, был у ранней литургии в больничной церкви преподобных Зосимы и Савватия, а оттуда прошел в келлию отца Нифонта. Приняв от настоятеля благословение, отец Серафим молча прошел в свою келлию и сразу начал еще более трудный подвиг — затвор. Он положил себе не выходить из келлии, не принимать никого и ни с кем не говорить. Он отворял дверь перед Святыми Дарами, которые приносили ему из больничного храма, и для принятия пищи. Тело и Кровь Христовы отец Серафим принимал, стоя на коленях в дверях келлии. Таким же образом принимал и пищу — как бы из рук Самого Христа. Пищу — в основном хлеб, толокно и квашеную капусту — ему приносил монах отец Павел, живший в соседней келлии. Отец Серафим, накрыв голову полотном (по примеру древних иноков), чтобы его никто не видел, да и самому чтобы не видеть никого, брал приносимое и выставлял за дверь освободившуюся посуду. В первые годы затвора келлия отца Серафима была совершенно пуста. В углу стоял столик (его собственной работы), над столиком висела икона Богоматери «Всех Радостей Радость», перед столиком — чурбачок, заменявший отцу Серафиму стул. Была в келлии печь-голландка с лежанкой, отделанная изразцами, но топил ее отец Серафим редко — в сенях, где была топка, подолгу лежала одна и та же вязанка дров.

Молитвенные труды отца Серафима в затворе, по свидетельству саровских иноков и авторов первых жизнеописаний преподобного, а также по некоторым признаниям его самого, были необыкновенно велики и разнообразны. Он продолжал совершать во всей полноте свое пустынническое правило и вычитывать все ежедневные, кроме литургии, службы. Не оставил он, конечно, и Иисусовой молитвы. «Иногда, стоя на молитве,— пишет Н. В. Елагин, автор одного из первых житий преподобного,— старец погружался в продолжительное умное созерцание Бога: он стоял пред святою иконою, не читая никакой молитвы и не кладя поклонов, а только умом в сердце созерцая Господа... Высока и глубока эта безмолвная затворническая молитва!» Далее тот же автор (а за ним и все последующие биографы святого) пишет: «В течение недели он прочитывал весь Новый Завет по порядку: в понедельник — Евангелие от Матфея, во вторник — от Марка, в среду — от Луки, в четверг — от Иоанна, в остальные дни — Деяния и послания св. апостолов. В сенях, сквозь дверь, иногда слышно было, как он, читая, толковал про себя Евангелие и Деяния св. апостол. Деяния св. апостол он толковал вслух, довольно продолжительное время. Многие приходили и слушали его слово в сладость, утешение и назидание. Иной же раз он сидел над книгой, не перебирая листов, будучи весь погружен в созерцание чистой, возвышенной мысли Св. Духа. Ни один орган тела его не шевелился: очи неподвижно устремлены были на один предмет».

В эти годы — первые пять лет затвора — появился в сенцах келлии отца Серафима массивный дубовый гроб, выдолбленный им из огромной колоды. Он всегда был открыт (крышка стояла у дверей), как бы напоминая затворнику о смертном часе. Отец Серафим нередко молился возле него на коленях. «Если помышление о смерти укоренится в человеке,— писал святой Исаак Сирин,— то ум его не остается уже более в стране обольщения и бесовские хитрости к нему не приближаются». «Как хлеб нужнее всякой другой пищи,— говорит Иоанн Лествичник,— так размышление о смерти нужнее всех деланий... Невозможно, невозможно настоящий день провести благочестиво, если не будем считать его последним днем нашей жизни. Уверимся, что памятование смерти, как и всякое благо, есть дар Божий».

Многие подвижники древности или имели гроб у себя в келлии (иные даже недолгие часы своего сна проводили в нем), или жили в могильных пещерах

(как святой Антоний Великий). Впоследствии, когда окончился затвор отца Серафима, когда он стал принимать посетителей, первое, что они видели, входя к нему, был гроб — первое поучение, наглядное и безмолвное, для всякого, ищущего наставлений прозорливого старца. А праздно любопытствующих — ведь и такие приходили — гроб просто пугал.

В августе 1815 года к празднику Успения Божией Матери (храмовый в Саровской пустыни) прибыл в обитель Владыка Иона, епископ Тамбовский. Он много был наслышан о подвигах старца Серафима, и вот, пожелав его видеть, пришел к его келлии вместе с настоятелем, старцем Нифонтом. Владыка сотворил молитву, а настоятель громко объявил, чтобы отец Серафим слышал, что Его Преосвященство здесь, у дверей. Отец Серафим ничего не отвечал. Старец Нифонт предложил снять дверь с петель, чтобы все-таки увидеть безмолвника, но епископ не согласился, сказав:

— Как бы не погрешить нам!

И уехал.

Очень похожий случай был в древности со святым Арсением. Архиепископ Александрийский, желая прийти к нему, послал ему запрос, примет ли он его в своем уединении, отворит ли двери. Арсений отвечал: «Если для тебя отворю, то и для всех отворю». И епископ смирился, сказав себе: «Лучше мне не ходить к нему».

Чуть ли не на следующий день после отъезда Владыки Ионы удостоился отец Серафим великого чуда — явления Божией Матери (уже в четвертый раз!). С нею были египетский пустынник святой Онуфрий, одетый лишь длинными седыми волосами головы и бороды и поясом из пальмовых листьев, и первонасельник Святой Афонской Горы святой Петр, также нагой, опоясанный по чреслам травяным поясом,— подвижники, ведшие в течение многих десятилетий страшную борьбу с диаволом и стяжавшие Духа Святаго. Пречистая Дева, Матерь Божия, обратилась к отцу Серафиму и повелела более не скрывать себя от людей и отворить двери. «Скоро,— сказала Она,— ты будешь служить людям».

Через неделю после отъезда из Саровской пустыни епископа Ионы приехал сюда с супругой тамбовский губернатор Александр Михайлович Безобразов. Они хотели принять от отца Серафима благословение, но их уверили, что на это рассчитывать никак нельзя. Они, однако, подошли к дверям келлии и помолились: *Молитвами святых отец наших...* И вдруг старец отворил двери и внимательно посмотрел на них. Он был в чистейшем белом подряснике и весь седой и согбенный, лицо его, показалось им, излучало свет. Молча сложили они крестообразно свои ладони, и отец Серафим благословил их, не сказав, однако, ни слова.

Окончив затвор (и то частично), отец Серафим продолжал молчать. Он открывал дверь и впускал к себе всех, кто хотел войти, благословлял, но продолжал и при посторонних заниматься своими делами — читать, молиться, сидеть неподвижно в размышлениях... Такое молчание длилось еще три года. Потом он начал понемногу беседовать с приходящими людьми, исповедовать, все еще не покидая келлии. Вскоре обыкновенной для Саровской пустыни стала такая картина: весь день перед келлией отца Серафима стоит множество людей, иные из которых пришли издалека. Все ждут, не появится ли на пороге батюшка-прозорливец, и если не удастся побеседовать с ним о своем, то хотя благословиться...

Вид его келлии к началу 1820-х годов несколько изменился. Она уже не была совершенно пустой. В сенях стоял в полумраке гроб, и около него лежали мешки с песком и несколько значительного размера камней — ложе для краткого сна. В самой келлии сразу у входа — бутыли и кувшины с елеем, вином и водой. Посетители во множестве приносили ему вино, елей, свечи, полотно, и почти все это он отдавал в Дивеевскую общину. Здесь же — корзина с сухариками, которые старец сушил в своей печке. На средине келлии несколько церковных свещниц с постоянно горящими свечами. В красном углу иконы, в другом, на деревянном гвозде, мантия, шуба, а на веревке, протянутой вдоль печи,— какие-то рубища. Пространство между рамами двух небольших окон до половины забросано ветошью. При такой тесноте и закрытых окнах, казалось бы, здесь нечем дышать. Но нет, посетители с удивлением чувствовали в келлии отца Серафима приятную свежесть воздуха. Позднее прибавилось еще несколько свещниц, многие просили поминать их, и отец Серафим ставил принесенные свечи.

О жизни подвижника в 1815—1822 годах сведений почти не сохранилось. В 1822 году приехала к нему жена некоего управляющего имением в Нижегородской губернии, которую звали Агриппиной. Муж ее сильно занемог и послал ее просить для него молитв и благословения у отца Серафима (у которого незадолго до этого побывал сам), а также ответа — можно ли ему надеяться на выздоровление.

«По прибытии моем туда,— вспоминала Агриппина,— нашла, что отец Серафим затворился и никого не принимал. Несмотря на то, я пробралась сквозь множество народа к его келлии, и вдруг старец Божий, как бы провидя мою крайнюю нужду видеть его, показался в дверях своей келлии и, не обращая внимания на остальной народ, обратился ко мне и сказал: «Дочь Агриппина, подойди ко мне скорее, потому что тебе нужно поспешить домой». Когда я подошла к нему, он, предупреждая слова мои, дал мне святой воды, антидора, красного вина и несколько сухарей и сказал: «Вот, скорее вези это к своему мужу». Потом, взяв мою руку, он положил ее к себе на плечо и, дав осязать бывший на нем большой железный крест, сказал: «Вот, дочь моя, сперва мне было тяжело носить это, но ныне весьма приятно. Спеши же теперь и помни мою тяжесть»*. С сими словами он благословил меня и ушел опять в свою келлию... По приезде домой я нашла своего мужа при последних минутах жизни... Едва дала я, по приказанию отца Серафима, больному красного вина с антидором и потом святой воды, больной снова заговорил и сказал: «Прости меня, святой отец, в последний раз получаю от тебя благословение». После этих слов он благословил еще детей наших, простился со мною и, сказав: «Велики дела отца Серафима!» — лег снова и мирно отошел ко Господу».

Отец Серафим пришел в ту меру безмолвия, о которой говорит святой Исаак Сирин: «Когда, по долгом времени, в келлии твоей, среди дел труда и хранения того, что сокровенно, и при воздержании чувств от всякой встречи, осенит тебя сила безмолвия; тогда сретишь сперва радость, без причины овладевающую по временам душою твоею, и потом отверзутся очи твои, чтобы, по мере чистоты твоей, видеть крепость твари Божией и красоту созданий. И когда ум путеводится чудом сего видения, тогда и ночь и день будут для него едино в славных чудесах созданий Божиих. И с сего времени в самой душе похищается чувство страстей приятностию сего видения, и в оном-то, в следующем за ним порядке, начиная с чистоты и выше, восходит ум еще на две степени мысленных откровений».

И вот, когда отец Серафим достиг этой высоты бесстрастия и смиренномудрия, он, подобно святому Антонию Великому и другим великим безмолвникам, призван был из своей пустыни на служение ищущим спасения. Ему даны были от Бога удивительные, бесценные дары — «дар исцелений, дар прозрения, дар немощных душ врачевания». Он призван был силою Господнею на спасение тысяч и тысяч душ.

В большинстве случаев это были крестьяне, купцы. Много было монахов, священнослужителей. Реже приходили к отцу Серафиму лица дворянского звания и военные. Но одним из первых после окончания затвора побывал у старца некий генерал-лейтенант Л. Этот важный и гордый человек приехал в Саровскую пустынь просто так, из любопытства. Собираясь после беглого осмотра зданий уехать, он встретил здесь приятеля, помещика П. Тот убедил его зайти вместе с ним в келлию великого подвижника. Генералу этого не хотелось, но он уступил просьбам товарища и вошел в келлию. Отец Серафим, увидев их, подошел к генералу и поклонился ему земным поклоном. Такое смирение поразило гордеца. Затем, оставив помещика П. в сенях возле гроба, отец Серафим закрылся в келлии с генералом и начал беседовать с ним. Через несколько минут из-за дверей послышался плач — то плакал генерал, которому отец Серафим рассказал всю его жизнь до самых сокровенных подробностей. Вскоре отец Серафим вывел его, еще плачущего, в сени, а потом вынес забытые им фуражку и... ордена. По преданию, ордена эти во время беседы сами свалились с груди генерала, причем отец Серафим будто бы сказал: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

---

* Отец Серафим носил под рубахой на теле пятивершковый (24,5 см) железный крест, а сверх одежды на груди — медный.

Вообще, каждый раз, когда у него бывали военные и правительственные чиновники, отец Серафим обращал особенное внимание на важность сана и место, где они служат, просил их быть верными Государю и Отечеству, жертвуя для этого даже самой жизнью своей. Он умолял их охранять Православную Церковь. «Этого,— говорил он,— ждет от вас народ русский, к этому должна побуждать вас совесть, для сего избрал вас и возвеличил Государь, к этому призывает и Сам Господь Бог, Ее Основатель и Хранитель».

Существует легенда, что император Александр I в 1824 (или 1825) году побывал инкогнито у старца Серафима. Один монах, сосед по келлии, заметил, что старец будто кого-то ожидает, чего с ним никогда не бывало. Он прибрал и подмел келлию, а под вечер вышел на крыльцо в епитрахили и поручах. Действительно, уже на закате зазвенели бубенцы и на монастырский двор влетела тройка. Высокий военный вышел из экипажа и снял фуражку. Отец Серафим поклонился ему в ноги и сказал: «Здравствуй, великий Государь»,— потом, взяв его за руку, увел к себе. Часа через три они вышли. Отец Серафим проводил военного до экипажа и, поклонившись, сказал: «Сделай же, Государь, так, как я тебе говорил». Снова зазвенели бубенцы и тройка исчезла... Это вполне могло быть. Точно так же, просто, император Александр I побывал и на Валааме, где стоял на службе вместе с монахами, не знавшими, кто он. На вопрос одного из них: «Кто вы?» — он ответил: «Путешествующий».

Если истинен рассказ о посещении отца Серафима офицерами-декабристами, то этого не могло быть в пустыньке (как писали в житиях), так как отец Серафим окончил затвор свой 25 декабря 1825 года, а восстание декабристов произошло 14 декабря. Они могли побывать у отца Серафима только в его монастырской келлии. Первым писал об этом в 1844 году игумен Георгий, в послушниках имевший имя Гурий. Он вспоминал, что к отцу Серафиму приехали «блестящие офицеры» и попросили его благословения. Он же отказался их благословлять и выгнал из своей келлии. Они пришли на другой день и встали перед ним на колени, но старец прогневался еще сильнее, так что затопал ногами и велел им немедленно уйти. Опечаленные офицеры уехали. Тогда послушник Гурий осмелился сказать:

— Батюшка, отец Серафим! Почему ты, всегда такой ласковый и приветливый ко всем, так сердито прогнал этих хороших, смиренных господ?

В ответ на это отец Серафим взял келейника за руку, отвел к одному из родников и повелел:

— Смотри.

Гурий посмотрел в воду — она была так прозрачна, что каждый камешек на дне был виден.

— Смотри дальше,— сказал старец.

Келейник увидел, как дно вдруг замутилось, камешки скрылись во мраке и вся вода почернела.

— Вот что они хотят сделать с Россией,— сказал отец Серафим.

А с какой любовью относился он к простым мужикам, приходившим к нему (а то и прибегавшим бегом) со своими неотложными бытовыми нуждами. Так вот прибежал один из ближайшей — шесть верст — деревни, растрепанный, с шапкой в руке, увидел какого-то монаха:

— Батюшка! Ты, что ли, отец Серафим?

Ему указали келлию старца. Мужик бросился в келлию и торопливо заговорил:

— Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий, не знаю, как буду кормить семью... А говорят, ты угадываешь.

Отец Серафим припал головой к его голове и сказал:

— Огради себя молчанием и поспеши в село (он назвал какое)... Когда будешь подходить к нему, сверни с дороги вправо и пройди задами четыре дома, там ты увидишь калиточку, войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча.

Так все и было. Крестьянин действительно отыскал свою лошадь.

Но и крестьяне бывали разные.

Уже несколько лет, как отец Серафим узнал семейство крестьян Мелюковых из деревни Погиблово Ардатовского уезда — брата и двух сестер. Брат, Иван

Семенович, нередко приходил работать в монастырь. Сестра, Прасковья Семеновна, по благословению старца ушла послушницей в Дивеевскую общину. Она прибыла туда в ноябре 1823 года, в праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы. С ней «увязалась» и младшая сестра ее, Мария Семеновна, тринадцати лет, которую отец Серафим также благословил жить в Дивееве. Это была, как пишет автор «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря», «необыкновенная, не виданная доселе отроковица, ни с чем не сравнимая, ангелоподобная, дитя Божие. Избранница и раба Божия с таких лет вела подвижническую жизнь, превосходя по суровости даже сестер общины, отличавшихся строгостию жизни, начиная с самой начальницы Ксении Михайловны. Непрестанная молитва была ее пищею и только на необходимейшие вопросы она отвечала с небесною кротостию. Она была почти молчальница, и батюшка Серафим особенно нежно и исключительно любил ее, посвящая во все откровения свои, будущую славу обители и разные тайны, заповедуя не говорить о том до времени, что и выполняла она свято, невзирая на просьбы и мольбы окружающих сестер и родных. Когда она возвращалась от батюшки Серафима, то вся сияла неземною радостию». У брата Ивана было три дочери, которые впоследствии стали дивеевскими монахинями, да и сам он, в конце концов, постригся в Саровской обители, где и получил послушание привратника.

С другим семейством, но уже дворянским, хотя не богатым и не знатным, связано одно из величайших событий в духовной жизни старца Серафима... он впервые, благодатию Господа нашего Иисуса Христа, исцелил человека от тяжкой болезни. Это была семья Мантуровых — Михаил Васильевич, отставной военный, его жена, Анна Михайловна, и его сестра, Елена Васильевна, бывшая гораздо моложе брата. Михаил Васильевич служил в Лифляндии, там женился, но там и заболел. У него опухли и гноились ноги, он постепенно терял возможность ходить — из ран стали выпадать даже мелкие крошки костей... Михаил Васильевич обращался ко многим врачам, истратил на это много денег, но болезнь имела, видимо, некую промыслительную цель. Оставив службу, он жил в своем имении в Ардатовском уезде, в сорока верстах от Саровской пустыни. Многие советовали ему поехать к отцу Серафиму: он, мол, если и не исцелит, то подаст верный совет — где и как вылечиться. Это было в 1823 году.

Мантуров поехал. И вот двое крепостных Мантурова ввели его в сенцы келлии отца Серафима. Старец вышел к нему и спросил:

— Что пожаловал? Посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров упал ему в ноги и стал просить помочь ему, избавить от тяжкого недуга.

— Веруешь ли ты Богу?

— Верую!

Трижды так вопрошал старец, а больной трижды, с силой, с горячим и искренним убеждением, отвечал:

— Верую!

— Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же и в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь.

Посадив Михаила Васильевича около гроба на мешок с песком, старец удалился в келлию. Спустя немного времени он вышел, неся в стаканчике святой елей, и велел Мантурову обнажить ноги.

— По данной мне от Господа благодати,— сказал он, помазывая ноги больного елеем,— я первого тебя врачую.

Затем надел ему на ноги посконные чулки, принесенные ему в дар одним крестьянином, велел ему одеться и вынес из келлии в обеих пригоршнях сухариков. Всыпав Мантурову эти сухарики в полу сюртука, он приказал ему встать и идти в гостиницу. Михаил Васильевич встал и, никем не поддерживаемый, твердо пошел, пораженный и обрадованный тем, что не чувствует ни слабости, ни боли. Повернувшись к старцу, он пал ему в ноги и стал благодарить за исцеление. Старец, подняв его, строго сказал:

— Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить. Что ты, батюшка! Это — дело единого Господа, который творит волю боящихся Его! Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!

Возвратившись в свое имение, Михаил Васильевич очень порадовал супругу

и сестру своим выздоровлением. Так шли дни, но однажды он вдруг вспомнил слова отца Серафима о благодарении Господа и Пречистой Матери Его и, смущенный, поехал к батюшке. Тот, увидев его, сразу сказал:

— Радость моя! А ведь мы обещались благодарить Господа, что он возвратил нам жизнь-то!

— Я не знаю чем и как,— отвечал Мантуров.— Что вы прикажете?

Отец Серафим проницательно взглянул ему в глаза и ответил:

— Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя добровольную нищету.

Смутился Мантуров... Вспомнил он тут и о евангельском богатом юноше, и о молодой жене своей, и о сестре, которая мечтала о светской жизни и замужестве... Но отвечать надо, и ведь не старцу, а Самому Богу! Прозорливый старец прочитал эти его смятенные мысли и тронул его за плечо:

— Оставь все и не пекись о том, о чем ты думаешь.— Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей. Богат не будешь, хлеб же насущный все будешь иметь.

При этих словах необъяснимая радость вдруг вспыхнула в душе Мантурова:

— Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?

— А вот, радость моя, помолимся, и я укажу тебе, как вразумит меня Бог.

В дальнейшем Михаил Васильевич ничего уже не делал без благословения отца Серафима. Он отпустил на волю своих крепостных, продал ардатовское имение со всеми угодьями, затем купил пятнадцать десятин земли в селе Дивееве, на указанном ему отцом Серафимом месте,— старец наказал ему впоследствии этой земли не продавать, а завещать после своей смерти Дивеевской женской общине. Михаил Васильевич построил тут домик и стал жить бедно, постоянно терпя упреки жены и насмешки знакомых за свой евангельский поступок. Скоро он стал вернейшим учеником и другом отца Серафима, который звал его не иначе как «Мишенька». Все, что касалось устройства Дивеевской обители, он стал поручать ему.

В том же, 1823 году отец Серафим призвал к себе Мантурова, дал ему остро заточенный колышек, поклонился ему в ноги и велел идти в Дивеево, стать напротив среднего алтарного окна Казанской церкви, отсчитать столько-то шагов, а там будет межа, и от нее далее отсчитать еще столько-то шагов — тут будет пашня, потом еще столько-то шагов — и должна быть на этом месте луговина, ровно в середине которой отец Серафим велел вбить этот колышек. Мантуров пошел, все исполнил и был совершенно потрясен тем, с какой точностью, не быв на этом месте, отец Серафим рассчитал шаги... А для чего это было нужно, Михаил Васильевич понял позднее, года через два: отец Серафим задумал строить тут мельницу («мельницу-питательницу») в два постава (постав — пара жерновов.— *Ред.*) и отделить сюда, в «мельничную» общинку, девиц-послушниц из Дивеевской общины, в которой оставить вдов (но могут быть и девицы). Через год, в 1824-м, отец Серафим дал Михаилу Васильевичу четыре колышка, перекрестился, поцеловал их и, заставив сделать то же Мантурова, поклонился ему в ноги и был очень радостен. Эти колышки он просил вбить по углам луговины.

Сестре Михаила Васильевича Елене было в 1823 году около восемнадцати лет. К вере она была равнодушна, у нее был богатый жених, и она уже собиралась венчаться с ним, как вдруг отказала ему. На вопросы брата она отвечала, что и сама не понимает: «Он мне не дал повода разлюбить себя, но, однако, страшно мне опротивел!» Вскоре скончался дед Мантуровых по матери, богатый человек. Нужно было срочно ехать. Михаила Васильевича дома не оказалось, и Елена Васильевна отправилась в карете с дворовыми людьми.

На обратном пути остановились в городке Княгинине (Нижегородской губернии), слуги пошли на станцию приготовить чай, а она осталась сидеть в карете, почти у станционного крыльца. Лакей, вышедший звать ее к чаю, сошел со ступенек и невольно вскрикнул при виде открывшейся ему картины. «Она стояла во весь рост, совершенно опрокинувшись назад, едва держась конвульсивно за дверцу полуоткрытой кареты, и на лице выражался такой ужас и страх, что немыслимо передать его словами. Немая, с сильно увеличенными глазами, бледная как смерть, она уже не могла держаться на ногах, казалось — еще момент, и она упадет на землю замертво».

Лакей подхватил ее, прибежали другие люди, и Елену Васильевну, потерявшую сознание, внесли в комнату. Горничная, подумавшая, не умирает ли барышня, несколько раз спрашивала ее — не позвать ли священника. Елена Васильевна услышала и ответила: «Да, да...». Она еще пребывала в страхе. Священник исповедал и причастил ее Святых Таин, и она весь день не отпускала его от своей постели, держась за его рукав... Наконец она смогла встать и отправиться домой. А дома она рассказала вот что: «Оставаясь одна в карете, я немного вздремнула, и когда открыла глаза, то никого не было по-прежнему около меня. Наконец вздумала выйти и сама открыла дверцу кареты, но лишь ступила на подножку, невольно почему-то взглянула вверх и увидела я над своей головой огромного страшного змия. Он был черен и страшно безобразен, из пасти его выходило пламя и пасть эта казалась такою большою, что я чувствовала, что змий совершенно поглотит меня. Видя, как он надо мною вьется и все спускается ниже и ниже, даже ощущая уже дыхание его, я в ужасе не имела сил позвать на помощь, но наконец вырвалась из охватившего меня оцепенения и закричала: Царица Небесная! Спаси! Даю Тебе клятву никогда не выходить замуж и пойти в монастырь! Страшный змий в одну секунду взвился вверх и исчез... Но я не могла прийти в себя от ужаса!»

Елена Васильевна поехала к отцу Серафиму просить его благословения на поступление в монастырь. Батюшка все знал наперед. Он уже видел ее одной из самых строгих дивеевских монахинь, но по ему ведомым причинам решил провести ее сначала через некоторые испытания.

— Нет, матушка, что это ты задумала! — воскликнул он.— В монастырь! Нет, радость моя, ты выйдешь замуж.

— Что это вы, батюшка! — испугалась Елена Васильевна.— Ни за что не пойду замуж, я не могу, я дала обещание Царице Небесной идти в монастырь, и Она накажет меня.

— Нет, радость моя,— продолжал старец,— отчего же тебе не выйти замуж? Жених у тебя будет хороший, благочестивый, матушка, и все тебе завидовать будут. Нет, ты и не думай, матушка, ты непременно выйдешь замуж, радость моя!

— Что это вы говорите, батюшка, да я не могу, не хочу я замуж.

— Нет, нет, радость моя,— твердил старец,— тебе уже никак нельзя, ты должна и непременно выйдешь замуж, матушка!

Отец Серафим говорил все это иносказательно, и жених у него здесь — Сам Господь, Иисус Христос, но Елена Васильевна не могла этого понять. Она приехала домой очень огорченная, всю ночь молилась, плакала, просила Матерь Божию помочь ей. Несколько раз ездила она к отцу Серафиму, а он все убеждал ее идти «замуж». Целых три года испытывал он ее. Она дошла почти до отчаяния, так как желание быть в монастыре росло и укреплялось. И вот она не выдержала и, уже не спросясь отца Серафима, обратилась в Муромский Троицкий монастырь, где мать-игумения приняла ее очень тепло и разрешила купить в своей обители келлию, что Елена Васильевна и сделала. Собрав дома все нужное, она все-таки решила заехать к отцу Серафиму и проститься с ним. Старец, выйдя к ней, ничего еще от нее не услышав, вдруг сказал строго:

— Нет тебе дороги в Муром, матушка, никакой нет дороги, и нет тебе и моего благословения! И что это ты? Ты должна замуж выйти, и у тебя преблагочестивейший жених будет, радость моя!

Елена Васильевна почувствовала, что не надо ей ехать в Муром. По совету отца Серафима она пожертвовала туда деньги, данные за келлию, и опять заперлась у себя дома в комнате, где уже провела три года отшельницей. Спустя полгода она снова поехала к отцу Серафиму. К ее удивлению, он совершенно спокойно сказал:

— Ну что ж, если уж тебе так хочется, то пойди, вот за двенадцать верст отсюда есть маленькая общинка матушки Агафьи Семеновны, полковницы Мельгуновой. Погости там, радость моя, и испытай себя!

Елена Васильевна, не помня себя от радости, бросилась в Дивеево, и Ксения Михайловна, игумения, дала ей для житья что могла: чуланчик около маленькой келлии, которая выходила крылечком к западной стене Казанского храма... Через месяц отец Серафим вызвал ее к себе и сказал:

— Теперь, радость моя, пора уже тебе и с женихом обручиться.

Елена Васильевна испугалась и с плачем воскликнула:

— Не хочу я замуж, батюшка!

— Ты все еще не понимаешь меня, матушка,— ласково успокоил ее отец Серафим.— Ты только скажи начальнице-то Ксении Михайловне, что убогий Серафим приказал с Женихом тебе обручиться, в черненькую одежку одеться... Ведь вот как замуж-то выйти, матушка! Ведь вот какой Жених-то, радость моя!

Елене Васильевне было тогда двадцать лет.

В этот день много беседовал с ней старец, и она слушала его с благоговением, складывая в сердце свое все слова его. А он говорил:

— Матушка! Виден мне весь путь твой боголюбивый! Тут тебе и назначено жить, лучше этого места нигде нет для спасения; тут матушка Агафия Семеновна в мощах почивает; ты ходи к ней каждый вечер, она тут каждый день ходила, и ты подражай ей также, потому что тебе этим же путем надо идти, а если не будешь идти им, то и не можешь спастись. Ежели быть львом, радость моя, то трудно и мудрено, я на себя возьму; но будь голубем, и все между собою будьте как голубки. Вот и поживи-ка ты тут три-то года голубем; я тебе помогу, вот тебе на то и мое наставление: за послушание читай всегда акафисты и Псалтирь, правило с утренею отправляй. Сиди да пряди, а пусть другая сестра тебе все приготовляет, треплет лен, мыкает мочки, а ты только пряди и будешь учиться ткать. Пусть сестра сидит возле тебя да указывает. Всегда будь в молчании, ни с кем не говори, отвечая только на самые наинужнейшие вопросы, и то «аки с трудом», а станут много спрашивать, отвечай: «Я не знаю». Если случайно услышишь, что кто не полезное между собою говорит, скорее уходи, «дабы не внити во искушение». Никогда не будь в праздности; оберегай себя, чтобы не пришла какая мысль; всегда будь в занятии. Чтобы не впадать в сон, употребляй мало пищи. В среду и пяток вкушай только раз. От пробуждения до обеда читай: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную! — а от обеда до сна: Пресвятая Богородице, спаси нас! Вечером выйди на двор и молись сто раз Иисусу, сто раз Владычице и никому не сказывай, а так молись, чтобы никто того не видал, даже бы и не подумал, и будешь ты аки ангел! И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись лишь и больше мужайся; так молитвою, вечнонеразлучною молитвою и приготовляй все, Он и придет ночью тихонько и принесет тебе кольцо, перстенек, как Екатерине-то, великомученице-матушке. Так вот три года и приготовляйся, радость моя, чтобы в три года все у тебя готово бы было. О, какая неизреченная радость-то тогда будет, матушка! Это я о пострижении тебе говорю, матушка; чрез три года постригайся, приуготовив себя, ранее не нужно; а как пострижешься-то, то будет у тебя в груди благодать воздыматься все более и более, а каково будет тогда! Когда Архангел Гавриил, представ пред Божией Матерью, благовестил Ей, то Она немного смутилась и тут же сказала: *Се раба Господня! буди мне по глаголу Твоему!* Тогда вот и ты скажи так же: Буди мне по глаголу Твоему! Вот о каком браке и Женихе я тебе толкую, матушка; ты слушай меня и никому до времени того не говори, но верь, что все, мною реченное тебе, сбудется, радость моя!

Отец Серафим благословил Михаила Васильевича («Мишеньку») построить для сестры в Дивеевской общине отдельную, но очень небольшую келлийку, где она, одевшись во все монашеское, и стала жить со своей келейницей, крепостной девушкой Устиньей.

В эти же годы монастырского затвора отец Серафим духовно окормлял и другую женскую общину — Ардатовскую. Так же, как и Дивеевская, она не была еще монастырем (впоследствии это будет Покровский Ардатовский монастырь), но насельницы ее жили строгим монашеским уставом, нося черную одежду инокинь. Около 1810 года община купила себе дом и землю в городе Ардатове, неподалеку от собора. Число сестер увеличилось, они сделали пристройку к дому, где были трапезная и молельня. В 1823 году скончалась их настоятельница, основательница общины Васса Димитриевна Полюхова, и старшие сестры приехали к отцу Серафиму просить, чтобы он кого-нибудь из них назначил настоятельницей. Старец, не отвечая им прямо, стал, обращаясь к одной из них, Евдокии Андреевне, объяснять ей обязанности настоятельницы. В другой раз, при точно таких же обстоятельствах, вот что говорил отец Серафим:

— Чадолюбивая матерь не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовию; в нечистоту впадших очищает, омывает тихо-мирно, облачает в ризы белые и новые, обувает, согревает, питает, промышляет, утешает и со всех сторон старается дух их покоить так, чтоб никогда не слышать ей малейшего их вопля, и таковые чада бывают благорасположены к матери своей. Так всякий настоятель должен жить не в свое угождение, но в угождение подчиненных — должен к слабостям их быть снисходителен, немощи немощных несть с любовию, болезни греховные врачевать пластырем милосердия, падших преступлениями — поднимать с кротостию, замаравшихся скверною какого-либо порока — очищать тихо и омывать их возложением на них поста и молитв сверх определенных обще для всех; одевать учением и примерною жизнию своею в одежды добродетелей, непрестанно бдеть о них, всеми способами утешать их, и со всех сторон ограждать мир их и покой так, чтобы никогда не было слышно ни малейшего их вопля, ниже́ ропота; и тогда они с ревностию будут стремиться, чтобы доставить мир и покой настоятелю.

Но так как отец Серафим больше занят был Дивеевской общиной, ардатовских сестер иногда отсылал к иеромонаху Илариону, духовнику Саровской обители (он приехал в Саров вместе с игуменом Назарием с Валаама). Отец Иларион охотно помогал отцу Серафиму в окормлении Ардатовской общины и по некоторым случаям выезжал туда.

В дивеевских же делах помогал, кроме «Мишеньки», священник Казанской церкви в Дивееве отец Василий Садовский, который в это время, перед окончанием затвора старца Серафима, был выпущен из Нижегородской Семинарии и назначен сюда. Ему было двадцать четыре года. Отец Серафим стал его духовным руководителем. Он, как о нем вспоминали, был высоко добродетельным, исполненным крепчайшей веры человеком. Впоследствии всю свою жизнь он посвятил Дивеевскому монастырю. При первой же беседе отец Серафим стал просить отца Василия не оставить сестер Дивеевской обители:

— Как нам оставить великое это Божие дело и тех, о коих просила меня, убогого Серафима, матушка Агафья Семеновна! Ведь она была великая жена, святая, смирение ее было неисповедимо, слез источник непрестанный, молитва к Богу чистейшая, любовь ко всем нелицемерная! Одежду носила самую простую, и то многошвенную (заплатанную.— *Ред.*), и опоясывалась кушачком с узелком; а как идет, бывало, то госпожи великие ее ведут под ручки, столь за жизнь свою была всеми уважаема! Так как же нам презреть ее прошения! Я ведь теперь один остался из тех старцев, коих просила она о завещанной ею общинке. Так-то и я прошу тебя, батюшка, что от тебя зависит, и ты не оставь их!

Одна из дивеевских сестер вспоминала, как отец Серафим, передавая ей две большие связки свеч, белых и желтых, говорил в присутствии отца Павла, соседа по келлии:

— Вот, батюшка, смотри, я им даю свеч в воспоминание матушки Александры! Она святая была! Я и сам доныне ее стопы лобызаю! Теперь пока ничего у вас нет, а как Бог благословит, в мощах она у вас будет, тогда все у вас явится, как источник потечет со всех сторон! Народ будет смотреть и удивляться, откуда что возьмется!..

К отцу Серафиму все чаще стали приходить за благословением дивеевские сестры. Некоторые из них жаловались, что у них в общине устав слишком тяжел,— это был данный еще старцем Пахомием матушке Александре суровый устав Саровской пустыни. Отец Серафим соглашался, что для женщин он тяжеловат, не мешало бы облегчить. Однажды он призвал к себе настоятельницу, Ксению Михайловну, и предложил ей принять иной устав, более мягкий. Она же и слышать об этом не хотела:

— Нет, батюшка, пусть будет по-старому; нас уже устроил отец Пахомий.

— Послушайся меня, радость моя!

— Нет и нет, батюшка.

Так и ушла суровая начальница, великая постница и подвижница, себе первой не позволявшая никаких послаблений. И, однако, трудно было в Дивеевской общине новоначальным, особенно принимать пищу один раз в день. А отец Серафим многих туда посылал избранных Божией Матерью сестер, говоря:

— Гряди, чадо, в общинку, здесь поблизости матушки-то полковницы Агафии Се-

меновны Мельгуновой, к великой рабе Божией и столпу огненному — матушке Ксении Михайловне, она всему тебя научит!..

Отец Серафим начал думать об окончании затвора. Почти весь 1825 год провел он в обители, не выходя из келлии, но принимал всех, кто желал его видеть. Народу было столь много, что невозможно было затворить монастырские ворота,— и шли, и ехали, и весь двор был запружен Серафимовыми гостями.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В последнее время своего затвора старец Серафим стал несколько иначе одеваться. Он носил подрясник из черного сукна, а в холодное время накидывал сверху черный же кафтан. Приступая к принятию Святых Христовых Таин, надевал мантию, епитрахиль и поручи, и потом в таком виде — как иеромонах — принимал посетителей. Позднее, выходя в пустыньку, отец Серафим летом надевал сверх подрясника белый балахон, подпоясывался полотенцем. Если же погода была сырая — надевал кожаную полумантию. Зимой носил шубу и рукавицы. Из обуви в монастыре носил кожаные коты, а выходя в лес, надевал летом лапти с онучами, а зимой сначала кожаные бахилы, а поверх их лапти. (На груди у него всегда был большой медный крест, благословение матери.)

«Можно сказать без преувеличения,— писал автор «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря»,— что вся Россия в то время знала и чтила отца Серафима; по крайней мере, слух о великом подвижнике ходил повсюду. Известные подвижники, одновременно с ним жившие, по духу знавшие старца Серафима, глубоко уважая его нравственное достоинство, делали отзывы о нем самые возвышенные, ибо все смотрели на него, «яко на град, верху горы стоящий». Священники и архиереи Православной Церкви, проводившие жизнь духовную и святую, имели глубокое уважение к Саровскому подвижнику».

Русские люди шли к иеромонаху Серафиму, он всех принимал, называя посетителей ласково «радость моя», «сокровище мое», «батюшка», «матушка», встречал пасхальным приветствием «Христос воскресе!» и целовал в уста. Люди уходили от него утешенные, часто в духовно-восторженном состоянии, в слезах, укрепленные в вере, нередко исцеленные от болезней, многие получали предсказание о своей будущей жизни, и всегда предсказания старца сбывались. Разъезжаясь и расходясь из Саровской пустыни, люди несли во все концы России весть о великом подвижнике Христа ради, об отце Серафиме, который может умолить Господа о помощи, исцелении, спасении просящих Его о том. Некоторым, ничего такого и не помышлявшим, отец Серафим предсказывал иноческую жизнь, даже игуменский жезл,— и все это сбывалось, иногда через довольно долгое время. Случалось и иное — стремившихся в монастырь он убеждал не хлопотать об этом понапрасну, и потом, в самом деле, они женились, выходили замуж, находили себе в мире дело по душе.

Между тем здоровье отца Серафима несколько ухудшилось. К болезни ног прибавились сильные головные боли. Настоятель, старец Нифонт, дал ему совет выходить из келлии на воздух, и этот совет как бы предсказывал собой скорое окончание затвора. Отец Серафим сначала стал выходить ночью и перед рассветом. Это случайно открыл инок Филарет. Встав однажды раньше обычного, совершив утреннее правило, он вышел из келлии. Едва начал брезжить свет... И вдруг инок увидел вдалеке, в полумраке, человека, несущего какую-то тяжесть к Успенскому собору. Сотворив молитву, отец Филарет кликнул:

— Кто тут?

— Убогий Серафим... Серафим убогий,— послышался ответ.— Умолчи, радость моя!

Подойдя под благословение к старцу, инок увидел, что он несет довольно большой камень, еще влажный, видимо, только что взят под горой возле родника... Отец Серафим понес свой камень далее и положил его вблизи алтаря соборного храма (этим камнем он обозначил свою будущую могилу). В другой раз, также перед рассветом, отец Серафим перекладывал поленницу дров.

Так прошли весна и лето 1825 года. Все это время отец Серафим молился ко Господу и Пресвятой Богородице о благословении свыше на открытое окончание

затвора и возвращение в столь давно оставленную лесную пустыньку. Однако он не надеялся сразу осилить эти пять-шесть верст, поэтому думал воспользоваться на первое время опустевшей пустынькой скончавшегося в сентябре этого года отшельника, саровского иеромонаха Дорофея, тем более что близилась зима.

В ночь на 25 ноября 1825 года (отдание праздника Введения Божией Матери во храм) в тонком сне явилась отцу Серафиму Матерь Божия со святыми, чью память праздновали в этот день,— Петром Александрийским и Климентом, Папой Римским — и разрешила ему оставить затвор. Поутру отец Серафим пошел к настоятелю. Старец Нифонт благословил его ходить в лес, но на ночь возвращаться в обитель.

Пора была уже почти зимняя. Лес облетел, землю припорошило снегом... Отец Серафим, одевшись тепло, отправился по знакомой тропе к Богословскому роднику. Вот и он — бревенчатая гать (здесь: заваленная бревнами топь.— *Ред.*) над заболотившимся водоемом, сбоку выступает труба, из которой течет с журчанием незамерзающая вода... столбик с иконой святого апостола Иоанна Богослова... Подставил отец Серафим ладонь ковшиком, испил ледяной водицы и задумался. Всего две версты прошел, а ноги уже отказывают... Положил котомку (в ней, как бывало раньше в его пустынножитии,— песок с камнями, а сверху — Священное Писание), стал молиться. Не один час прошел так. Отец Серафим молился, не замечая холода, а был небольшой морозец.

Вдруг словно теплом повеяло, серенький день засиял ярким, блистающим светом... Чуть выше родника явилась Пресвятая Дева со святыми, стоявшими поодаль,— святыми апостолами Петром и Иоанном. Автор «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» цитирует записку Н. А. Мотовилова (о нем речь ниже), его духовного сына и одного из ревностнейших помощников в устроении «мельничной» обители в Дивееве.

«...И Божия Матерь, ударив в землю жезлом так, что искипел из земли источник фонтаном светлой воды, сказала ему: «Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафии — монахини Александры? Ксению с сестрами ее оставь, а заповедь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполне исполнить ее: ибо по воле Моей она дала тебе оную. А я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве: и на нем устрой эту обетованную Мною обитель Мою. А в память обетования, ей данного Мною, возьми с места кончины ее... из общины Ксении восемь сестер». И сказала ему по именам, которых именно взять, а место указала на востоке, на задах села Дивеева, против алтаря церкви Казанского явления Своего, устроенного монахинею Александрою. И указала, как обнести это место канавою и валом: и с сих восьми сестер повелела ему начать обитель сию, Ее четвертого вселенского жребия на земле, для которой приказала сначала из Саровского леса ему срубить двухпоставную ветряную мельницу и келлии первые, а потом, по времени, соорудить в честь Рождества Ее и Сына Ее Единородного двухпрестольную церковь для сей обители, приложив оную к паперти церкви Казанского явления Своего дивеевской монахине Александре. И Сама дала ему для сей обители устав новый, и нигде до того времени ни в какой обители еще не существовавший. И за непременное правило поставила заповедь, чтобы в сию обитель не дерзала быть принимаема ни одна вдовица, а принимал бы и он и потом навсегда принимались бы лишь одне девицы, на прием которых Сама Она изъявит Свое благоволение, и обещалась Сама быть всегдашнею Игуменьею сей обители Своей, изливая на нее все милости Свои и всех благодатей Божиих, благословения со всех Своих трех прежних жребиев: Иверии, Афона и Киева. Место же, где стояли Пречистыя стопы ног Ея, и где от ударения жезлом Ея искипел из земли источник и принял целебность на память будущих родов выкопаньем тут колодца, обещала дать водам оного большее благословение Свое, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимския»*.

Отец Серафим слушал Царицу Небесную, стоя на коленях. Когда видение исчезло,

---

* Цитируя это же место из 6-й тетради Н. А. Мотовилова, митрополит Вениамин (Федченков) в своей книге о преподобном Серафиме делает такое примечание: «Сохраняем подлинный текст, хотя и не достаточно правильный и вразумительный». Суть сказанного Богородицею здесь, очевидно, сохранена, но некоторые акценты смещены. Еще в 1823 году отцу Серафиму известна была воля Пречистой Девы об устроении «мельничной» обители и месте ее (см. историю с колышками).

он поднялся, воздал хвалу Господу и отправился в монастырь, откуда сразу же вернулся обратно, неся заступ и топор. С этого дня до 8 декабря он трудился над устройством колодца и сруба для нового источника, чувствуя необыкновенный прилив сил. Скоро станет известно всей Православной России, что за чудесный дар через преподобного Серафима преподнесла ей Матерь Божия!

9 декабря, в день Зачатия Пресвятой Богородицы, пришли к отцу Серафиму из Дивеева две послушницы — Прасковья Степановна и отроковица Мария Семеновна (Мелюкова). Старец словно ждал их. Он объявил, что сейчас они вместе с ним пойдут в дальнюю пустыньку, взял с собой сухариков, свеч и елея, и они, с первым ударом колокола к заутрене, вышли в путь. Когда заблаговестили к поздней обедне, они подошли к источнику Матери Божией и, вероятно, высказали удивление, что не видели его раньше. Неизвестно, рассказал ли отец Серафим дивеевским сестрам, как возник этот источник, но Прасковья Степановна вспоминала, что он, указав на сруб и столбики с крышей, на которой был установлен деревянный крест, пояснил, что это дело его рук. Прасковья Степановна страдала какой-то застарелой простудой и давно уже кашляла. И здесь, у колодца, опять настиг ее приступ кашля.

— Зачем ты кашляешь? — спросил шутливо старец.— Брось, не надо!

— Не могу, батюшка,— хрипела Прасковья Степановна.

Батюшка зачерпнул своей рукавичкой воды и напоил ее. Кашель сразу прекратился и больше никогда не возвращался.

В дальней пустыньке отец Серафим зажег две свечи, подал их дивеевским сестрам и велел стать Марии Семеновне с правой стороны висевшего на стене Распятия, а Прасковье Степановне — с левой. Сам он стал посредине и молился более часа. Потом велел им приложиться к Распятию, помолиться и приняться за работу — и сам вместе с ними очищал погреб возле хижины.

О чем же было это моление отца Серафима? Автор «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» пишет: «Нам думается, что отец Серафим пред началом построения мельницы и основания новой общины хотел где-нибудь наедине помолиться с такими сестрами, которых Матерь Божия избрала на особое служение Ей и обители. Как известно, Прасковья Степановна была назначена первою старшею мельничихой Дивеевской обители, а Марья Семеновна вскоре, как 19-летняя схимонахиня Марфа, представшая пред Господа, была назначена, по словам отца Серафима, начальницею над дивеевскими сиротами в Царствии Небесном, в обители Божией Матери. Позволяем себе думать, что во взаимной молитве — основателя обители и двух ее начальниц, на земле и на небе,— был великий и сокрытый в то время смысл, понятный лишь одному святому старцу».

С этого дня, 9 декабря 1825 года, начал отец Серафим готовить в лесу возле дальней пустыньки столбы и брусья для будущей дивеевской мельницы, и при усердной помощи дивеевских сестер закончил работу ровно через год — 9 декабря 1826 года.

Земля, на которой вбил колышки Михаил Васильевич Мантуров, принадлежала наследникам помещика Баташева. Господь устроил так, что одна из наследниц, Вера Андреевна Постникова (урожденная Баташева), побывала у отца Серафима, когда он стал допускать к себе посетителей, и он попросил у нее этот клочок земли для дивеевских сирот. Она с готовностью согласилась и сказала, что этот участок возьмет на себя. Однако она забыла заявить об этом в помещичьей конторе, и земля, прежде чем перейти в собственность «мельничной» общины, доставила отцу Серафиму немало хлопот.

Враг рода человеческого, завидуя великим милостям, каким удостоился старец Серафим от Господа и Пречистой Его Матери, воздвиг на него новую брань — многие иноки саровские стали роптать на него. Слишком многолюдно стало и шумно в монастыре, тысячами пошли (и что ни год, то все больше!) мирские люди к отцу Серафиму... Множество женщин теснилось в сенях келлий, под окнами, везде...

— Тебя много беспокоят обоих полов люди,— решился сказать ему один брат.— И ты пускаешь к себе всех без различия.

— Положим,— отвечал отец Серафим,— что я затворю двери моей келлии. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинать меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалию пойдут домой... Какое оправдание могу тогда принести Богу на Страшном Суде Его?

Другой инок сказал весьма коротко:

— Тобою некоторые соблазняются.

— Но я не соблазняюсь ни тем, что мною одни пользуются,— отвечал старец,— ни тем, что других это соблазняет.

Однажды, возвращаясь из леса, отец Серафим встретил на дороге настоятеля, отца Нифонта. Они приветствовали друг друга по иерейскому обычаю и пошли вместе. Отец Нифонт поведал отцу Серафиму, что многие из братии ропщут на него.

— Особливо,— говорил он,— тем соблазняются, что ты оказываешь милостивое попечение сиротам дивеевским.

Отец Серафим, выслушав его, твердо посоветовал ему не поддаваться впредь ложным внушениям.

— Ты пастырь,— говорил он.— Не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности. Ибо слово твое сильно и посох — как бич для всех страшен.

Расстались они во взаимной любви. Настоятель благословил отца Серафима принимать к себе по-прежнему всех, кто ни придет, ради их же душевной пользы.

Позднее, когда уже был построен в Дивеевской общине храм, соблазнялись саровские иноки тем, что отец Серафим в нем велит дивеевским сестрам пономарить, вести непрестанное чтение Псалтири и исполнять прочие неженские дела.

— Восстали, радость моя, восстали на убогого-то Серафима,— говорил он одной из сестер,— укоряют; что, говорят, выдумал — девушкам в церкви быть. Псалтирь читать да в церкви ночевать! Когда это слыхано, где это видано... Вот и приходят ко мне, матушка, и ропщут на убогого Серафима, что исполняет приказания Божией-то Матери! Вот, матушка, я им и раскрыл в Прологе из жития-то Василия Великого, как блазнились на брата его Петра, а святитель-то Василий и показал неправду блазнения их, да силу-то Божию. И говорю: а у моих-то девушек в церкви целый сонм ангелов и вся силы небесныя присутствуют! Они, матушка, и отступили от меня — посрамленные. Так-то вот, радость моя, недовольны на убогого-то Серафима, жалуются, зачем исполняет он приказания Царицы Небесной! Сама Она, Пречистая, заповедала мне, а я вам заповедаю и да не смущается сердце ваше! Свято храните то и никого в том не слушайте!

А иноки саровские все соблазнялись и роптали...

Тогда задумал отец Серафим видимого знамения испросить у Господа, чтобы убедить всех в праведности его руководства Дивеевскою общиною. Однажды был он вблизи родника своего с некоторым иноком и двумя сестрами дивеевскими. Остановился отец Серафим у огромной сосны и сказал:

— Помолимся! Мню, что древу этому более ста лет, долго может простоять... Аще же я творю послушание Царицы Небесной, да преклонится древо сие в их сторону!

И отец Серафим указал на дивеевских сестер — то есть да преклонится древо в сторону Дивеева.

На другой день пришли они на это место и ужаснулись: здоровое и громадное дерево лежало на земле вершиною в сторону Дивеева, вывороченное со всеми корнями, точно страшным ураганом, а ночь тихая была.

Возблагодарил отец Серафим Господа Бога и Пречистую Матерь Его, взял топорик и начал деловито обрубать сучки.

— Вот видишь, радость моя,— сказал он дивеевской сестре Домне Фоминишне,— что я рублю-то! Это ваше, ваше, матушка, чудное древо, ради вас и для вас преклонилось оно. Прикажи сестрам-то, что нарублю, сложить все в одно место, а как подмерзнет, подъезжай на лошадке да и увози к себе.

Не один день занимался отец Серафим с этой сосной, разрубая ее на части,— вышло несколько хороших столбов для будущей мельницы... В те же дни подошел к старцу гостинник (служащий при монастырской гостинице.— *Ред.*) Гурий, саровский послушник.

— Вот я занимаюсь Дивеевскою общиною,— сказал старец.— Вы и многие меня за то зазирали (попирали.— *Ред.*). Вот я просил Господа для уверения вашего, угодно ли Ему, что я ими занимаюсь. Если угодно Господу, то в уверение того чтобы дерево это преклонилось. На этом дереве от корня аршина полтора вышины была заметка вырублена крестом... Вот дерево преклонилось. Почему я занимаюсь ими? Я о них имею попечение за послушание старцев — строителя

Пахомия и казначея Исаии, моих покровителей. Они о них обещались пещись до кончины своей, а по кончине заповедали они, чтобы Саровская обитель вечно не оставляла их. А за что? Когда строился в Сарове холодный соборный храм, денег не было в обители, и тогда вдова полковника, имя ей Агафия, пришла сюда и с ней три рабыни единомышленные. Эта Агафия, возжелав спастись близ старцев, избрала местом спасения село Дивеево, тут поселилась и сделала пожертвования деньгами на устройство собора, не знаю сколько тысяч, но знаю только, что привезено было от нее три мешка денег,— один был с золотыми, другой с серебряными, а третий с медными, и были они полны онými-то деньгами. Собор и сооружен ее усердием. Вот за что обещались о них вечно пещись и мне заповедывали. Вот и я вас прошу, имейте о них попечение, ведь они жили тут двенадцать человек, а тринадцатая сама Агафья. Оне трудились для Саровской обители, шили и обмывали белье, а им из обители давали на содержание всю пищу — как у нас трапеза была, и у них была такова же. Это продолжалось долго, но батюшка игумен Нифонт это прекратил и отделил их от обители, по какому случаю — не знаю... Батюшка Пахомий и Исаия пеклись о них, но никогда в их распоряжения не входили, ни Пахомий, ни Исаия... Я и то не распоряжался ими, и никому нет дороги ими распоряжаться!

В другой раз тому же послушнику Гурию он так говорил о дивеевских сестрах:

— Не забывай и не оставляй их; чем можешь — словом, делом благотвори им. По Василию Великому, добродетель великая — не оставлять постниц. А ведь оне нам по-прежнему служат — готовят белье для братии; четырежды в год присылают белье мне: к Пасхе — сто рубах, к Успению Божией Матери — сто рубах, к Введению Божией Матери — сто рубах и к Рождеству Христову — и я их отдаю рухольному брату (хранителю монастырского имущества.— *Ред.*) для раздачи всем.

... Наступил 1826 год. Отец Серафим видимо старел, ходил потихоньку, опираясь на палку, а деятельность его все возрастала. Почти никто не понимал еще тогда, что это не просто прозорливый старец, а воистину Божий человек... «Тогда еще не всем было ясно,— писал митрополит Вениамин,— что к нему нужно было относиться не с уважением лишь, а с трепетным поклонением, как к величайшему угоднику Божию, дивному даже и среди святых всего мира. Это все открывалось постепенно, в течение целого столетия. Поэтому не будем судить строго тех, которые не могли еще отрешиться от человеческого воззрения на своего современника. Предоставим сие Богу». Как ни странно, а именно миряне, гораздо чаще, чем иноки, чувствовали этот «трепет» перед старцем, он удивлял и покорял их. Некоторых, незнакомых ему, он поражал тем, что выходил на крыльцо, приглашая к себе, называя по имени. Были такие посетители, которые от смущения и благоговейного страха не могли вымолвить ни слова — он ободрял их и, духом ведая их нужды, давал советы, наставлял, наделял сухариками, иных исцелял, кому-то подносил святой воды, поил из ложечки красным вином, а то и елеем, как одного молодого офицера, будущего генерала, худого, болевшего грудью юношу. Он был у отца Серафима зимой и изрядно промерз в своей шинельке на дворе и в сенях, пока, наконец, не попал в келлию старца.

— Какую радость Бог мне послал! — воскликнул отец Серафим и ввел офицера к себе. Посадить его было некуда, и он усадил его на пороге, а сам сел на пол напротив него, держа его за руку и даже эту руку целуя... «Вот какая была у него любовь к ближнему! — со временем вспоминал этот офицер.— Я, сидя против него, находился в каком-то необыкновенном восторге. После многих разговоров я ему сказал, что у меня болит грудь... На это он мне ответил:

— Это ничего! — встал, взял бутылку и подал мне, говоря,— глотни большой глоток.

Каков же был мой ужас, когда полилось мне в рот деревянное масло! Я думал, что мгновенно последствие будет дурное, но, напротив, масло оказалось вкусным. С этой минуты, благодаря Богу, грудь моя более не болела, и из худого, бледного юноши я сделался здоровым и крепким мужчиною».

Весной отец Серафим чаще стал ходить к своему роднику. Он решил возобновить и Богословский источник, покрытый гатью,— разобрал накат, очистил заболотившийся водоем, начал делать новый сруб и землю вокруг него укреплять камнями, которые вытаскивал из Саровки. Неподалеку устроил огород, посадил картофель, лук и разные другие овощи. Этим летом особенно сильно болели у него ноги, поэтому он

не мог для отдыха после трудов добраться даже до келлии покойного инока Дорофея, которая была весьма недалеко. Сюда приходили к нему иноки и миряне, и он не отказывал никому в беседе и помощи. Видя это, настоятель с милосердием отнесся к отцу Серафиму и приказал построить вблизи родника хижину, такую, как укажет старец. И была построена небольшая односкатная избушка без окон и дверей... Высота — чуть более двух метров, длина столько же, ширина полтора. Вход в нее, как и задумал старец, был как бы потаенный — под стеной, обращенной к скату холма. В эту темную хижину забирался отец Серафим через лаз и отдыхал там и молился. Немало дивились посетители таким странностям великого старца!

Отец Серафим знал, что мельничную обитель для дивеевских послушниц без денег не поднимешь, а взять их было совершенно негде. Дивеевская община пребывала в великой бедности и всяческих недостатках. Поэтому отец Серафим не отказывался от приношений (если только это было добро благоприобретенное) и часто нагружал дивеевских послушниц довольно тяжелыми ношами, снабжая их елеем, свечами, полотном, вином, мукой — всем, что было необходимо. Келлия старца в обители всегда бывала полна бутылей, мешков, разных связок и ящиков... Теперь он не стал отказываться и от денег, так что скоро скопилась довольно значительная сумма. Осенью 1826 года по требованию настоятеля он смог заплатить обители за весь древесный материал, изготовленный в монастырском лесу. Кроме того, он поручал своим ближайшим помощникам, чаще всего «Мишеньке» Мантурову, покупку в Арзамасе и Нижнем всего нужного для Дивеевской общины.

Одну из дивеевских сестер, Ксению Васильевну, молодую совсем девицу, благословил он ехать в Арзамас купить жернова для мельницы. Страшно было ей браться за такое дело, но отец Серафим ободрил ее, рассказал, как и куда надо ехать, к кому обратиться и что сказать. Мало что запомнив, девушка взяла деньги и поехала, крепко надеясь лишь на чудо и на молитвенное заступление старца. К ее удивлению, все обошлось как нельзя лучше — она привезла жернова, и весьма хорошие. Но только она вернулась, отец Серафим объявил ей, что Царица Небесная приказала иметь два постава на дивеевской мельнице — один во имя Господа нашего Иисуса Христа, а другой во Имя Свое, а потому нужно теперь же отправиться в село Хохлово к одному торговцу и купить у него еще пару жерновов. Ксения Васильевна никогда не бывала в селе Хохлове и опять смутилась, но, надеясь на заступление старца, отправилась туда пешком. В пути она стала сомневаться, так ли идет, но спросить было некого. Тут она заметила, что перед нею летают несколько птичек — отлетят немного вперед и сядут, а когда она подойдет к ним, вспорхнут и снова отлетят немного. Она догадалась, что птички указывают ей дорогу, и скоро в самом деле вышла к окраине села. В первом же дворе она увидела крестьянина, который смазывал телегу, готовясь к отъезду. Оказалось, что это и есть торговец, у которого надо было купить жернова. Они и были куплены. Торговец-крестьянин сам привез их в Дивеево.

А 9 декабря 1826 года, в день Зачатия Божией Матери, были привезены в Дивеево на саровских лошадях основные материалы для построения мельницы.

— В Зачатие Божией Матери и я хочу зачать обитель! — торжественно объявил старец сестрам и дал им бечевочку, по размеру которой и велел сделать закладку мельницы.

Отец Серафим нанял умелого плотника, крестьянина Ефима Васильева, и поручил ему все строительство в Дивееве. Призвав его к себе, он открыл ему, что земля, на которой он будет работать, пока еще не принадлежит общине, что она хотя и подарена ей, но пока нет законного оформления, однако оно непременно и скоро будет. Приказчик помещика Баташева будет мешать работе, останавливать ее, но ему нужно только говорить, что на эту работу получено благословение старца Серафима. Ефим Васильевич так и делал, и посланные приказчиком люди отступались от него. Он, вероятно не один, начал потихоньку возводить добротную ветряную мельницу, а дивеевские сестры, по благословению батюшки, на лошадях вывозили из саровского леса строительные материалы. В это же время вызвал отец Серафим к себе из Дивеева отца Василия Садовского. Тот нашел его в лесу у источника — батюшка сидел грустный, даже вздыхал.

— Старушка-то Ксения Михайловна,— сказал он,— у нас плоха! Кого бы нам вместо нее-то, батюшка?

— Кого уж вы благословите.

— Нет, ты как думаешь? — настаивал старец.— Елену Васильевну или Ирину Прокопьевну?

— Как вы благословите, батюшка.

— Вот то-то и я думаю, что Елену-то Васильевну, батюшка, она ведь словесная! Потому-то я и призвал тебя. Так ступай-ка ты да присылай ее ко мне.

На другой день пришла к отцу Серафиму Елена Васильевна Мантурова.

— Радость моя,— сказал он ей,— когда тебя сделают начальницей, тогда, матушка, праздник будет великий и радость у нас будет велия! Царская фамилия вас посетит, матушка.

— Нет, не могу, не могу я этого, батюшка,— отвечала она.— Всегда и во всем слушалась я вас, но в этом не могу! Лучше прикажите мне умереть, вот здесь, сейчас, у ног ваших, но начальницею не желаю и не могу быть, батюшка.

Да, она отказалась-таки, но отец Серафим, оставив ее в прежней общине, приказал «мельничным» девушкам во всем благословляться у нее и обо всем спрашивать ее разрешения. Всех вновь посылаемых сестер он отправлял прямо к ней, что ее очень смущало, а он сестрам говорил о ней: «Госпожа ваша! Начальница!» И при этом она не была начальницей. «Нет, нет, как угодно батюшке,— говорила она,— а в этом не могу я его слушаться — что я за начальница! Не знаю, как буду отвечать за свою душу, а тут еще отвечать за другие! Нет, нет, да простит мне батюшка, а послушать его в этом никак не могу!»

Мельница строилась всю зиму. А тем временем некие благодарные отцу Серафиму крестьяне, попросив у него благословения, вместо темной хижины срубили ему на том же месте хороший домик с дверью и сенцами, но опять же без окон — не нужны были старцу в этой, ближней, пустыньке окна. Только высоко, под самым потолком,— маленькое оконце-отдушина, а внутри — печь. Когда эта пустынька строилась, побывала здесь у батюшки одна из дивеевских послушниц, Ксения Васильевна Путкова. Сел он на бревнышко и, посадив ее рядом, стал говорить о кротости, смирении и любви, что если сестры дивеевские будут любить его, он всегда с ними будет.

— А я тебя к себе возьму! — вдруг сказал он.— Вот смотри-ка, радость моя, ведь эта вот пустынька нам с тобою строится, ведь она у вас будет, пустынька-то, и будем мы жить, как Авраам и Мария!

Батюшка прозревал, что после его кончины пустыньку эту перевезут в Дивеево. Но Ксения Васильевна не поняла иносказания и засмеялась:

— А я возьму да и уйду от вас, как Мария-то от Авраамия!

— Нет,— отвечал он,— радость моя, нет тебе дороги уйти-то; Авраам да Мария жили во притворе, а я тебя внутрь себя возьму! Ты и не уйдешь, матушка.

В июне на мельнице заканчивались последние работы. Сестры волновались, да и отец Серафим был в каком-то оживлении. Пора было исполнить волю Божией Матери о переводе на «мельницу-питательницу» (как он ее называл) семи сестер из общины. Он назначил жить на самой мельнице до построения келлий Прасковье Степановне, Евдокии Ефремовне, Ксении Ильиничне, Ксении Павловне, Прасковье Ивановне, Дарии Зиновьевне и Анне Алексеевне, а духовно окормлять их поручил отцу Василию Садовскому. Вскоре было начато строительство общей келлии, а отец Серафим где-то приобрел для них житницу, которую привезли и собрали возле мельницы. 7 июля 1826 года, накануне праздника Казанской иконы Божией Матери, жернова мельницы заработали. Через какое-то время к семи сестрам прибавил отец Серафим Прасковью Семеновну (старшую сестру отроковицы Марии Семеновны), Ксению Васильевну, Анисью Семеновну, Агафию Ивлевну и Екатерину Егоровну. «Вино новое вливаю в мехи новые!» — сказал отец Серафим. Впоследствии все эти сестры стали монахинями. По благословению отца Серафима для работ непосильных девицам был нанят работник. Трапезовать сестры сначала ходили в прежнюю общину, но вскоре отец Серафим благословил им самим печь хлеб и варить квас на мельнице.

Трудный устав саровских иноков отец Серафим заменил мельничной обители новым уставом, данным ему Самой Царицей Небесной. Встав утром, нужно было прочитать один раз *Достойно есть...*, трижды *Отче наш...*, трижды *Богородице Дево, радуйся...*, Символ веры, затем сделать два поясных поклона с Иисусовой молитвою *(Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную)...*, еще поклон

поясной с молитвою: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных.* И потом еще два поклона с молитвою: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, Госпожею Девою Мариею, Богородицею, помилуй мя, грешную!* Далее еще поклон с тою же молитвою, но оканчивая ее словами ... *нас, грешных.* Потом, стоя на коленях, двенадцать поясных поклонов с молитвой: *Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас, грешных!* и затем также двенадцать поклонов с молитвой: *Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси нас, грешных!* Далее читать положенные утренние молитвы. До обеда, трудясь, постоянно читать Молитву Иисусову, а после — *Владычице моя Богородице, спаси мя!* Вечером: прочесть двенадцатипсалмие, потом помянник с молитвами, святоотеческое поучение, сделать сто поясных поклонов с Иисусовой молитвой и сто с молитвой к Богородице. Затем вечерние молитвы. В воскресенье перед литургией петь по нотам Параклис Божией Матери. Исповедоваться и причащаться во все посты и двунадесятые праздники. В заключение отец Серафим повелел сестрам принимать пищу не стесняясь в любое время и всегда быть вместе — ни в келлии, ни в дороге не быть в одиночку.

Жизнь сестер на мельнице была нелегкая. До осени жили в самом рабочем помещении. «Спали на камнях мельничных, которых было два,— вспоминала сестра Ксения Ильинична,— и петь на них же учились, и читать как бы на двух клиросах». Они по очереди засыпали зерно во время помола. Евдокия Ефремовна вспоминала: «Нас всегда было в череде по две сестры и один работник. Раз прихожу я на мельницу, работник спрашивает: с кем ты пришла? — Одна,— говорю.— Я с тобою не буду молоть,— говорит он, и ушел от меня в Вертьяново. Оставаясь одна, я горько заплакала и говорю громко: батюшка Серафим, ты не спастись привел меня сюда! Ветер был страшный, мельница молола на два постава, и наконец сделалась буря. Я заплакала во весь голос, потому что не поспевала засыпать жита, и вдруг в отчаянии легла под камни, чтобы они меня задавили! Но камни тотчас остановились, и явно предо мною стал батюшка Серафим.

— Что ты, чадо, вопиешь ко мне? — спросил он.— Я пришел к тебе! Я всегда с теми, кто меня на помощь призывает. Спи на камушках зиму и лето, не думай, что они тебя задавят! Я вот, матушка, просил барышень, но оне отказались, что груба пища да бедна община. Я упросил Царицу Небесную, Она и благословила мне набрать простых девушек, вот, матушка, я и собрал вас и прошу послужить мне и моей старости, а после буду я присылать к вам всякого рода и из дворян, и из купечества, и духовного звания, и высоких родов! Звал я многих — высокого-то звания не пошли... В начале-то трудно было бы жить, вот я и призвал вас. Вы теперь послужите, а кто придет после, послужит и вам.

В Дивеевской общине не было своей церкви. Казанская, куда они ходили, хотя и построена была их первоначальницей, но была приходской, и миряне чаще всего заполняли ее во время служб до отказа... И вот в 1827 году отец Серафим призвал к себе Михаила Васильевича Мантурова и сказал:

— Радость моя! Бедная-то общинка наша в Дивееве своей церкви не имеет, а ходить-то им в приходскую, где крестины да свадьбы, не приходится, ведь оне девушки. Царице Небесной угодно, чтобы была у них своя церковь, к паперти же Казанской церкви пристроена, так как паперть эта достойна алтаря, батюшка! Ведь матушка Агафия Семеновна, стоя на молитве, всю токами слез своего смирения омыла ее... Вот, радость моя, и выстрой ты храм этот Рождеству Сына Ее Единородного, сиротам моим!

Михаил Васильевич, по велению отца Серафима, хранил все деньги от проданного своего имения. Отец Серафим задумал строить храм в Дивеевской общине на деньги человека, принявшего на себя добровольный подвиг нищенства. До этого отцу Серафиму несколько раз предлагали деньги на построение храма, но он отвергал их как «нечистые и неугодные Царице Небесной... Бывают,— говорил он,— деньги обид, слез и крови!»

— Благослови, батюшка! — ответил Михаил Васильевич и начал хлопоты о разрешении строительства и по приготовлению материалов. С Божией помощью дело пошло быстро. Конечно, по этим делам Михаил Васильевич часто бывал у старца. И уж сколько чудесного видел он от старца и сам на себе испытал, а поразило его еще одно чудо.

Раз они говорили в его монастырской келлии под вечер, становилось темно, а

у батюшки почему-то на этот раз не горело ни одной свечи и ни одной лампады. «И подумал я,— рассказывал Мантуров,— что это батюшка лампадок-то не зажигает? Забыл, видно?.. И вдруг, не успел я это подумать, смотрю: сперва по одной лампадной цепочке, а там и на цепочке другой лампады, откуда-то сверху, стал, точно ленточкой, обвиваться голубоватый огонек; обвился змейкой и зажег обе светильни. Я от страху не смел пошевелиться. А батюшка и говорит: «Не убойся, Мишенька! Тому так и быть должно. Это Ангел Господень зажигает лампадки. Вот был бы ты девственник, и тебе было бы открыто явление Ангела, но ты женат, и потому тебе Ангела видеть не можно».

Трудно было современникам отца Серафима хотя бы приблизительно представить себе, какую он благодать имел от Господа. Вид его был обманчиво прост*, одежда убога, речь по-мужицки проста, с разными присловьями, даже с южным акцентом (он, например, свое имя произносил как Серахвим). Однако какие чудеса видели бедные странники, недужные, иноки и инокини, и епископы, и всякого сословия и занятий люди! Дивеевские насельницы видели его идущим не по земле, а над землей (и он, как всегда, просил при этом тех, кто сподобился видеть это, «умолчать», не открывать никому). Больной, о выздоровлении которого при нем в келлии молился батюшка, причем просил не смотреть на него, полюбопытствовал и увидел старца молящимся «на воздухе», на аршин от пола (и его отец Серафим ласково упрекнул в ослушании и велел «умолчать»). Точно то же было и с одной недужной, «скорченной», женщиной — отец Серафим стоял на воздухе «на коленях» и с воздетыми руками. Не выходя из своей келлии, дивный старец переносился в другие места — так было на дивеевской мельнице, когда одна матушка изнемогла и бросилась под жернова (см. выше).

Однажды в Саровскую пустынь — зимой или ранней весною (может быть, во время Великого поста) — прибыл архиерей — епископ Тамбовский Афанасий, который, кажется, не совсем верил в святость отца Серафима. После осмотра обители он пожелал видеть старца и, как тот оказался в пустыньке, поехал к нему со своей свитой. Отец Серафим вышел, попросил благословения и, оставив свиту на дворе, повел Владыку в келлию. Епископ сказал старцу, что «вот про тебя говорят, что ты творишь чудеса». Отец Серафим ответил, что «чудеса может творити токмо один Всемогущий Господь». Он стал хлопотать о каком-нибудь угощении для Владыки. Тот стал отказываться, а старец направился в угол своей келлии и принес оттуда свежую ветку малинового куста с множеством спелых ягод... Архиерей был сильно поражен этим вразумлением ему от Господа, но отец Серафим и его попросил «умолчать»... Примерно в то же время, когда еще таял снег и природа только начала пробуждаться, одна из дивеевских инокинь, Прасковья Ивановна, трудилась возле источника вместе со старцем. Он и всегда очень жалел своих «сироточек», а тут, видимо, что-то побудило его сделать для усталой, может быть и загрустившей, девушки особенное утешение. Он пошел в келлию, а потом окликнул ее с крылечка:

— Что я тебе принес, матушка!

И подошел к ней, держа в руках зеленую, с листочками, веточку, на которой виднелись какие-то плоды. Сорвав один, он вложил ей в уста — вкус плода был необыкновенно приятен, но незнаком. Сорвав и подав ей другой плод, он сказал:

— Вкуси, матушка, это райская пища!

Здесь же, на огороде, некоторое время спустя, отец Серафим дал дивеевским сестрам, работавшим у него, луковицы. Поздно вечером они приготовили грядки и посадили их. Утром они пришли, батюшка и посылает их срезать зеленые перья лука. Сестры улыбнулись, думая, что он или шутит, или искушает их для чего-то:

— Что это вы, батюшка! Ведь только вчера вечером посадили мы лук.

— А вы подите-ка! Подите!

---

* Один благочестивый человек писал, как он отца Серафима «повстречал на дороге... лежащего под большим пнем, прикрытого сучьями древесины и как будто спящего. Одет был старец в коротенькой шубке, подпоясан веревочкой, у которой висела холщовая сумка с хлебом; вид подвижника напоминал собою монастырского пастуха, и это смирение несказанно тронуло мое сердце, оставив в нем впечатление навсегда».

Пришли на огород и глазам своим не верят — высокий, сочный лук... Отец Серафим велел весь его срезать и отнести на трапезу в обитель.

Позднее была и еще подобная история с чудесным луком. Михаил Васильевич Мантуров и отец Василий Садовский приехали к батюшке Серафиму по делу. «Он нас встретил у самого источника,— пишет отец Василий,— и Михаил Васильевич, приняв благословение, спросил о чем было нужно. Шагах в шести от источника виднелась грядка недлинная, но широкая, в пол-аршина вышины, с зеленым луком. Батюшка и говорит:

— Этот лук уже поспел, вырвите его.

Мы оба начали рвать, но батюшка, видя, что мы рвем с осторожностью, дабы не запачкаться, так как земля была сыровата, зашел в середину и, став между нами на коленочки, начал вырывать обеими ручками лук, приговаривая:

— Вот так надо, батюшка... Вот...

И так серединой грядки прополз до конца, вырывая лук обеими руками с обеих сторон и по краям, сколько его на грядке ни было. Потом заставил омыть луковки, находившиеся в земле, у желоба, из которого текла вода, и когда это было сделано, то, навязав нам обоим этого луку по немалой ноше, приказал отнести в Дивеевскую обитель сестрам на трапезу, прибавив, чтобы и сами кушали сколько угодно, так как этот лук — целебный. Что же? По приходе домой узнал я от сестры Евдокии Трофимовны, что на эту грядку прошлый день они с батюшкой кузовами носили мох лишь за несколько часов до нас, а поутру на ней увидали уже лук, и мы вырывали этот лук... Какого он был вкуса, об этом и сказать невозможно: не теряя вкуса лука, и душист он и сладок, и приятен необыкновенно; чудный во всех отношениях лук и целебный, как оказалось это на жене моей, которую, вернувшись, нашел крайне больною и, дав ей кстати принесенного лука, сказал: «Батюшка говорит, что это целебный лук, на-ка, поешь-ка!» Как только она вкусила этого, за одну ночь выросшего, лекарства, так и стала здорова».

Изредка, конечно для пользы душевной слушающих, он рассказывал о совершенно необыкновенных и непонятных простому смертному чудесах.

— Умерли две монахини,— рассказывал он однажды,— бывшие обе игуменьями. Господь открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах оне были истязуемы и потом осуждены. Трои сутки молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по своей благости, молитвами Богородицы, помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение.

В другой раз узнал отец Серафим о том, что некая душа, потерянная и несчастная, оказалась в когтях у самого сатаны, и пожалел батюшка о ней так, что простер за нее великое моление к Спасителю и Божией Матери. И вот духовным взором увидел отец Серафим эту душу вырвавшейся из когтей сатаны чистою, как голубица. Сатана, разъяренный своею потерей, ринулся на отца Серафима и нанес ему жестокую язву, которая пришлась на спине между лопатками. Он мог бы умереть от нее, но Господь его исцелил, осталась только постоянная боль, такая, как если жечь палец на свече. Эта боль не оставляла отца Серафима до самой его кончины.

Однажды дивеевская сестра Анна Алексеевна работала у отца Серафима на огороде, а потом он позвал ее к себе в келлию и они стали на молитву... Вдруг в келлии потемнело, да так, что не стало видно ничего, ни батюшки, ни икон... Анна Алексеевна, испугавшись, пала ниц. Через какое-то время батюшка велел ей встать.

— Знаешь ли, радость моя,— сказал он,— отчего в такой ясный день сделалась вдруг такая ужасная тьма? Это оттого, что я молился за одну грешную умершую душу и вырвал ее из рук самого сатаны. Он за то так и обозлился на меня, сам сюда влетел! Оттого-то и сделалась тьма.

— Вот как еще на земле-то сильна была молитва его,— говорила в заключение этого рассказа Анна Алексеевна,— и теперь же на небе у Господа — все что ни попросит, может!

Была у отца Серафима данная ему от Господа власть и предавать сатане упорствующие в грехе, погибшие души людей. Много таких случаев рассказано было современниками старца, особенно дивеевскими сестрами. Ксения Васильевна Путкова поведала следующее: «Говоря вообще о будущем и о всеобщей слабости к концу рода человеческого, особенно же о нашей женской немощи, не приказы-

вал батюшка изнурять себя непосильными ныне подвигами поста по древнему обычаю; батюшка велел более всего бояться, бегать как от огня и храниться от главнейшего — уныния.

— Нет хуже греха, матушка, и ничего нет ужаснее и пагубнее духа уныния! — говорил батюшка Серафим, почему и приказывал всегда быть не только сытой и кушать вволю, но и на труды брать с собою хлеба.

— В кармашек-то свой и положи кусочек,— говорил он,— устанешь, умаешься — не унывай, а хлебца-то и покушай да и опять за труды!

Даже на ночь под подушку приказывал он класть хлеба:

— Найдет на тебя уныние да раздумье, матушка, а ты хлебушка-то вынь да и кушай, уныние-то и пройдет, хлебушек-то и погонит его, и сон после труда вам хороший даст он, матушка!

Строго воспрещал батюшка когда-либо и кому-либо отказывать в хлебе. Вот и случилось следующее. У нас в трапезе была стряпухой строгая-престрогая сестра; и всем она была хорошая сестра, да как еще то было при матушке Ксении Михайловне в старой обители, а матушка-то Ксения Михайловна, не тем будь помянута, была очень скупенька, то всегда и бранила и выговаривала ей, что все скоро выходит, что всего много надо, так бывало и не было того, как впоследствии у нас, чтобы после трапезы да кому дать кусочек — и Боже упаси!.. Вот и узнал это батюшка Серафим да и потребовал ее к себе. Пришла она, и я в то время была у батюшки. Отец Серафим разгневался на нее и так страшно, строго и грозно ей выговаривал, что страх и ужас охватили меня.

— Что это, матушка,— говорил он,— я слышу, ты вволю поесть не даешь сиротам!

И пошел... а она-то так и сяк оправдывалась перед ним, объясняя, что-де начальница не велит и строго с нее спрашивает. А батюшка все свое.

— Нет,— говорит,— нет, матушка, нет тебе от меня прощения! Так что ж, что начальница, не она моих сироточек-то кормит, а я их кормлю! Пусть начальница-то говорит, а ты бы потихоньку давала, да не запирала, тем бы и спаслась! Нет, матушка, нет тебе моего прощения! Чтоб сиротам моим, как хочешь, а всегда бы хлебушко был и кушали они вволю! И делать того не моги!..

Бедная сестра так и ползала на коленках у ног батюшки, но он со скорбию, грозно говорил:

— Сиротам хлеба не давать! Нет, матушка, нет тебе от меня прощения!

С тем и ушел батюшка, не благословив сестру. Выговор этот, видно, так запал ей в душу, что как пришла она, бедная, домой, вскоре начала хворать, зачахла и потом умерла».

А одной дивеевской сестре, Евфимии Гавриловне, отец Серафим поручил заботиться о девочке Варваре, страдавшей падучею болезнью. Сестра тяготилась этим послушанием, требовавшим милосердия и смирения, так относилась к больной, что та стала проситься от нее к своей сестре, Анне Алексеевне, тоже дивеевской послушнице. Да и Евфимия Гавриловна прямо сказала, что не будет ею заниматься. Отец Серафим приказал все же оставить девочку в келлии у Евфимии Гавриловны. Все шло плохо. И вскоре сестра эта была по какому-то случаю исключена из обители, уехала к родным, а там ее нечаянно убила лошадь...

Шестьдесят уже восемь лет старцу Серафиму.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Во время Великого поста 1829 года из конторы помещиков Баташевых пришла наконец официальная бумага — дарственная на три десятины той дивеевской земли, на которой стояла мельница девичьей общины. Отец Серафим воспринял это событие как великий праздник: весь сияя от радости, он вручил Михаилу Васильевичу Мантурову кадочку с медом и приказал передать мельничным сестрам, пусть-де, когда обойдут землю за землемером, скушают этот мед с хлебом. А когда будут идти, то пусть запасутся камешками и кладут их ровной цепочкой на снег от колышка к колышку — снег растает и камешки останутся на земле, точно очертив владение. Сестры, конечно, все так и сделали. И мед Серафимов был съеден с истинным детским удовольствием. По просьбе отца Серафима сестра Елена Васильевна (Мантурова) написала благодарственное письмо дарительнице земли ге-

нераньше Постниковой, а батюшка прибавил к письму свое благословение — несколько сухариков.

Когда снег сошел, колышки упали, иные водой отнесло на другое место, а камешки лежали на земле ровной полосой. Отец Серафим велел опахать землю по этой границе сохой три раза по одной и той же борозде. И потом, когда земля просохла и начала расти трава, велел прорыть по всей границе канавку в три аршина глубины (два с половиной метра) и землю из нее бросать на внутреннюю сторону, чтобы над канавкой был вал вышиною также в три аршина. А для укрепления вала велел насадить на нем крыжовник.

— Когда так сделаете,— говорил батюшка,— никто через канавку эту не перескочит. Канавка эта — стопочки Божией Матери! Тут ее обошла Сама Царица Небесная! Эта канавка до небес высока! Землю эту взяла в удел Сама Госпожа Пречистая Богородица! Тут у меня и Афон, и Киев, и Иерусалим! И как антихрист придет, везде пройдет, а канавки этой не перескочит!

Канавку рыть было нелегко, и работы хватило года на четыре. Батюшка торопил, не велел переставать, рыли и зимой — топорами рубили землю... А все-таки работу начали не сразу, медлили... Сестра Анна Алексеевна много лет спустя вспоминала: «Приказал батюшка вырыть канавку, дабы незабвенна была во веки веков для всех тропа, коею прошла Матерь Божия, Царица Небесная, в удел свой взяв Дивеево! Слушать-то сестры все это слушали, да все и откладывали исполнить приказание батюшкино и не начинали рыть канавку. Раз одна из нас, чередная, по имени Мария... ночью, убираясь, вышла зачем-то из келлии и видит — батюшка Серафим в белом своем балахончике сам начал копать канавку. В испуге, а вместе и радости, не помня себя, вбегает она в келлию и всем нам это сказывает. Все мы, кто в чем только был, в неописанной радости бросились на то место и, увидев батюшку, прямо упали ему в ноги, но, поднявшись, не нашли уже его, лишь лопата и мотыжка лежат перед нами на вскопанной земле. С аршин была уже она на том самом месте вырыта; по этому-то самому и называется это началом канавки; так сам батюшка, видя нерадение и небрежение наше к исполнению заповеди его, начал копать ее. Тут уже все приложили старание... всю своими руками, как приказывал он, выкопали сестры эту святую, заповедную нам канавку; и лишь только окончили, скончался тут же и родимый наш батюшка, точно будто только и ждал он этого».

Вот рассказывает и другая сестра: «Была я у батюшки одна из двенадцати первых сестер и, поработав, ночевала в пустыньке, не пустил он меня, а наутро-то, чуть свет, и посылает: «Гряди, гряди,— говорит,— матушка, скажи девушкам, пусть сегодня начинают канавку рыть; я был там и сам начал ее!» Иду дорогой да думаю: как же это батюшка-то говорит, что был? Должно быть, ночью ходил. Прихожу, и рассказать-то еще не успела, а сестры встречают меня, рассказывают друг дружке, как на заре видели батюшку-то, как, обрадовавшись, бросились было к нему, а он и пропал, вдруг стал невидим! А я-то свое рассказываю им».

И третья: «У вас канавку вырыть надо!» — раз так-то заботливо говорит мне батюшка Серафим. Три аршина чтобы было глубины и три аршина ширины и три же аршина вышины, воры-то и не перелезут! — На что, говорю, батюшка, нам ограда бы лучше! — Глупая, глупая! — говорит.— На что канавку? Когда век-то кончится, сначала станет антихрист с храмов кресты снимать да монастыри разорять и все монастыри разорит! А к вашему-то подойдет, подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба, ему и нельзя к вам взойти-то, нигде не допустит канавка, так прочь и уйдет!»

Елена Васильевна Мантурова считалась начальницей мельничной обители, но рыла канавку со всеми сестрами вместе. Отец Серафим говорил им, когда кто-нибудь из них приходил к нему: «Во, матушки, начальница-то ваша, госпожа-то ваша как трудится, а вы, радости мои, поставьте ей шалашик, палатку из холста, чтоб отдохнула в ней госпожа-то ваша от трудов!»

Канавку копали, а возле Казанского собора строили храм Рождества Христова. 19 августа 1829 года, в день Преображения Господня, он был освящен, хотя еще не был достроен и даже икон в нем не было... Михаил Васильевич Мантуров и отец Василий Садовский указывали отцу Серафиму, что вроде бы рано освящать, но старец отвечал: «Если церковь не будет освящена в этот день, то так и останется не освященною вплоть до будущего года и опять же до праздника Пре-

ображения Господня, в который должна она быть освящена, потому что Господу так угодно, батюшки!»

Отец Серафим послал Мантурова в Нижний пригласить Благовещенского монастыря архимандрита Иоакима на освящение храма, прося его приехать именно в день Преображения Господня. Приехал он, а в храме ни иконостаса, ни даже входа. Спешно принесли две местные иконы, ко входу приладили приставную лестницу, и началась служба... Храм был освящен. Только уехал архимандрит, а отец Серафим призывает к себе Мантурова.

— Худо мы, батюшка, с тобой сделали; ведь мы храм-то во имя Рождества Спасителя выстроили, а во имя Богородицы церкви-то у нас с тобой и нет! А Царица-то Небесная, батюшка, прогневалась на меня, убогого Серафима, и говорит: «Сына Моего почтил, а Меня позабыл!» Так вот что и удумал я, батюшка,— нельзя ли нам это исправить — нельзя ли внизу-то нам с тобою под церковью еще церковь сделать?

— Уж и не знаю как,— озадаченно отвечал Михаил Васильевич.— К тому же и места мало, да и ход туда, под крыльцо, как лазейка!.. Разве подкопать землю?

— Во, во, батюшка! — обрадовался старец.— Как ты хорошо удумал! Схлопочи-ка батюшка, и будут у нас две церкви с тобою, и Царица-то Небесная не прогневается на нас. Да вот возьми-ка, я тебе и меру приготовил (батюшка подал Михаилу Васильевичу бечевку) — если место как раз по ней выйдет, батюшка, то можно будет устроить придел и Царице Небесной!

Стали копать под церковью — сколько можно. Михаил Васильевич прикинул подкоп серафимовой бечевкой, и он оказался ровно в эту меру! Пошел, доложил об этом старцу, и тот благословил строить внизу церковь. Потом оказалось, что внизу надо ставить четыре дополнительных столба, а церковка выходит и так тесной... Мантуров и об этом доложил батюшке.

— Во, во! — в восторге воскликнул он.— Четыре столба — четверо мощей! Радость-то какая нам, батюшка! Четыре столба — ведь это значит четверо мощей у нас тут почивать будут! И это усыпальница мощей будет у нас, батюшка! Во, радость-то нам какая!

И долго он каждого приходящего встречал фразой:

— Четыре столба — четверо мощей!

Отец Серафим пустил в ход накопленные деньги — послал одного нарочного на Нижегородскую ярмарку за колоколами для Рождественского собора, а другого в Москву за священными сосудами. Потом прислал он в собор разные облачения и несколько собственных своих икон: Казанский образ Божией Матери, Преподобного Сергия, святых Кирилла и Марии, а также складень в серебряной ризе и с изображением Спасителя, Божией Матери и Иоанна Предтечи. Приходские священники начали по очереди служить в новом храме. Сестры Дивеевской общины стали петь на клиросе, возжигать свечи и лампады, наводить чистоту и порядок, читать по очереди неусыпную Псалтирь...

Был при самом начале этого такой случай. Сестра Ксения Васильевна, чередная, следила за лампадками во время службы. По завету отца Серафима перед иконой Богоматери стояла неугасимая лампада. И вдруг Ксения Васильевна видит, что неугасимая лампада догорает, а в бутыли нет масла... Служба кончилась, и все вышли, а лампада погасла. Сестра стала плакать и, вспомнив завет батюшки Серафима, подумала: «Если несправедливыми оказались слова его о неугасимой лампаде — ведь нет ни елея, ни денег — то, может быть, и во всех других случаях не сбудутся его предсказания». Вдруг — слышит треск. Смотрит — лампада засветилась... Подошла ближе, видит, что стаканчик полон масла и рядом лежат два серебряных рубля... А когда потом вышла во двор, там встретил ее незнакомый крестьянин, который дал ей триста рублей и попросил о упокоении его родителей подливать елея в неугасимую лампаду...

А батюшка задумал строить в Дивеевской общине еще и большой собор. Но сначала надо было приобрести землю. К владельцу той полосы, где наметил старец новое строительство, господину Жданову, послал Елену Васильевну Мантурову. Он дал ей триста рублей и велел даром земли не брать, а непременно заплатить.

— Святой царь Давид,— сказал он,— когда восхотел соорудить храм Господу на горе Мории, то гумно Орны туне не приял, а заплатил цену; так и здесь. Царице Небесной угодно, чтобы место под собор было приобретено покупкою, а не туне его получить. Я бы мог выпросить землю, но это Ей не угодно... Поезжай в город Темников к хозяину этой земли Егору Ивановичу Жданову, отдай ему эти мои деньги и привези бумажный акт на землю.

Она поехала.

— Как?! — воскликнул господин Жданов.— Вы хотите, чтобы я продал этот столь малый и единственно мне принадлежащий клок земли дивному Серафиму? Полноте, матушка, вы шутите... берите даром!

Но, выслушав Елену Васильевну, он вынужден был взять деньги. Купчая была оформлена. Впоследствии открылось, что у Жданова и его семьи в этот момент не было ни копейки денег, он потерял службу и терпел крайнюю нужду, не зная что делать. Тем не менее он не хотел брать Серафимовых денег. И вот с них-то, с этих трехсот рублей, стали быстро и чудесно поправляться его дела, все устроилось, он также выдал замуж дочь, женил сына, нашел ему службу...

Когда Елена Васильевна вернулась, отец Серафим пришел в восторг и, целуя купчую, восклицал:

— Во, матушка, радость-то нам какая! Собор-то у нас какой будет, матушка! Собор-то какой! Диво!

Потом были куплены другие полоски земли — Мантуров и Мотовилов скупили чрезполосные владения, а частью обменяли. Монахиня Евпраксия вспоминала, как батюшка однажды сказал ей:

— Вот этот лес, что Горячев ключ-то называется, это наш лес будет, матушка*. Тут могут быть и пчелки у нас, потому что хороший приют тут будет, и вода близко, и всякий цвет! А воск-то занадобится нам, матушка, свечки Богу будем работать. А жители-то, жители-то, все вокруг нам служить будут, радость моя! И какая радость-то будет, но мы не доживем, и я не доживу, как собор-то у нас пятиглавый будет! Только и ты, матушка, не узришь, как это совершится! А будет-то он в средине двух церквей, против Казанской церкви, а тут напротив нее будут Святые врата, и какая радость-то будет, какая радость-то будет!.. И пойдет ограда каменная вплоть до речки, и все наше будет!.. Четверо мощей будут у нас, матушка! Какая великая радость-то будет! Среди лета запоют Пасху, радость моя! Приедет к нам Царь и вся Фамилия! Дивеево-то лавра будет, Вертьяново — город, а Арзамас — губерния! Станут все приходить к нам, матушка, запираться для отдыха-то будем; станут деньги давать, только берите; в ограду станут кидать, а нам уже не нужно, много своих тогда будет, матушка!

— Кто в Дивееве у меня живет,— говаривал отец Серафим,— не для чего ему никуда ходить — ни в Иерусалим, ни в Киев — пройди по канавке-то с четочками, прочти полтораста Богородицу — тут у меня Иерусалим и Киев!

Много пророческих слов было сказано батюшкой сестре Ирине Семеновне. Она работала у него в пустыньке, а он говорил:

— Вот, матушка, скажу вам, придет время, у нас в обители все будет устроено. Какой собор будет! Какая колокольня! А келлии и ограда будут каменные, и во всем будет у вас изобилие!

И вдруг он поник и прослезился:

— Но тогда жизнь будет краткая. Ангелы едва будут успевать брать души... А кто в обители моей будет жить, всех не оставлю. Кто даже помогать будет ей, и те муки будут избавлены! Канавка же будет вам стеною до небес, и когда придет антихрист, не возможет он перейти ее, она за вас возопиет ко Господу и стеною до небес станет и не впустит его! А колокол-то московский, который стоит на земле около колокольни Ивана Великого, он сам придет к вам по воздуху и так загудит, что вы пробудитесь и вся вселенная услышит и удивится.

О том же московском колоколе рассказывал он и другой матушке:

— Когда его повесят да в первый-то раз ударят в него и он загудит,— и батюшка изобразил это гудение голосом,— тогда мы с вами проснемся! О! Во, матушки вы мои, какая будет радость! Среди лета запоют Пасху! А народу-то,

---

* Предсказание исполнилось лет сорок спустя.

народу-то, со всех сторон, со всех сторон*! — Помолчав, продолжал.— Но эта радость будет на самое короткое время. Что далее, матушка будет... такая скорбь, чего от начала мира не было!

И заскорбел батюшка, опустил голову, и слезы полились по его щекам.

Радуясь новым храмам в Дивееве, отец Серафим неустанно наставлял сестер благоговейно относиться к ним:

— Нет паче послушания, как послушание Церкви! И если токмо тряпочкою притереть пол во дому Господнем, превыше всякого другого дела поставится у Бога! Нет послушания выше Церкви! И все, что ни творите в ней — и как входите и исходите, все до́лжно творить со страхом и трепетом и никогда не престающею молитвою. И никогда в церкви, кроме необходимо должного же церковного и о церкви, ничего не должно говориться в ней! И что же краше, превыше и преслаще церкви! И кого бо токмо убоимся в ней, и где же и возрадуемся духом, сердцем и всем помышлением нашим, как не в ней, где Сам Владыка Господь наш с нами всегда соприсутствует!

Велика и неусыпна была забота старца о дивеевских «сиротах». Вот просят они благословение пойти за брусникой.

— Радости мои,— говорит он,— вы ничего не бойтесь, вас никто не может обидеть; кто же обидит, сам всегда будет наказан!

И пошли Ксения Ивановна и другие сестры в лес на несколько дней по ягоды. В лесу собирают бруснику с молитвой, каждая про себя, вдруг слышат, кто-то верхом скачет, кричит — лесник:

— Что вы тут шляетесь! Чтобы духа вашего тут не было!

Сестры стали собирать корзины, чтобы уйти, но лесник уехал. Тогда они снова начали искать ягоды. А он тут как тут:

— Ведь сказано вам убираться отсюда!

И замахнулся длинной плетью на Ксению Ивановну. А плеть из его руки вдруг исчезла. Удивился он, соскочил с коня, стал шарить по земле — нет плети нигде!

— Странно,— сказал он и обратился к сестрам,— помогите найти, плеть-то хозяйская...

Сестры искали очень усердно, но не нашли. И лесник, изумленный и даже испуганный, так и уехал, оставив сестер в покое.

Когда отец Серафим узнал об этом, сказал сестрам:

— Где же ему плеть-то найти, ведь она в землю ушла.

Блаженные были то времена для дивеевских сестер. За батюшкой — как за стеной!

Сестры Домна Фоминишна и Акулина Васильевна несли послушание возчиц дров от дальней пустыньки отца Серафима в Дивеево. Раз зимою навязали воз, пока трудились — промерзли, а батюшки в дальней пустыньке в это время не было... Доехали они с дровами до ближней и, не зная тут ли он, плача от холода, встали около избушки. Батюшка прознал духом, что они тут, постучал кулаком изнутри в стену, заходите, мол. Они не слышали. Тогда он вышел сам, ввел их, обогрел, напоил «взварцем» из трав и утешил как добрый отец дочерей своих. Забыли они про холод, усталость и слезы, веселые поехали домой...

Раз пришла к старцу одна сестра унывающая: «По кончине не будет уже никому и никакой награды»,— в смущении духа думалось ей. Батюшка встретил ее весьма ласково: «В сеночках,— вспоминала она,— положил головку на грешное плечо мое и сказал: «Не унывай! Не унывай, матушка, мы в Царствии-то Небесном будем с тобою ликовать!» — и всплеснул он ручками, и лицо его как свет просветилось, и до трех раз повторял он все эти же сладостные слова: «Не унывай! Не унывай, мы с тобою в Царствии Небесном будем ликовать!» — и прибавил: «Матушка, чтоб умная молитва навсегда бы при тебе была». А я, грешница, изнемогала в малодушии. «Не слушай,— говорит,— матушка, куда тебя мысли-то посылают, а молись так, матушка: *Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое* — и с начала до конца: *О, всепетая Мати...*, потом: «Помяни, Господи, отца нашего иеромонаха Серафима, и свое-то имя помяни, вот, матушка, мои грехи простит Господь и твои, так и спасемся!»

---

* Во время перенесения мощей преподобного Серафима Саровского из Москвы в Дивеево (23 июля — 1 августа 1991 года) многочисленные участники крестного хода пели пасхальный канон.

Однажды заскорбел так же вот, как дивеевская сестра, один инок саровский. Уж он почти в отчаяние пришел и упросил одного брата с ним монастырь обойти для утешения беседою. Вот и пошли они. Проходя мимо конного двора, где была тропа в лесные пустыньки отца Серафима, брат поспешил, чтобы своротить куда-нибудь, не желая встретить старца в таком унылом состоянии, но старец был уже тут. Он, в белом балахоне и закутанный в какой-то огромный зеленый платок (так что конец его по земле тащился), остановился и благословил упавших ему в ноги монахов.

— *Радости исполни мое сердце, Дево, яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляющи,*— пропел отец Серафим стих из 9-й песни канона (Параклиса), *поемаго во всякой душевной скорби и обстоянии.*

Потом, топнув ногою, сказал:

— Нет нам дороги унывать, потому что Христос все победил, Адама воскресил, Еву свободил, смерть умертвил!

И потом, идя вместе с иноками в обитель, много утешал их своей беседой. Скорбящий брат возвратился в свою келлию в радости душевной и с новыми силами.

Приходит отец Серафим в обитель, а там его кто-нибудь из дивеевских поджидает. Так им самим было заведено. Он приготовляет «ношу», большой мешок с припасами, скопившимися в келлии от приношений мирян. И чего тут только не было — все необходимое для храма и трапезы. Саровские насельники — да и сам игумен — искушались этим, останавливали сестер, спрашивали, что несут. Бывали случаи, когда игумен отбирал и отдавал в монастырское хозяйство эти серафимовские «ноши». Старец же молчал, приказывал сестрам идти с грузом в задние врата, мимо конного двора, избегать встреч с монахами. Хуже стало, когда в монастырь опять поставили военную команду. Солдатами, стоявшими у ворот, распоряжался сам игумен.

Сестра Евдокия Ефремовна чаще других приходила за «ношами» (видно, была покрепче). Ее воспоминания об этих походах читаешь с невольной улыбкой, но грустно становится от них на душе. «То всем известно,— говорила она,— как не любили саровцы за нас батюшку отца Серафима; даже гнали и преследовали его за нас постоянно, много-много делая ему огорчения и скорби! А он, родной наш, все переносил благодушно, даже смеялся и часто сам, зная это, шутил над нами. Прихожу я к батюшке-то, а он всем ведь при жизни-то своей сам питал и снабжал нас всегда с отеческою заботою, спрашивая: есть ли все? не надо ли чего? — Со мною, бывало, да вот с Ксений Васильевной и посылывал — больше меду, холста, елея, свечей, ладану и вина красного для службы. Так-то и тут пришла я, наложил он мне, по обыкновению, большую суму-ношу, так что насилу сам ее с гробика-то поднял, индо крякнул, и говорит: «Во, неси, матушка, и прямо иди во Святые ворота, ничего не бойся»! Что это, думаю, батюшка-то, всегда, бывало, сам посылает меня мимо конного двора задними воротами, а тут вдруг прямо на терпение да на скорбь-то Святыми воротами посылает! А в ту пору в Сарове-то стояли солдаты и всегда у ворот на часах были. Саровские игумен и казначей с братиею больно скорбели на батюшку, что все дает-де нам, посылает, и приказали солдатам-то всегда караулить да ловить нас, особенно же меня им указали. Ослушаться батюшку я не смела и пошла сама не своя, так и тряслась вся, потому что не знала, чего мне так много наложил батюшка. Только подошла я к воротам, читаю молитву, солдаты-то двое сейчас тут же меня за шиворот и арестовали. «Иди,— говорят,— к игумену!» Я и молюто их, и дрожу вся, не тут-то было. «Иди,— говорят,— да и только!» Притащили меня к игумену в сенки. Его звали Нифонтом; он был строгий, батюшку Серафима не любил, а нас еще пуще. Приказал он мне, так сурово, развязать сумку. Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, так ходуном и ходят, а он глядит. Развязала, вынимаю все... а там — старые лапти, корочки сломанные, отрубки да камни разные и все-то крепко так упихано. «Ах, Серафим, Серафим! — воскликнул Нифонт.— Глядите-ка, вот ведь какой, сам-то мучается, да и дивеевских-то мучает!» — и отпустил меня. Так вот и в другой раз пришла я к батюшке, а он мне сумочку дает... «Ступай,— говорит,— прямо ко Святым воротам!» — Пошла, остановили меня и опять взяли да повели к игумену. Развязали суму, а в ней песок да камни!.. Игумен ахал, ахал, да и отпустил меня. Прихожу, рассказала я батюшке, а он и говорит мне: «Ну, матушка, уж теперь в последний раз, ходи и не бойся! Уж больше трогать вас не будут!» И воистину, бывало, идешь и во Святых воротах только

спросят: «Чего несешь?» — «Не знаю, кормилец,— ответишь им,— батюшка послал». Тут же пропустят»...

21 августа 1829 года скончалась в Дивееве отроковица Мария Семеновна Мелюкова, в духовном отношении далеко обогнавшая старших сестер. Она всегда была погружена в молитву и все заповеданное отцом Серафимом исполняла в точности. Раз старшая сестра ее, Прасковья Семеновна, спросила ее о каком-то саровском монахе. Отроковица же отвечала, что не видела ни одного монаха.

— А какие видом-то монахи, Параша,— спросила она,— на батюшку, что ли, похожи?

Удивленная таким вопросом сестра сказала:

— Ты так часто ходишь в Саров, разве не видала?

— Нет, Парашенька, ведь я ничего не вижу; батюшка мне приказывал никогда не глядеть на них, и я так повязываю платок на глаза, чтобы видеть только дорогу у себя под ногами.

В час ее кончины отец Серафим, бывший в своей монастырской келлии, вдруг заскорбел и даже заплакал и сказал своему соседу по келлии:

— Павел! А ведь Мария-то отошла, и так мне ее жаль, так жаль, что, видишь, плачу!..

Отец Серафим сам приготовил все нужное для погребения отроковицы — гроб дубовый, свечи (и ко гробу — рублевую желтую свечу) — и объявил, что Мария Семеновна им посхимлена, имя ее — схимонахиня Марфа.

— У нее все есть: схима и мантия и камилавка моя, во всем этом ее и положите!

Схимонахиню Марфу и положили в гроб в черной с белыми крестами схиме и длинной мантии, на голову надели зеленую бархатную, вышитую золотом шапочку, а поверх — батюшкину камилавку и повязали еще большим драдедамовым (драдедам — легкое сукно, полусукно.— *Ред.*) темно-синим платком с кистями. В руках она держала кожаные четки-лестовку. При жизни, в последнее время, она, по приказанию батюшки, ходила во всем этом к причастию Святых Христовых Таин. А была Мария Семеновна высокого роста, с продолговатым белым лицом, светло-русыми волосами и голубоглазая. Отец Серафим всех посылал на погребение «великой рабы Божией Марии» и говорил, что кто там побывает, тому будет отпущение грехов. Даже саровских иноков он посылал некоторых.

Одна сестра, бывшая стряпухой, сильно тяготилась этим послушанием, уставала, плакала, и у нее появился помысел потихоньку, без благословения отца Серафима, уйти из общины. Конечно, отец Серафим прознал это духом и вызвал ее к себе в монастырскую келлию, успокоил, утешил и велел наутро прийти к нему в дальнюю пустыньку.

— Батюшка, я боюсь идти одна в дальнюю-то пустыньку,— робко возразила она.

— Ты, матушка, иди до пустыньки и сама все на голос читай: *Господи, помилуй!*

И пропел несколько раз: *Господи, помилуй...*

Она так и сделала. Не видела как дошла.

«Подходя к дальней пустыньке,— вспоминала она,— я вдруг увидела, что отец Серафим сидит близ своей келлии на колоде и подле него стоит ужасной величины медведь. Я так и обмерла от страха и закричала во весь голос: «Батюшка, смерть моя!» — и упала. Отец Серафим, услышав мой голос, ударил медведя и махнул ему рукою. Тогда медведь, как разумный, тотчас пошел в ту сторону, куда махнул ему батюшка, в густоту леса. Я же, видя все это, трепетала от ужаса и даже, когда подошел ко мне отец Серафим со словами: «Не ужасайся и не пугайся», я продолжала по-прежнему кричать: «Ой, смерть моя!» На это старец отвечал мне:

— Нет, матушка, это не смерть; смерть от тебя далеко. А это радость!

И затем он повел меня к той же самой колоде, на которой сидел прежде и на которую, помолившись, посадил меня и сам сел. Не успели мы сесть, как вдруг тот же самый медведь вышел из густоты леса и, подойдя к отцу Серафиму, лег у ног его. Я же, находясь вблизи такого страшного зверя, сначала была в величайшем ужасе и трепете, но потом, видя, что отец Серафим обращается с ним без всякого страха, как с кроткой овечкой, и даже кормит его из своих рук хлебом, который принес с собою в сумке, я начала мало-помалу оживотво-

ряться верою. Особенно чудным показалось мне тогда лицо великого отца моего: оно было светло, как у Ангела, и радостно.

Наконец, когда я совершенно успокоилась, а старец скормил почти весь хлеб, он подал мне остальной кусок и велел самой покормить медведя. Но я отвечала: «Боюсь, батюшка, он и руку мне отъест». Отец же Серафим, посмотрев на меня, улыбнулся и сказал:

— Нет, матушка, веруй, что он не отъест твоей руки.

Тогда я взяла поданный мне хлеб и скормила его весь с таким утешением, что желала бы еще кормить его, ибо зверь был кроток и ко мне, грешной, за молитвы отца Серафима.

Видя меня спокойною, отец Серафим сказал мне:

— Помнишь ли, матушка, у преподобного Герасима на Иордане лев служил, а убогому Серафиму медведь служит. Вот и звери нас слушаются, а ты, матушка, унываешь. А о чем нам унывать? Вот если бы я взял с собою ножницы, то и остриг бы его.

Тогда я в простоте сказала: «Батюшка, что если этого медведя увидят сестры, они умрут от страха». Но он отвечал: «Нет, матушка, сестры его не увидят». «А если кто-нибудь заколет его? — спросила я.— Мне жаль его!» Старец отвечал: «Нет, и не заколют. Кроме тебя никто его не увидит». Я еще думала, как рассказать мне сестрам об этом страшном чуде, а отец Серафим на мои мысли отвечал: «Нет, матушка, прежде одиннадцати лет после моей смерти никому не поведай этого, а тогда воля Божия откроет, кому сказать».

Через одиннадцать лет после кончины старца и записан был этот рассказ.

А рассказов о преподобном Серафиме великое множество, ведь у него многие тысячи людей бывали. И каких только чудесных случаев ни поведали они...

Вот в мае 1829 года крестьянин села Павлова Алексей Гурьевич Воротилов, духовный сын отца Серафима, запряг лошадь и помчался в Саров к батюшке, несмотря на то что уже наступила ночь. У него отчаянно занемогла жена. Не за врачом он поехал... Отец Серафим как будто ждал его, сидел на крылечке:

— Что, радость моя, в такое время поспешил к убогому Серафиму?

Алексей Гурьевич попросил старца помолиться за его болящую супругу, но тот, к его ужасу, объявил, что это невозможно — пришел ее час. Тогда крестьянин в слезах припал к его ногам и стал просить все-таки помолиться о ее здравии. Старец, видя его веру, погрузился в молитву и минут через десять открыл глаза и сказал:

— Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот. Гряди с миром в дом твой!

Вернувшись домой, Воротилов увидел, что жене его гораздо лучше, а скоро она и совсем выздоровела.

Пришла однажды в Саров странница, которая с детства была воспитана в старообрядческой семье и крестилась двуперстием. Но, слыша от многих православных, что это неправильно, стала сомневаться и пошла искать мудрых старцев. И вот она в Сарове, а отца Серафима нет, он в дальней пустыньке. Собралось много людей, и все пошли в лес к батюшке, а странница за ними, да, уставши и не отдохнув с пути, еле плелась сзади всех, а потом и вовсе отстала... «Смотрю,— рассказывала она,— в стороне старичок, седой такой, сухонький, сгорбленный, в белом халатике, сучки собирает. Подошла спросить: «Далеко ль до пустыньки отца Серафима?» Старец,— это был сам Серафим,— положив вязанку свою, посмотрел на меня ясным взором своим и тихо спросил: «На что тебе, радость моя, Серафим-то убогой?» Тут только поняла я, что вижу самого старца, и, повалившись в ноги, стала просить его помолиться обо мне, недостойной.

— Встань, дочь Ирина,— молвил подвижник и сам нагнулся меня приподнять,— я ведь тебя поджидал, не хочу, чтоб, уставши, даром прошлась.

Удивленная, что, впервые видя, зовет он меня по имени, я от ужаса вся затрепетала, не могла и слова промолвить, только взирала на его ангельский лик. Взяв мою правую руку, старец сложил на ней по-православному персты для крестного знамения и сам перекрестил меня ими, говоря:

— Крестись так, крестись так, так Бог нам велит.

...Духом провидел старец святой, что, не отдохнувши, прямо с дороги к нему я пошла, и, утаившись от других, мне одной он явился».

Ехал один барин, ежегодно бывавший в Сарове, к отцу Серафиму, а с ним были жена и десятилетний сын. Мальчик любил духовные книги, читал жития святых и мало обращал внимания на прочее. Дорогой его мать сетовала: «Дети наши слишком уже привязаны к одним только священным книгам — вовсе не заботятся о своих уроках, о науках и обо всем, необходимом в свете...»

Отец Серафим принял их ласково и благословил пробыть в саровской гостинице три дня.

Благословляя жену, он сказал:

— Матушка, матушка! Не торопись детей-то учить по-французски и по-немецки, а приготовь душу-то их прежде, а прочее приложится им потом.

Некая женщина из Томска много странствовала по святым местам. Зашла она в город Ачинск к известному там старцу Даниилу принять благословение. Тот встретил ее на пороге гневными словами:

«Что ты, пустая странница, пришла ко мне?.. Зачем ты бродишь по свету да обманываешь Бога и людей? Тебе дают деньги на свечи и на молебны, а ты тратишь их на свои прихоти... Ступай и живи в Томске, питайся от своего рукоделия, чулки вяжи, а когда устареешь — собирай милостыню. Да не ходи больше по России!»

Она послушалась его и полгода сидела в Томске, а потом родственники и знакомые упросили ее ехать с ними по святым местам и быть путеводительницей. И вот она в Сарове. Отец Серафим благословил всех спутников ее, а самое прогнал, не дав и сухарика. Через несколько дней, пожив в Саровской пустыни, странники благословились у старца в дорогу. Их вожатая, не зная что делать, подошла к двери келлии старца и со слезами просила благословить и ее.

Отец Серафим вышел и грозно сказал ей:

— Зачем ты пошла по России? Ведь тебе брат Даниил не велел больше ходить. Ступай домой!

— Батюшка! Благослови сходить в последний раз, больше уж не буду.

— Я тебе сказал — ступай назад!

— Батюшка, как же я пойду назад одна, такой дальний путь и денег нет...

— Ступай, ступай обратно! И без денег довезут на лошадях до самого Томска.

Тут он благословил ее, дал сухарик и затворился. Странница пошла назад, в Нижнем Новгороде встретила томских купцов, и они довезли ее безденежно до дому.

А одному иноку саровскому подумалось, что уже близок конец света, и он спросил об этом отца Серафима.

— Радость моя! — ответил он.— Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его! Нет, сего мне знать невозможно.

Инок же не сомневался, что старец этот день знает. Пал он к ногам батюшки, а он воздвиг его и продолжал:

— Господь сказал Своими пречистыми устами: *О дни же том и часе никтоже весть, ни Ангели небеснии, токмо Отец мой един. Якоже бо бысть во дни Ноевы; тако будет и пришествие Сына Человеческаго. Якоже бо бяху во дни прежде потопа, ядуще и пиюще, женящеся и посягающе, до негоже дня вниде Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческаго* (Мф. 24, 36—39).

Помолчав, старец продолжал со вздохом:

— Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного; прогневляем Господа и нехранением святых постов; ныне христиане разрешают мясо и во Святую Четыредесятницу, и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют... А Церковь имеет правило: нехранящие святых постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера, Православная Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна и непреоборима, имущая веру и благочестие в щит, и во броню правду: сих врата адова не одолеют!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

До лета 1827 года отец Серафим причащался Святых Христовых Таин у себя в монастырской келлии, стоя на коленях на пороге. Некоторых иноков это стало соблазнять — как это, в самом деле, у старца есть сила ходить в лес, на источник и даже трудиться там, а до храма ради Святого Причастия он дойти не может! А дело было в том, что в воскресный день на дворе монастыря отца Серафима ждало множество людей, среди них было немало и праздно любопытствующих. Он знал, что когда будет идти из церкви через двор, толпа увеличится... Дошло это до епископа Тамбовского Афанасия, и от него последовало предложение старцу Серафиму — не соблазнять иноков, «немощных в совести», все-таки ходить для причащения в храм. Старец со смирением принял распоряжение архиерея. Автор первого пространного жития отца Серафима, Николай Елагин, пишет, что, «кажется, это было распоряжением свыше... с целью — короче сблизить старца с нуждами верующих».

И вот (это было в 1827 году), когда отец Серафим начал ходить в больничную церковь, где находился Престол, сделанный из кипариса его собственными руками, то так и стало, как он предполагал, к чему и Господь его вел: число желающих видеть его и обращаться к нему чрезвычайно выросло. «Умилительно было видеть,— писал Елагин,— как старец, после причастия Святых Таин, возвращался из церкви в свою келлию. Он шел в мантии, епитрахили и поручах, как обыкновенно приступал к Таинству. Шествие его было медленно от множества толпившегося народа, из среды которого всякий силился, хотя слегка, взглянуть на старца. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы ни души не видел вокруг себя: взор его был потуплен долу, а ум погружен внутрь себя. В эти минуты он входил своею душою в размышление о великих благодеяниях Божиих, явленных людям Таинством Святого Причащения. И, благоговея к чудному старцу, никто не смел даже прикоснуться к нему. Пришедше в свою келлию, он уже всех усердствующих принимал к себе, благословлял, а желающим предлагал и душеспасительное слово».

А тропа через ближнюю пустыньку к дальней торилась паломниками так усердно, что это уже стала широкая дорога, по которой могли ехать и колесные повозки. Узнав, что отец Серафим с особенной лаской и любовью относится к детям, миряне стали привозить с собой и своих чад всякого возраста.

Был случай, когда несколько посетителей подошли к дверям монастырской келлии отца Серафима, но она была заперта изнутри на крючок. Ждали, ждали, пробовали творить молитву монашескую, равнозначную просьбе войти,— «Молитвами святых Отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас» — ничто не помогало. Одна из пришедших, симбирская помещица, которая и вспоминала потом этот случай, обратилась к женщине с маленькой девочкой, прося ее, чтобы ребенок сотворил входную молитву. И как только девочка произнесла ее, дверь отворилась и старец вышел.

Однажды у ближней пустыньки собрался народ, а старец по каким-то причинам не хотел никого принять — потихоньку выбрался из келлии в лес и спрятался в высокой траве. Богомольцы то ли видели это, то ли догадались, но сами не смели тревожить батюшку, но как он поступил несколько по-детски простодушно, то и они научили бывших с ними детей поискать батюшку в траве. Они, конечно, сразу нашли его,— он стал им делать знаки, класть палец на уста — молчите, мол, детки! А детки, обрадованные находкой, кинулись к нему и стали звать своих родителей, и батюшка, довольный, с радостной улыбкой встал из травы, окруженный ласкавшимися к нему детьми.

Одна девочка семи лет пришла с матерью, и отец Серафим предрек ребенку, что она будет в Дивееве монахиней. Он благословил ее и велел приложиться к образу Божией Матери, а так как она не могла достать, он сам приподнял ее. Сказанное сбылось.

В 1830 году жила в Сарове в гостинице одна семья, родители и дочь их лет двенадцати с нянькой. Однажды нянька пришла и рассказала, что видела только что колодника в цепях, которого пешком вели мимо монастыря солдаты.

— Уж то-то, бедный, жалок и устал! — со слезами сказала она.

Девочка порылась у себя в сумочке и не нашла меди, но там оказалась

серебряная пятидесятикопеечная монета. Взяв ее, она побежала и отдала ее колоднику. На другой день она пришла с родителями в келлию отца Серафима. Он подозвал девочку, благословил ее и ласково сказал:

— Вот это хорошо, ваше превосходительство, что полтинничек-то подала бедному.

Мать девочки удивилась титулу, каким старец наградил ее, и хотела объяснить, что это ошибка, но он, не обращая внимания на эти разъяснения, в дальнейшей беседе еще несколько раз назвал девочку «вашим превосходительством». Так и оставалось это странным и непонятным, но, когда пришло время, девушка вышла замуж за генерала. Тут-то и вспомнили отца Серафима и его прозорливость...

Одна женщина принесла маленькую девочку к отцу Серафиму и просила его помолиться о ней. «Все дети мои умирают, не дожив до году»,— со слезами говорила она. Старец положил свою руку на голову ребенка и, помолившись, сказал: «Утешайтесь ею». Эта девочка осталась жить, а дети, рождавшиеся у этой женщины после нее, умирали.

Мальчик лет десяти был у отца Серафима в келлии с матерью. Его рассмешило, как одна дама все отворачивалась от ложки, которую ей, как и всем прочим бывшим у него тут посетителям, предлагал старец (в ложке были вино и крошеная просфора). Он громко захохотал, мать поспешно вывела его и вечером оставила без ужина. Потом повела его к батюшке просить прощения. Сотворив молитву входа, мальчик вошел в келлию, а мать осталась за дверями. Отец Серафим сидел в сенях на гробе.

— Здравствуй, мой друг, здравствуй,— сказал он ласково.— Что тебе надобно?

— Матушка прислала меня просить прощения у вас в том, что я давеча смеялся над вами.

— Тебя матушка просила... ну, благодари от меня твою матушку, мой друг! Благодари ее от меня, что она вступилась за старика. Я буду молиться за нее. Благодари ее!

Мальчик тут же почувствовал свою виновность пред ним и поправился:

— Нет, не матушка прислала, а я сам пришел!

— Ты сам пришел, мой друг, ну, благодарю тебя, благодарю! Да будет над тобою благословение Божие. Раскаяние грех снимает, ну а тут и не было его вовсе... Христос с тобою, мой друг!

Потом отец Серафим усадил его на скамейку и, открыв Евангелие, прочитал начало седьмой главы Евангелия от Матфея: *Не судите, да не судимы будете. Им же бо судом судите, судят вам: и в ню же меру мерите, возмерится вам...*— и далее, о любви Господа к людям, своим созданиям: *Или кто есть от вас человек, его же аще воспросит сын его хлеба, еда камень подаст ему; или аще рыбы просит, еда змию подаст ему; аще убо вы лукави суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец ваш небесный даст блага просящим у Него...*

Эта глава произвела на подростка потрясающее впечатление — он запомнил ее на всю жизнь. Старец отпустил его к матери и всегда потом встречал его с особенной лаской. Подобно Отцу небесному и отец Серафим был преисполнен любви к людям, «человекам»... Митрополит Вениамин в своей книге (в главе «Радостный наставник») пишет: «Мир, утешение, отрада, ласка, любовь, внимание, со слезами целование, «Христос воскресе!» — сплошная радость во время посещения... А на всю жизнь дано правило: искать утешения в скорбях, которые уже прозревал угодник Божий, во Христе и христоподобном смирении».

Просит чиновник благословения покинуть постылое место в канцелярии — старец не благословляет: «На каждом месте можно спасаться». Хочет крепостной крестьянин, управляющий у помещика, просить вольную, желает инок покинуть монастырь, в котором для него слишком много искушений, а другой инок желает вериги надеть — не благословляет. И им-то и лучше выходит потом... Смирение, смирение! Вот что для спасения-то нужно. Что сам захотел — всегда не сам: враг отводит от спасительного пути. Отец Серафим не уставал напоминать мирянам, что и им не меньше, чем монахам, надобно смирение.

Если кому суждено было стать монахом, то о нем Господь открывал отцу Серафиму,— в трехлетнем ребенке он узнавал будущего инока, в светской девице, только и думавшей о нарядах,— будущую игумению. Он мог даже назвать монастырь, где они, согласно воле Божией, должны будут подвизаться.

В 1830 году саровский иеромонах, направленный духовным начальством в Раифскую пустынь Казанской епархии, пришел к отцу Серафиму в дальнюю пустыньку за благословением.

— Ты куда едешь, брат? — спрашивает старец.

— В Казань вызывают.

— С тобою обман, батюшка, идет. Не ходи в Макарьевскую пустынь.

— Меня, батюшка, вызывают не в Макарьевскую, а в Раифскую, игуменом.

— Я тебе говорю: не ходи в Макарьевскую,— сказал отец Серафим и, помолчав, добавил: — Ну, поживи вне Сарова несколько... Опять к нам приедешь и умрешь здесь, в богоспасаемой Саровской пустыни.

Благословив брата, старец отпустил его. Прибыв в Казань, тот узнал, что определен был не в Раифскую, а в Макарьевскую пустынь близ Свияжска. Вспомнив слова отца Серафима, он отказался идти туда и был послан игуменом в Цивильский Тихвинский монастырь.

Некая мирянка, страдавшая от тяжкого недуга (у нее опухло все тело, и она, несмотря на молодость, еле двигалась), кое-как добралась до Сарова и даже пешком дошла до пустыньки. Отец Серафим принял ее с любовью, велел ей идти к его источнику и дал ей кувшинчик: «Возьми, матушка, воды-то из ключа с собою, пей и умывайся, и тело-то омой: Апостолы Христовы исцелят тебя и будешь здорова». Она так и делала, живя в саровской гостинице. От болезни не осталось и следа. Перед отъездом домой отец Серафим прислал ей «клюшку» (посох с загнутой ручкой), и она не могла догадаться — зачем, но взяла ее с собой. Это был символический подарок: в следующем году она стала монахиней с именем Пульхерия, а позднее, с 1850 года, игуменьей Христорождественско-Спасского монастыря в городе Слободске Вятской губернии.

В том же году молодой послушник Глинской Рождество-Богородичной пустыни (Курской епархии) приехал к отцу Серафиму с вопросом: есть ли ему благословение Божие поступить в монастырь? Молодой человек колебался...

— Помнишь ли житие Иоанникия Великого? — начал разговор с ним отец Серафим.— Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил жезл свой, который упал в пропасть. Жезла нельзя было достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил ко Господу Богу — и Ангел Господень невидимо вручил ему новый жезл.

Сказав это, отец Серафим вложил в правую руку собеседника свою палку и продолжал:

— Трудно управлять душами человеческими! Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братий Ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей.

Послушник стал монахом, а в 1854 году и настоятелем Высокогорской Успенско-Николаевской Чуркинской общежительной пустыни Астраханской епархии и через три года был возведен в сан игумена, а позднее — и архимандрита, то есть действительно стал, как предсказано было отцом Серафимом, «управлять душами человеческими».

Летом 1830 года окончено было в Дивееве строительство нижнего храма, под церковью Рождества Христова. Это был храм Рождества Богородицы. Отец Серафим отправил протоиерея Василия Садовского, а с ним и Елену Васильевну Мантурову в Нижний Новгород к Владыке за разрешением освятить новую церковь. Отец Василий вспоминал: «Год был холерный, ну куда и как мы поедем... Бог весть! А ослушаться его не смели. Елене Васильевне, положив просфор и приказав изготовить прошение, батюшка сказал:

— Поклонитесь Владыке в ножки и просфоры от меня отдайте: он вам все и сделает.

Мне же наказывал так:

— Ты, батюшка, приехав, закажи теплый хлеб в булочной, да так, чтобы он у тебя был горячий, от меня и подай ему; он вам все сделает.

Делать нечего, заложили мы свою лошадку и потихоньку в повозочке поехали в Нижний. Как приехали, остановились в Крестовоздвиженском женском монастыре и рассказали свое дело. Бывшая в то время игуменией мать Дорофея выслушала нас с сердечным прискорбием, объявила и объяснила нам совершенную невозможность исполнить все желаемое, так как Владыка по случаю холеры

никого не принимал, о чем дал даже указ из Консистории. Выслушав, мы говорим, что все это так, да батюшка Серафим послал и приказал, а ослушаться его мы не смеем. Подумав, игумения мать Дорофея написала и послала Владыке письмо, прося разрешения по весьма важному делу видеть его, но Владыка прислал ответ: «...чтобы старица не беспокоилась, я сам у нее буду». Этот ответ поставил игуменью еще в большее затруднение. Прошло несколько дней, а Владыка не ехал, и как ни жалела нас матушка Дорофея, но сама ехать после ответа Владыки не осмеливалась и писать ему уже не решалась. Как быть? Посоветовавшись с Еленой Васильевной, невзирая на предостережения, но помня слова батюшки: «Поклонитесь Владыке в ножки, он вам все сделает» — что значило, чтобы мы лично были у архиерея,— а батюшке же Серафиму все хорошо было известно, мы, перекрестясь, решились с Еленой Васильевной прямо сами идти к Владыке. Будь что будет! Все нас уговаривали, останавливали и в страхе и трепете за нас были. Елена Васильевна взяла просфоры, батюшкой присланные, и прошение, и я из булочной горячий, только что испеченный хлеб, как приказал мне батюшка, который держал под полою, и также прошение о перемене обветшалого антиминса. Что же, как батюшке угодно было, все так и случилось! Пришли в дом архиерея, беспрепятственно вошли и стали в прихожей. Решительно никого не было, пустой дом и везде на окнах хлор. Стояли мы более получаса, нарочно кашляли, авось кто-либо услышит и выйдет, но никого не было в этом мертвом доме. Мы было уже хотели уходить, да вдруг заслышали какой-то шорох, остановились, опять нарочно закашляли... Отворилась дверь, и к нам вышел сам Преосвященный Афанасий. Мы ему поклонились в ноги.

— Это что,— говорит,— каким образом? Что за люди?

Я, весь дрожа, объяснил ему в чем дело, а Елена Васильевна подала прошение и просфоры. Владыка ласково выслушал и принял все, но, взяв от меня хлеб и чувствуя, что он горячий, невольно улыбаясь, воскликнул:

— Просфоры-то так, а уж хлеб-то никак не из Сарова, а здешний, ибо теплый!

Тогда, совсем ободрившись, я осмелился объяснить архиерею, что хлеб этот действительно здесь печен и только что мною взят из булочной, но что так приказано самим батюшкой Серафимом, который без того не велел и являться к Владыке. «А, теперь, понимаю, это по-Златоустовски!» — воскликнул Преосвященный. И, написав тут же резолюцию на прошении об освящении храма, он послал свечей для молитвы батюшке Серафиму, благословил нас и отпустил, говоря:

— Насчет всего этого обратитесь к архимандриту Иоакиму в Консисторию, он уже вам все это устроит!

Возвратясь таким образом в женский монастырь, где в трепете и страхе ожидали нас, никто не хотел верить нам, зная строгость вообще Преосвященного Афанасия, и все дивились, явно уразумевая в этом единое лишь чудо угодника Божия, батюшки Серафима!

Когда же я на другой день отправился насчет всего этого к отцу архимандриту Иоакиму, представляя ему указ о новом освящении, он в удивлении меня спросил:

— Да ведь я недавно освятил вам церковь, где же еще-то освящать?

— Тут же и другую! — сказал я.

— Как же! — воскликнул он.— Что вы, батюшка! Где же тут-то?

Когда же я объяснил ему чудное устройство этой новой церкви, по желанию батюшки Серафима, то, дивясь и всплеснув руками, отец архимандрит воскликнул:

— О, Серафим, Серафим! Сколь дивен ты в делах твоих, старец Божий!

В это самое время прибежали сказать отцу архимандриту, что Владыка его немедленно требует.

— Погодите,— сказал он мне,— что такое, погодите-ка меня здесь, не по вашему ли делу зовет... Кстати, я скажу вам, отпустит ли меня Владыка освящать церковь-то, как батюшка Серафим того желает и как вы мне передали!

Я остался, а архимандрит уехал. Возвратясь, еще при входе произнес он:

— Ну, уж Серафим! Дивный Серафим! Вот, судите сами, что наделал-то. Прихожу я к Владыке, а он меня спрашивает: что же, говорит, как же я резолюцию-то дал? Где же церковь и что за храм? Хорошо, что вы у меня уже побывали да все объяснили; ну и успокоил я Владыку, все передал ему. Ска-

жите дивному Серафиму, что как желает, так и приеду; разрешил Владыка. Ну, дивный же, дивный Серафим!

Так я и ушел. Стали мы собираться домой, и надо заметить, что по случаю страшной в то время холеры в Нижнем был карантин и весь город был оцеплен войском, так что ни почта, ничто, ниже никто не пропускался без выдержки карантина. Вот и думаем: как-то поедем мы; вдруг не пропустят! Но как ни останавливали и ни уговаривали все, мы, помолившись и заложив свою лошадку, потихоньку поехали... Едем мимо караульных солдат, и никто не остановил и не спросил даже нас, точно будто и не видал никто.

Так и приехали мы домой и, невзирая на страшную холеру, пользуясь тем, что все фрукты поэтому были необыкновенно дешевы, покупали их много и кушали не разбирая, а за молитвы батюшки Серафима возвратились целы и здоровы и ничем не вредимы. К этому же кстати скажу, батюшка Серафим говорил, что в обители никогда не будет холеры, что со временем и оправдалось, потому что, когда была эта эпидемия повсеместно в окружности, даже в деревне Вертьянове и селе Дивееве, в монастыре ее не было, так что даже кто из мирских заболевал и его приносили в обитель, тот выздоравливал и выхаживался, а кто из обители без благословения выходил в мир, даже и сестры, напротив, заболевали и умирали. Приехав домой, явились мы к батюшке дать отчет во всем нами по его приказанию сделанном. Батюшка был рад, благодарил и тут же приказал, чтобы церковь новая во имя Рождества Богородицы была освящена 8 сентября. В этот день и было в 1830 году совершено освящение Благовещенским архимандритом отцом Иоакимом, по желанию батюшки Серафима.

После освящения церкви отец архимандрит, Михаил Васильевич и я по приглашению батюшки отправились все к нему в Саров, и, не найдя его в монастыре, пошли в дальнюю пустыньку его. Батюшка, увидя нас, был чрезвычайно нам рад и много благодарил отца архимандрита, потом, обратясь ко мне, сказал:

— Как же, батюшка, чем же угощать нам на радостях такого гостя? А нельзя не угостить, батюшка, надо угостить, надо!.. Ну, да я и угощение-то приготовил для такого праздника, пойдемте-ка!

И, взяв меня за руку, отвел батюшка Серафим в угол пустыньки своей. Неизвестно откуда и когда тут вдруг вырос из полу куст малины, и батюшка сказал, показывая на три крупные, спелые и прекрасные ягоды:

— Сорви-ка их, батюшка, и угости наших гостей!

Растерявшийся от этого чуда, я с трепетом снял чудные ягоды и подал батюшке, а он стал потчевать ими, говоря:

— Кушайте, кушайте, чем убогий Серафим рад угостить вас!

И, положив каждому из нас по ягоде, прибавил:

— Это Сама Царица Небесная вас потчует, батюшка!

Отец архимандрит, Михаил Васильевич и я, все мы были поражены этим чудом батюшки Серафима, и таким образом чудно угощенные в сентябре месяце внезапно в пустыньке из полу родившимися ягодами, не могли да и не сумели бы выразить их необыкновенной сладости, аромата, вкуса и вместе сознались, что подобных ягод еще никогда не едали».

Спустя два или три дня после праздника Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы великой радости сподобился старец Серафим — Матерь Божия посетила его. Автор «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» приводит несколько живых свидетельств этого дивного явления. Отец Василий Садовский пошел к старцу. «Принял он меня весьма милостиво, ласково,— пишет отец Василий,— и, благословившись, начал беседу о богоугодном житии святых, как они от Господа сподоблялись дарований, чудных явлений, даже посещений Самой Царицы Небесной. И, довольно побеседовавши таким образом, он спросил меня:

— Есть ли у тебя, батюшка, платочек?

— Есть.

— Дай его мне,— сказал он.

Я подал. Он его разложил, стал класть из какой-то посудины пригоршнями сухарики в платок, которые были столь необыкновенно белы, что сроду я таких не видывал.

— Вот и у меня, батюшка, была Царица, так вот после гостей-то и осталось! —

изволил сказать батюшка. Личико его до того сделалось божественно при этом и весело, что и выразить невозможно!

Он положил сухарики в платочек и, сам завязав его крепко-накрепко, сказал:

— Ну, гряди, батюшка, а придешь домой, то самых этих сухариков покушай, дай своему подружью (так он всегда звал жену мою), потом поди в обитель и духовным-то своим чадам каждой вложи сам в уста по три сухарика, даже и тем, которые и близ обители живут в келлиях; они все наши будут!

Действительно, впоследствии все поступили в обитель. По молодости лет я и не понял, что Царица Небесная посетила его, а просто думал, не какая ли земная царица инкогнито была у батюшки, а спросить его не посмел, но потом сам угодник Божий уже разъяснил мне это, говоря:

— Небесная Царица, батюшка, Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима и во, радость-то нам какая, батюшка! Матерь-то Божия неизъяснимою благостию покрыла убогого Серафима. «Любимиче мой! — рекла Преблагословенная Владычица, Пречистая Дева.— Проси от меня чего хощеши!» Слышишь ли, батюшка? Какую нам милость-то явила Царица Небесная!

И угодник Божий весь сам так и просветлел, так и сиял от восторга.

— А убогий-то Серафим,— продолжал батюшка,— Серафим-то убогий и умолил Матерь-то Божию о сиротах своих, батюшка! И просил, чтобы все, все в Серафимовой-то пустыне спаслись бы сироточки, батюшка! И обещала Матерь Божия убогому Серафиму сию низреченную радость, батюшка!

О том же самом дивном чуде рассказал отец Серафим и дивеевской сестре Евдокии Ефремовне:

— Вот, матушка,— сказал он уже в заключение рассказа,— во обитель-то мою до тысячи человек соберется, и все, матушка, все спасутся, я упросил, убогий, Матерь Божию, и соизволила Царица Небесная на смиренную просьбу убогого Серафима, и кроме трех, всех обещала Милосердая Владычица спасти, всех, радость моя! Только там, матушка... там-то, в будущем все разделятся на три разряда: *сочетанные*, которые чистотою своею, непрестанною молитвою и делами своими, чрез то и всем существом своим сочетаваны Господу, вся жизнь и дыхание их в Боге и вечно они с Ним будут! *Избранные*, которые мои дела будут делать, матушка, и со мной же и будут в обители моей. И *званые*, которые лишь временно будут наш хлеб только кушать, которым — темное место. Дастся им только коечка, в однех рубашечках будут, да всегда тосковать станут! Это нерадивые и ленивые, матушка; а которые — общее-то дело да послушание не берегут и заняты только своими делами, куда как мрачно и тяжело будет им: будут сидеть все, качаясь из стороны в сторону на одном месте...

Взяв сестру за руку, батюшка горько заплакал.

— Послушание, матушка,— продолжал он,— послушание превыше поста и молитвы! Говорю тебе, ничего нет выше послушания, матушка, и ты так сказывай всем.

И Сам Господь наш Иисус Христос — в это же самое время — оказал *убогому* Серафиму неизреченную, редкую милость — подобно Апостолу Павлу был он восхищен на небеса... Вот что рассказывал старец одному саровскому иноку:

— Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где он говорит: *в дому Отца Моего обители мнози суть* (Ин. 14, 2)... На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он показал мне эти обители: и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости. Он исполнил мое желание и прошение: вот я и был восхищен в эти небесные обители, только не знаю, с телом или кроме тела, Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал, сказать тебе невозможно...

«И с этими словами отец Серафим замолчал...— вспоминал этот инок.— Он поник головою, гладя тихонько рукою против сердца, лицо его стало постепенно меняться и наконец до того просветилось, что невозможно было смотреть на него. Во время таинственного своего молчания он как будто созерцал что-то с умилением».

— Ах, если бы ты знал,— продолжал свою речь батюшка Серафим,— какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением...

Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания — там сладость и радость неизглаголанные, там праведники просветятся как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам святой апостол Павел, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горнего селения, в котором водворятся души праведных!

Отец Серафим знал, что кончина его не так далека. И без того согбенный, он еще ниже клонился. Великий постник в последние годы стал еще суше, светлее и легче... Он оставлял в видевших его впечатление необыкновенной чистоты — одежд, всего облика, в особенности лица, светившегося тихой, неземной радостью. Собственно, о смерти как таковой он не думал — ее жало вырвано было Господом; он ждал, радуясь, времени, когда наконец сможет *разрешитися и со Христом быти* (Флп. 1, 23).

А сколько хороших православных людей смущает враг страхом смерти, поселяет в сердца их тоску и беспокойство! Так вот смущался иеромонах Антоний, строитель Высокогорской Вознесенской мужской пустыни, находившейся в четырех верстах от Арзамаса, на пути из Сарова в Нижний Новгород... Здесь он после недолгого послушничества в Сарове был пострижен, стал иеромонахом, а в 1826 году и настоятелем (в звании строителя), прославившим бедную малолюдную обитель, сделавшим ее довольно обширной и достаточной... Много раз ездил он в Саров для беседы со старцами, бывал и у отца Серафима, который с любовью принимал его.

Однажды он вошел в келлию к нему вместе с купцом из Владимира. Батюшка попросил отца Антония присесть и подождать, а сам начал разговор с купцом.

— Все твои недостатки и скорби,— сказал он,— суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее, исправь пути твои.

Затем батюшка стал мягко и с любовью обличать купца в его грехах, причем купец, пораженный, молчал, а впервые его видевший старец пересказывал ему его собственную жизнь. Он так говорил, что купец, а вместе с ним и отец Антоний, невольно слушавший, заливались слезами. Наконец отец Серафим велел купцу говеть и причаститься в Сарове и уверил его, что в случае искреннего его покаяния Господь не отнимет от него своей милости. Купец поклонился ему в ноги, обещал все исполнить и вышел.

— Батюшка! — сказал отец Антоний.— Душа человеческая пред вами открыта, как лицо в зеркале. Вот сейчас, на моих глазах, не выслушавши нужд и скорбей богомольца, вы ему все высказали.

Отец Серафим промолчал.

— Теперь я вижу,— продолжал отец Антоний,— что ум ваш так чист, что от него ничего не сокрыто в сердце ближнего.

Старец положил ему ладонь на уста:

— Не так ты говоришь, радость моя. Сердце человеческое открыто одному Господу, и один Бог — Сердцеведец.

И он рассказал о том, как укоряли святого Григория Богослова за его дружбу с Максимом Киником, на что он отвечал: «Един Бог ведает тайны сердца человеческого, а я видел в нем обратившегося от язычества в христианство, что для меня велико!»

— Да как же, батюшка, вы не спросили у купца ни единого слова и все сказали, что ему потребно?

— Он шел ко мне как и другие, как и ты шел, яко к рабу Божию,— отвечал старец.— Я, грешный Серафим, так и думаю, что я, грешный раб Божий; что мне повелевает Господь, то я и передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом — в таких случаях всегда делаются ошибки... Как железо ковачу, так я предал себя и свою волю Господу Богу. Как ему угодно, так и действую, своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю.

В начале 1831 года отец Антоний (ему в это время шел тридцать девятый год) стал сильно смущаться мыслями о своей скорой смерти. Это вражие

наваждение едва не довело его до отчаяния, и он в конце января отправился к отцу Серафиму за помощью и советом. У ворот пустыни он встретил монахов, которые сказали ему, что старец еще не возвратился из своей пустыньки. Было около пяти часов вечера, быстро темнело... Вот кто-то оповестил:

— Отец Серафим идет!

Отец Антоний поспешил ему навстречу.

— Что ты? — спросил старец.

— К вам, батюшка, со скорбною душою...

— Пойдем, радость моя, в келлию.

В келии, рассказав отцу Серафиму о своих искушениях, отец Антоний просил открыть ему волю Божию — в самом ли деле близка кончина его?

— Сижу ли я в келлии,— говорил отец Антоний,— выйду ли на монастырь, мне представляется, что последний раз вижу обитель. Из сего я заключаю, что скоро умру, и потому указал уже и место могилы для себя. Желаю знать о своей смерти единственно для изменения моей жизни, чтобы, отказавшись от должности, посвятить остальные дни свои безмолвному вниманию. Извещение о смерти не будет страшно для меня.

Во все время этого рассказа батюшка Серафим держал своего собеседника за руку. Выслушав его, он сказал:

— Не так ты думаешь, радость моя, не так! Промысл Божий вверяет тебе обширную лавру...

Отец Антоний подумал, что батюшка старается отвлечь его от скорбных мыслей:

— Батюшка! Это не успокоит меня, не умирит моих помыслов. Я умоляю, скажите мне прямо — мысли мои о смерти не служат ли от Бога указанием на близкую мою кончину? В таком случае я буду просить молитв о душе моей и приму мирно и благодарно ваше слово. Мне хочется встретить час смертный с должным приготовлением.

— Отец Серафим с улыбкой отвечал:

— Неверны твои мысли,— я говорю тебе, что Промысл Божий вверяет тебе лавру обширную!

Отец Антоний в недоумении сказал:

— Где же Высокогорской пустыни быть лаврою? Дай Бог, чтобы не ниже сошла, чем теперь стоит...

Старец же, как бы не слыша его, стал просить его милостиво принимать в лавру братию из Сарова.

— Батюшка! Кто захочет из Сарова перейти в скудную Высокогорскую пустынь! А если бы кто пожелал или кого бы вы сами прислали, то вы знаете всегдашнюю мою готовность делать все, что вам угодно, да на деле сего не может быть...

— Не оставь сирот моих, когда дойдет до тебя время.

Отец Антоний, думая, что батюшка Серафим говорит о своей близкой кончине, бросился ему на шею, обнял его и заплакал.

— Поминай моих родителей Исидора и Агафию,— продолжал старец.

— Будь милостив и снисходителен к братии. Матерью будь, а не отцем братии, и вообще ко всем будь милостивым и по себе смиренным. Смирение и осторожность есть красота добродетели.

Затем батюшка обнял отца Антония и благословил висевшим на груди его крестом:

— Теперь гряди во имя Господне. Время уже тебе — тебя ждут.

В феврале отец Антоний был вызван митрополитом Филаретом в Москву. Скончался наместник Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Афанасий, и на его место, с возведением в сан архимандрита, был поставлен отец Антоний. Более сорока шести лет находился он в этой должности. Он проявил такой ум и такие способности, что митрополит Филарет во всем стал советоваться с ним и даже исповедоваться у него...

Отец Антоний сам пришел к старцу Серафиму со своей тяготой. А вот удивительный случай, когда старец на далеком расстоянии угадал, что впал в искушение подвижник Задонского Богородицкого монастыря Георгий (в тайном постриге монах Стратоник). Он находился в затворе, но мимо его келлии днем ходили, и потом он стал принимать посетителей, получать письма от мирян, жаждущих духовных наставлений. И то и другое тяжело оказалось для Георгия

по его душевному устроению. Года два мучил его помысел перейти в другую обитель, затвориться в одинокой безвестности и посвящать все свое время только молитве. И вот однажды келейник доложил ему, что странник, пришедший из Саровской пустыни, принес ему поклон и благословение от отца Серафима. Странник, которому было разрешено войти в келлию, сказал:

— Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться.

Странник поклонился и вышел. «А я стоял,— рассказывал об этом сам затворник,— как вкопанный, дивясь чудесному откровению тайных моих помышлений, и притом такому человеку, который не только меня не знал, но и никогда не видывал, и даже никогда мы друг к другу не писали. Однако, скоро опомнившись, просил я келейного воротить ко мне странника, надеясь узнать от него что-нибудь более, но его уже не могли отыскать ни в монастыре, ни за монастырем. С тех пор дух мой успокоился, и я перестал помышлять о переходе в другое место».

Вот еще пример того, как отец Серафим узнавал и помыслы незнакомых ему людей на расстоянии. Офицер, по фамилии Каратаев, много слышал о старце Серафиме, и однажды, в 1830 году, проезжая мимо Сарова, хотел было уже завернуть в обитель, чтобы увидеть старца, но враг смутил его и заставил проехать мимо. «Мне казалось,— вспоминал он,— что старец торжественно обличит меня во всех грехах моих, особенно же в заблуждении касательно почитания святых икон. Я думал, что икона, писанная рукою человека, даже может быть грешного, не может быть угодна Богу, следовательно, не может вместить в себя чудодейственной благодати Божией и поэтому не должна быть предметом нашего почитания и благоговения. По слабости и малодушию я совершенно покорился страху обличения от прозорливого старца и проехал мимо Саровской пустыни».

В марте следующего, 1831 года этот офицер вез команду солдат в полк, и опять же путь его лежал мимо Сарова. Тут он набрался мужества и вместе со своими солдатами остановился в монастырской гостинице. Наутро они пошли к келлии отца Серафима, а там уже густо толпился народ. Батюшка вышел и стал благословлять многих из пришедших. Увидев офицера, подал ему знак рукою, подзывая к себе. Каратаев поклонился ему в ноги, и они вошли в келлию. Каратаев попросил благословения на дорогу и на предстоящую брань в Польше* и молитв о сохранении жизни своей. Старец благословил его большим медным крестом и стал исповедовать его, сам открывая ему его грехи.

Потом сказал:

— Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, откинув малодушие, помнить, что хоть мы и грешные, но все находимся под благодатию нашего Искупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей.

Далее он говорил о том, что непочитание икон — страшное заблуждение:

— Как худо и вредно для нас желание исследовать тайны Божии, недоступные слабому уму человеческому, например: как действует благодать Божия чрез святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобою, и не только тело их, но и душу, так что и грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову, спасались и достигали Царства Небесного. Не нужно внимать хульным мыслям, за которые вечная казнь ждет духа лжи и сообщников его в день Страшного Суда.

«Много еще и других душеспасительных слов говорил он тогда в мое назидание,— вспоминал Каратаев,— но я не припомню их всех. Говорил он, что искушения диавола подобны паутине, что только стоит дунуть на нее — и она истребляется; что так-то и на врага-диавола — стоит только оградить себя крестным знамением — и все козни его исчезают совершенно». Говорил он также, что все святые подлежат искушениям, но, подобно золоту, которое от огня становится чище, и святые от искушений делались искуснее, терпением умилостивляли правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Которого они терпели. И наконец, несколько раз повторял он, что «тесным путем надлежит нам, по слову

---

* Речь идет о восстании в Польше 1830—1831 годов.

Спасителя, войти в Царствие Божие». Слушая отца Серафима, поистине я забыл о своем земном существовании».

Отец Серафим благословил Каратаева и солдат, ехавших с ним на войну, и сказал им, что ни один из них не погибнет в сражениях. Действительно, все они вернулись невредимыми.

В том же году, 18 июня, были у отца Серафима в дальней пустыньке супруги Кредицкие. «Мы нашли старца,— писал Иван Михайлович Кредицкий,— на работе: он разбивал грядку мотыгою, и когда мы подошли к нему и поклонились ему до земли, он благословил нас и, положивши на мою голову руки, прочитал тропарь Успения Божией Матери: *В Рождестве девство сохранила еси;* потом он сел на грядку и приказал нам также сесть, но мы невольно встали пред ним на колени и слушали его беседу о будущей жизни, о жизни святых, о заступлении, предстательстве и попечении о нас, грешных, Владычицы Богородицы и о том, что необходимо нам в здешней жизни для вечности. Эта беседа продолжалась не более часа, но такого часа я не сравню со всею прошедшею моею жизнью. Во все продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую небесную сладость, Бог весть каким образом туда перелившуюся, которой нельзя сравнить ни с чем на земле и о которой до сих пор я не могу вспомнить без слез умиления и без ощущения живейшей радости во всем моем составе. До сих пор я хотя и не отвергал ничего священного, но и не утверждал ничего: для меня в духовном мире все было совершенно безразлично, и я ко всему был одинаково хладнокровен. Отец Серафим впервые дал мне теперь почувствовать всемогущего Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство. Прежде за эту хладность души моей ко всему святому и за то, что я любил играть безбожными словами, Правосудный Господь допустил скверному духу богохульства овладеть моими мыслями, и эти ругательные мысли, о которых доныне я не могу вспомнить без особенного ужаса, целые три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитве, в церкви, и более всего, когда я молился Царице Небесной. Уже я думал, в отчаянии, что никакие муки, по суду земному, недостаточны для моего наказания и что только адские вечные муки могут быть праведным возмездием за мои богохуления. Но отец Серафим в своей беседе совершенно успокоил меня, сказавши, с свойственною ему неизъяснимо радостною улыбкою, чтобы я не боялся этого шума мысленного, что это действие врага, по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжал свою молитву, какие бы враг ни представлял скверные и хульные мысли. С тех пор, действительно, этот шум мысленный начал во мне мало-помалу исчезать и менее чем в месяц совершенно прекратился».

(Окончание следует)

Прославление Живоначальной Троицы

Предел Православия есть чисто ведать два догмата веры — Троицу и Двоицу: Троицу неслиянно и нераздельно созерцать и ведать. Двоицу — два естества во Христе в едином Лице исповедать. **Преподобный Григорий Синаит** [1, с. 185].

В этих словах преподобного Григория Синаита заключается краткое изложение православного вероучения, которое, кочечно, не исчерпывается упомянутыми двумя догматами, выражающими, однако, его сущность. Подчеркивая особое значение богопознания для духовной жизни и неотделимости его от догматических основ Православия, преподобный Григорий Синаит говорит: «Знать Единого Бога, по Писанию, есть корень бессмертия, а ведать державу Триипостасной Единицы есть всецелая правда» [1, с. 186].

Троичность Божества была открыта Воскресшим Господом, когда Он, посылая Своих Учеников и Апостолов на проповедь, повелел им научить все народы, крестя их *во Имя Отца и Сына и Святого Духа* (Мф. 28, 19). Догмат Пресвятой Троицы, который Святая Церковь проповедует каждому, кто через Таинство Святого Крещения приобщается к ее благодатной жизни, предлагает веру в то, что Бог открыл Себя в Троичности Своих Ипостасей как Отец, Сын и Святой Дух. Откровение это связано, с одной стороны, с признанием совершенной реальности и, безусловно, личного характера каждой из трех Ипостасей, с другой — требует веры в такое тесное и нераздельное единство, которое позволяет поклоняться Им как Единому Богу. Святитель Василий Великий поясняет, что мы исповедуем Бога Единого не числом, но естеством [2, с. 613].

«Единица, от начала подвигшаяся в двойственность, остановилась на троичности. И сие у нас,— говорит Святитель Григорий Богослов,— Отец, Сын и Святой Дух. Отец — Родитель и Изводитель, Рождающий и Изводящий бесстрастно, вне времени и бестелесно; Сын — Рожденное, Дух — Изведенное» [3, с. 43].

Господь открыл тайну Троичности Божества, и только тогда стали ясны указания, данные в Откровении Ветхого и Нового Заветов. «Надлежало,— говорит Святитель Григорий Богослов,— чтобы Троичный Свет озарял просветляемых постепенными прибавлениями, как говорит Давид, *восхождениями* (Пс. 83, 6), поступлениями от Славы в Славу и преуспеяниями» [3, с. 103].

Еще одна важная истина о Боге, которая помогает уяснить предвечную тайну об отношениях Лиц Святой Троицы, открыта в Священном Писании, а именно: *Бог есть Любовь* (1 Ин. 4, 8). «Бог есть Любовь по Существу и Самое Существо Любви. Все Его свойства есть суть облачения любви; все действия — выражения любви»,— говорит Митрополит Московский Филарет [4, с. 92]. Обе эти истины: о Святой Троице и о Любви в Боге были открыты одновременно. Что *Отец Любит Сына*, Сын Божий говорил неоднократно (Ин. 3, 35; 5, 20). Но когда Господь сказал, что Сын в Отце и Отец в Сыне (см.: Ин. 14, 11), что Отец возлюбил Сына прежде основания мира (Ин. 17, 24), стало ясно, что эта Любовь предвечна.

«Так, Отец, и Сын, и Святой Дух — несотворенное естество, владычественное достоинство, естественная благость» [5, с. 212]. Поэтому при недостаточности всех усилий разума для познания вечной Единицы в Троице и Троицы в Единице только Ипостасная Любовь, по словам преподобного Симеона Нового Богослова, есть нечто постижимое в Ней [6, с. 220].

По слову преподобного Исаака Сирина, «Любовь есть первоначальное созерцание Святой Троицы» [7, с. 260]. «Ты видишь Троицу, если видишь Любовь»,— говорит Блаженный Августин. «Если бы у нас кто спросил: что́ мы чествуем и чему покланяемся, ответ готов: мы чтим Любовь» [8, с. 189].

Раскрытие догмата о Божественном Триединстве как вечной Любви в отношениях между Лицами Святой Троицы облегчает восприятие нравственной идеи догмата. Священномученик Игнатий Богоносец говорит: «Вера ваша — двигатель ваш на высоту, а любовь — путь, возводящий к Богу» [9, с. 51]. Раскрыть нравственное значение догмата — значит помочь восприятию живого начала нравственной жизни, которое заключается в этом догмате.

Выражая отношение *Живого Бога* к человеку, догматы не остаются отвлеченными умозрительными истинами, но рождают в человеке ответное *живое* отношение к Богу, одухотворяя человеческую сущность. Так, догмат о Единстве Божием требует ответного единства душевных сил человека и любви к Нему. *Слушай, Израиль! Господь Бог наш есть Господь Един; И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею* — вот первая заповедь (Мк. 12, 29—30). Без ответного отношения вера остается мертвой. *Ты веруешь,*

что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут (Иак. 2, 19).

Если ответное отношение к истине о Едином Боге есть собрание всех душевных сил человека в любви, устремленной к Богу, то истина о Триедином Боге требует одновременного «распространения» сердца (ср.: 2 Кор. 6, 13) в проявлениях этой любви, охватывающей в Церкви земное и небесное и все соединяющей в Боге.

О таком расширении сердца пророчески упоминал в Ветхом Завете пророк Исаия, говоря о Новозаветной Церкви и вхождении в нее всех народов: *Восстань, светись Иерусалим; ибо пришел свет твой... и придут народы к свету твоему... Возведи очи твои и посмотри вокруг: все они собираются, идут к тебе... Тогда увидишь и возрадуешься, и затрепещет и расширится сердце твое* (Ис. 60, 1, 3—5).

Святитель Григорий Богослов, говоря о необходимости широты сердца, но указывая и на ее недостаточность, приводит в пример Соломона: «Так, Соломон, который до преизбытка был умудрен паче всех, и до него живших и ему современных, получил в дар от Бога широту сердца и полноту созерцания обильнее песка (ср.: 3 Цар. 4, 29); чем более погружается в глубины, тем более чувствует кружения»... Что же касается до нас, то... едва ли возможно нам и точное познание твари» [3, с. 37].

Все учение о Боге — Троице, единосущии, равенстве, равночестности, нераздельности, единении в духе и любви Лиц Святой Троицы, о Воплощении и искуплении рода человеческого Сыном Божиим, а также о конечных судьбах мира и человека — нашло отражение в православном богослужении. В красоте и благодатной силе православного богослужения — живой опыт богообщения.

В Церкви все живет и дышит Пресвятой Троицей, все устремлено к Ней: вероучение, Таинства, богослужение, молитва, покаяние и подвиг.

В Пресвятой Троице — наша жизнь и источник жизни, наша радость и источник радости. Поэтому высшая радость, ощущение и сознание полноты жизни выражается хвалой Пресвятой Троице.

И на небе бесплотные силы — Архангелы и Ангелы — не знают высшего блаженства как лицезреть Бога и непрестанно воспевать: *Свят, Свят, Свят Господь Саваоф* (Ис. 6, 3). И на земле, в Божиих храмах и в сердцах верующих, неумолкаемо воссылается хвала Богу, в Троице Славимому.

Святитель Григорий Богослов говорит: «Торжества никогда не должно прекращать, всегда же надобно праздновать, ныне даже и телесно, а впоследствии и скоро совершенно духовно, когда чище и яснее узнаем, и сему основания в самом Слове и Боге и Господе нашем Иисусе Христе — истинном празднике и радовании спасаемых, с Которым да будет слава и чествование Отцу со Святым Духом» [10, с. 17].

Церковь Христова в ее земном странствии управляется и руководится благодатию Святого Духа. Дух Святой, сошедший на Апостолов в день Пятидесятницы, с того времени непрерывно пребывает в Церкви, подает жизнь и освящение всей Ее Полноте и каждой христианской душе в отдельности. *Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается* — напоминает нам церковное песнопение, которое звучит на полиелейной утрени перед чтением Святого Евангелия.

С того часа, как человек духовно рождается в Таинстве Святого Крещения и запечатлевается дарами Святого Духа в Таинстве Миропомазания, он призывается непрерывно жить в этой благодатной атмосфере.

Благодать Святого Духа просвещает ум христианина светом истинного боговедения, направляет волю его к деланию добра и правды, озаряет сердце радостью жизни в Господе и собирает все его духовные силы, чтобы соделать обителью Святой Троицы, по неложному слову Спасителя: *Мы придем к нему и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

Вся подает Дух Святый: точит пророчества, священники совершает, некнижныя мудрости научает, рыбари богословцы показует, весь собирает собор церковный (Служба в Неделю Пятидесятницы, вечерня-стихира на *Господи, воззвах*).

По слову замечательного русского богослова А. С. Хомякова, Церковь есть «единство Божией благодати, живущей во множестве разумных творений, подчиняющихся этой благодати» [11, с. 3].

Подчинивший себя добровольно Божественной благодати христианин может сказать о себе словами святого апостола Павла: *Уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Соединившись таким образом со Христом, личность перестает быть одинокой, человек становится членом Церкви, которая есть *Тело Христово* (1 Кор. 12, 27), приобщается высшей жизни.

Божественный Учитель потому и открыл нам учение о Пресвятой Троице, чтобы мы имели постоянное утверждение в высшем бытии, вечном и неизменяемом Божестве и взиранием на Святую Троицу побеждали страх перед *ненавистною разделенностью мира*, причиной которой является грех, рабство души страстям.

По словам преподобного Исаака Сирина, «страсти действуют во всяком, кто носит на себе тело, хочет ли он того или не хочет... до самой смерти человек не может не иметь помыслов и брани» [7, с. 24].

Святые отцы, предупреждая о трудностях духовной жизни, однако не перестают призывать к ней, утешая надеждой на Божественную помощь в деле спасения.

Без веры во Святую Троицу победа в борьбе с самим собой, с силами зла, дей-

ствующими в мире, была бы беспочвенной мечтой. Догмат о Пресвятой Троице — это догмат о торжестве любви, о высшем единстве в любви.

Целью жизни человека является уподобление Богу в любви. Божественная благодать открывает путь к объединению людей и возрастанию любви между ними по образу Лиц Пресвятой Троицы.

Бог познается сердцем, потому что сердцем познается любовь.

Мы знаем о Боге только то, что открыто нам Им самим в Откровении. Божественное же Откровение — это излучение Божественной любви, ее свет.

Я есмь Сущий (на древнееврейском — Иегова) (Исх. 3, 14),— говорит о Себе Господь, тем самым указывая, что Он есть Свет и Жизнь, что Он есть Бог являемый и познаваемый.

Учение о Святой Троице было открыто Сыном Божиим в конце Его земного служения, когда Он, *возлюбив Своих сущих в мире, до конца возлюбил их* (Ин. 13, 1).

Действие Вечной Любви Божией проявляется в Таинстве Евхаристии, установленной Самим Господом Иисусом Христом на Тайной вечере. Это Таинство, в котором мы соединяемся со Христом,— основа нашего спасения, ставшего возможным благодаря страданиям и смерти Сына Божия. В домостроительстве нашего спасения проявилась любовь всей Святой Троицы. Это ясно раскрывается за богослужениями Страстной седмицы.

Митрополит Филарет (Дроздов) говорит: «Вниди во внутренние святилища страданий Иисусовых... Что там? Ничего, кроме святой и блаженной Любви Отца и Сына и Святого Духа к грешному и окаянному роду человеческому. Любовь Отца распинающая, Любовь Сына распинаемая, Любовь Духа торжествующая Силою Крестною. *Тако бо возлюби Бог мир* — вот начало, и средина, и конец Креста Христова [4, с. 92]. Поэтому Крест Христов есть *Знамение непостижимыя Троицы и* возвышает к зрению Троическому.

Учение о Святой Троице лежит в основе всей церковной жизни. В Церкви Святой мы живем в Царстве Пресвятой Троицы. *Слава Святей, и Единосущней, и Животворящей, и Нераздельней Троице,*— возглашает священнослужитель, начиная утреннее богослужение. *Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа* — этим возгласом начинается Божественная литургия.

За Божественной литургией приносится хвалебно-благодарственная и умилостивительная жертва Богу, в Троице славимому. Жертва благодарения приносится и, как верит Святая Церковь, принимается Триипостасным Богом и возносится к Престолу благодати: *Ты бо еси Приносяй и Приносимый, и Приемляй и Раздаваемый, Христе Боже наш, и Тебе Славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем, и Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.*

Константинопольский Собор 1157 года принял в качестве своего определения суждение Киевского митрополита Константина, что «Животворящая Жертва, как первоначально, когда она была совершена Спасителем Христом, так и после, и доныне принесена и приносится не только одному Безначальному Отцу Единородного, но и Самому Вочеловечшемуся Слову; точно так же не лишен этой богоприличной чести и Святой Дух. Приношение же Таин произошло и происходит повсеместно Единому Триипостасному Божеству...» [12, с. 90].

По свидетельству Отцов Собора 1157 года, важное значение придавалось словам Патриарха Фотия: «Лица Святой Троицы имеют общее действие». Это утверждение опирается на учение о нераздельности Святой Троицы. Если Святая Троица нераздельна, то нельзя разделять действия Одной Ипостаси от действий Другой.

Патриарх Фотий говорит: «У Святой Троицы общее царство, сила* и держава; также и слава, не только от нас возносимая, но и та, которую Сами Они — Лица Святой Троицы — принимают от Самих Себя». Отсюда следует, что спасительная жертва принята всей Святой Троицей [12, с. 91].

В центре внимания на Соборе 1157 года было учение епископа Николая Мефонского, который утверждал: «Не должно ни Естество противополагать Ипостаси, ни Ипостась Естеству, но Естество — Естеству, как во Христе, и Ипостась — Ипостаси, как в Триипостасном Божестве» [12, с. 101]. Поэтому суждение: «Жертва (человеческой природы) принесена Богу (Святой Троице)» — истинное, так как в нем естество человеческое противополагается (приносится) другому естеству (Божеству). Напротив, суждение: «Спасительная жертва принесена только Богу Отцу» — ложное, так как в нем естество человеческое противополагается Ипостаси (Отцу).

Отсутствием четкого понимания отношения Ипостаси и Естества объясняется история гимна, составленного императором Юстинианом**. *Единородный Сыне и Слове Божий, безсмертен Сый, и изволивый спасения нашего ради воплотитися от Святыя Богородицы и Приснодевы Марии, непреложно вочеловечивыйся: распныйся же Христе Боже, смертию смерть поправый. Един сый Святыя Троицы, спрославляемый Отцу и Святому Духу, спаси нас.*

---

* Это отражено в молитве 3-го Часа: *Владыко Боже Отче Вседержителю, Господи Сыне Единородный Иисусе Христе, и Святый Душе, едино Божество, едина Сила, помилуй мя грешнаго, и имиже веси судьбами, спаси мя недостойнаго раба Твоего, яко благословен еси во веки веков, аминь.*

** Император Юстиниан правил Восточной Римской империей с 527 по 565 год по Р. Х.

В этом гимне, который поется за Божественной литургией, прославляется Господь наш Иисус Христос, Которому подобает прославление, одинаковое с Отцом и Святым Духом.

На запрос Юстиниана к Папе Гормизде (годы понтификата 514—523) еще до составления гимна, православно ли выражение: «Един Святыя Троицы пострадал», ответа дано не было. Западные богословы и приближенный к Папе диакон Римской Церкви Анатолий обращались за разрешением этого вопроса к авторитетному в то время богослову диакону Карфагенской Церкви Фульгентию Ферранду. Он разъяснил так: «Если сказано: «Един сый Святыя Троицы пострадал», то ясно, что пострадал Христос человеческим естеством. Никто не заподозрит, что в Троице три Сына, так как человечество приняла Ипостась Бога Слова» [13, с. 372—373].

Апостольскими словами: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастие Святаго Духа, буди со всеми вами,* которые возглашаются священнослужителем перед Евхаристическим каноном, испрашиваются дары от каждого Лица Святой Троицы: от Господа Иисуса Христа — Благодать, от Бога Отца — Любовь, от Святого Духа — Причастие, то есть общение.

В заамвонной молитве священник призывает Божие благословение на народ как на достояние Божие, просит освятить любящих благолепие дома Его, даровать миру мир и в заключение воссылает славу, благодарение и поклонение Виновнику всякого блага — Единому Богу, во Святой Троице Славимому.

Цель православного богослужения — помочь духовному восхождению человека к Богу, таинственной встрече человека с Богом. При этом христианин призывается исповедовать бытие Бога абсолютным, премирным и неслиянным; признавать Его безусловно непостижимым, единственно достойное отношение к Которому — поклонение и служение. Это утверждается в одном из центральных мест нашего богослужения — в первой молитве Евхаристического канона литургии Святителя Иоанна Златоуста: *Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя хвалити, Тя благодарити, Тебе покланятися на всяком месте владычества Твоего: Ты бо еси Бог неизреченен, недоведом, невидим, непостижим, присно Сый, такожде Сый, Ты и Единородный Твой Сын и Дух Твой Святый.*

Во второй молитве Евхаристического канона Святая Церковь воспевает: *Свят еси и Пресвят Ты и Единородный Твой Сын и Дух Твой Святый, Свят еси и Пресвят и великолепна Слава Твоя, иже мир Твой тако возлюбил еси, яко и Сына Твоего Единороднаго дати, да всяк веруяй в Него не погибнет, но имать живот вечный.*

Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят (Мф. 5, 8),— сказал Господь. Преподобный Иоанн Лествичник учит, что душевная чистота «соделывает ученика своего богословом, который сам собою утвердил догматы о Пресвятой Троице» [14, с. 286].

Чистота сердца немыслима без духовного подвига. Только святая, добродетельная жизнь, соединенная со всегдашним покаянием, обновляет человека на всякий день. Для подвига поста и молитвы Святая Церковь предлагает четыре поста в году, из которых главное место занимает Святая Четыредесятница.

В великопостном богослужении Святая Церковь призывает верующих прославить Святую Троицу как Небесную Совершительницу нашего спасения, как *Единицу простую,* как *Живоначальную Троицу.* Святая Церковь называет Троицу *Живоначальной,* потому что Пресвятая Троица есть Начало и Первообраз жизни Церкви и вместе с тем конечная цель всего Ее служения. Блаженный Августин говорит: «Господь наш Иисус Христос предаст Царство Богу и Отцу, не разделяя Себя ни с Ним, ни с Духом Святым, когда Он приведет верующих к созерцанию Бога: здесь конец всякой деятельности, покой вечный и радость, которая никогда не отнимется от нас» [17, с. 271].

Душевный мир, любовь к Богу и Его творению, постоянная *радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17) являются признаками общения души с Богом, познавшей Его благо и в нем предощущающей будущее нескончаемое блаженство.

* * *

Радость — душа всякого праздника. По словам митрополита Московского Филарета, «праздник без радости — это тело без души». Назначение праздничного богослужения — очистить душу верующего человека, соделать ее способной к восприятию духовного смысла богослужебных действий, подготовить ее, по словам преподобного Григория Синаита, к «созерцанию и ведению» Троицы Нераздельной и Неслиянной.

Преподобный Симеон Новый Богослов в одном из своих гимнов («Путь к созерцанию Божественного Света») указывает, что путь к зрению «онаго Света» — нравственная чистота, а «началом и концом во всем этом» необходимо иметь «главу добродетелей — любовь» [6, с. 279—280].

«И когда достигнем любви, тогда достигнем мы Бога,— учит преподобный Исаак Сирин,— и путь наш сквершен, и пришли мы к острову иного мира, где Отец, Сын и Дух Святой,— Ему слава и держава» [7, с . 399].

В службе праздника Пятидесятницы (Святой Троицы) мы не только вспоминаем о том, что произошло некогда со святыми апостолами, но и получаем возможность приобщится, каждый в своей мере, к получен-

ным ими в этот день дарам Святого Духа.

По словам митрополита Московского Филарета, «мы должны взирать на сошествие Святого Духа не только как на чудо, прославившее Апостольскую Церковь, но и как на событие, существенно сопряженное с делом нашего спасения» [4, с. 2].

Песнопения праздника, кроме воспоминания о сошествии Святого Духа на Апостолов и раскрытия догматического учения о третьем Лице Святой Троицы, включают в себя молитвенное обращение ко Христу с просьбой о ниспослании и нам Святого Духа и обращение к Самому Духу — Утешителю.

В первой и второй стихирах «на стиховне» мы просим Христа: *Духа Твоего Святаго не отыми от нас, молим Ти ся, Человеколюбче: Егоже сияния и нас сподоби, молим Ти ся, Человеколюбче.* В третьей стихире мы обращаемся к Царю Небесному, называя Его Утешителем, и просим Его прийти и вселиться в нас, очистить нас от всякой скверны и по благости Своей спасти наши души.

Для укрепления веры в возможность такого чудесного изменения наших душ мы начинаем молитву ко Святому Духу с перечисления главнейших Его свойств, особенно необходимых для нашего обновления и спасения. Мы называем Его Небесным Царем, Утешителем, Духом Истины, везде Сущим и все Собою наполняющим, Сокровищем всех благ и Подателем жизни не только временной, но и вечной. Святой Дух по неизреченной Своей благости, вселяясь в души верных, очищает от всякой скверны и делает причастниками Своей Святости.

Стихира *Царю Небесный* — одно из важнейших песнопений праздника Пятидесятницы. Она не только раскрывает духовный смысл праздника, но заключает в словах своих благодатную силу, соединяющую нас с Самим Духом Утешителем. Начиная с Троицына дня и до Великой Субботы молитва *Царю Небесный* предваряет каждое церковное богослужебное последование и каждое молитвенное правило. Эта молитва дает возможность верующим пребывать в непрестанном духовном общении с Духом Святым, без Которого невозможна наша духовная жизнь.

Праздник Пятидесятницы является праздником начала Домостроительства Духа Святого в Церкви. Вместе с тем Господь «в сей последний и великий и спасительный день Пятидесятницы» показал нам «Тайну Святыя и Единосущныя и Сопрестольныя и Нераздельныя и Неслиянныя Троицы». Тайна эта раскрывалась в истории человечества в последовательном откровении Трех Ипостасей. «Ветхий Завет,— говорит Святитель Григорий Богослов,— ясно показал Отца, но не с такой ясностью Сына; Новый — открыл Сына и дал указание о Божестве Духа; ныне пребывает с нами Дух, даруя нам яснейшее о Нем познание» [3, с. 103]. .

Существует прямая и органическая связь между началом Домостроительства Святого Духа в мире и откровением тайны Пресвятой Троицы. День пришествия в мир Утешителя есть торжество во славу Бога Отца, от Которого Дух Святой исходит, и Бога Сына, Который послал Духа Святого в мир, и во славу Духа Святого, видимо сошедшего на святых апостолов.

В богослужебном чине на праздник Пятидесятницы Святая Церковь приглашает нас поклоняться *Нераздельной Троице, Триипостасному Божеству,* воспеть *Безначального Отца и Собезначального Сына и Соприсносущного и Пресвятаго Духа,* прославить *в Троице едину Силу, едино Существо, едино Божество.*

Последняя стихира на *«Господи, воззвах»: Приидите, людие, Триипостасному Божеству поклонимся, Сыну во Отце со Святым Духом: Отец бо безлетно роди Сына Соприсносущна и Сопрестольна, и Дух Святый бе во Отце, с Сыном прославляем: Едина Сила, Едино Существо, Едино Божество. Ему же, поклоняющеся, вси глаголем: Святый Боже, вся содеявый Сыном, содействием Святаго Духа, Святый Крепкий, Имже Отца познахом, и Дух Святый прииде в мир, Святый Безсмертный, Утешительный Душе, от Отца исходяй и в Сыне почиваяй, Троице Святая, слава Тебе* [15, с. 50].

Эта стихира, составленная Византийским императором Львом VI (IX в.), представляет собой замечательный по догматической точности, духовной глубине и красоте гимн Пресвятой Троице. Как и молитва *Царю Небесный,* она является одним из важных песнопений службы Пятидесятницы. Молитва и стихира кратко и вместе с тем с большой духовной глубиной раскрывают важнейшие темы: тему Домостроительства Святого Духа и тему поклонения Святой Троице, благословенное Царство Которой мы видим в Церкви Христовой.

В праздничной вечерне читаются три коленопреклоненные молитвы. Первая молитва обращена к Богу Отцу, в ней испрашиваются оставление грехов и благодатная помощь всем верным. Вторая молитва обращена к Сыну Божию. В ней Святая Церковь просит Его послать нам Духа Святого как Руководителя к святой и праведной жизни. Третья молитва обращена также к Сыну Божию. Она носит по преимуществу заупокойный характер. Вместе с тем мы молимся в ней и о живых членах Церкви и испрашиваем им непостыдной кончины и неукоризненного ответа на Страшном Суде Христовом.

Второй день праздника Пятидесятницы посвящен особому прославлению третьего Лица Пресвятой Троицы — Святого Духа, Своим пришествием открывшего тайну Божественного Триединства. Песнопения этого дня почти полностью повторяют песнопения

Троицына дня. На повечерии поется канон Святому Духу — Утешителю.

В праздник Святой Троицы с древнейших времен существует обычай украшать храмы и жилища ветвями деревьев и цветами. Деревья и цветы — это символ весеннего таинственного обновления наших душ силою Святого Духа, духовного обновления всей нашей жизни во Христе Господе и Спасителе.

Основатель почитания Пресвятой Троицы на Руси Преподобный Сергий Радонежский построил храм во имя Пресвятой Троицы. Ученик Преподобного Сергия преподобный Андрей Рублев написал икону «Пресвятая Троица», о которой священник Павел Флоренский в своей статье «Троице-Сергиева Лавра и Россия» пишет: «В созерцании иконы Святой Троицы открывается духовному взору бесконечный, невозмутимый мир, «свышний мир» горнего мира. Вражде и ненависти, царящим в дольнем, противопоставлялись взаимная любовь, струящаяся в вечном согласии, в вечной безмолвной беседе, в вечном единстве сфер горних. Вот этот-то неизъяснимый мир струится широким потоком прямо в душу созерцающего». Икона приоткрывает сокровенные глубины и тайны искупительной жертвы Христа и Домостроительства нашего спасения. В образе Святой Троицы запечатлена жертвенная любовь Божия, выше и спасительнее которой ничего нет и не может быть на земле.

Икона «Пресвятая Троица» преподобного Андрея Рублева изображает Таинство Евхаристии. Евхаристическим символом является Святая Чаша на Престоле, вокруг которого восседают Ангелы. В Чаше видна голова тельца, которым Авраам угощал трех мужей (см.: Быт. 18, 7). Телец — прообраз Новозаветного Агнца, и поэтому Чаша имеет евхаристическое значение.

Левый и средний Ангелы благословляют Чашу: Отец благословляет Сына на подвиг, на смерть на Кресте ради спасения человека, и Сын, освящая Чашу, выражает готовность принести Себя в жертву. На светлом фоне Престола отчетливо видна правая рука третьего Ангела. Но Он не благословляет, а присутствует здесь как Утешитель, как символ грядущего воскресения.

Пресвятая Троица прославляется верующими и в частной молитве. Каждый день христианин, встав от сна, осеняет себя крестным знамением со словами: *Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа.* Далее он произносит молитву Святому Духу: *Царю Небесный...* В молитве: *Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас* прославляется вся Святая Троица. Словами *Святый Боже* мы обращаемся к Богу Отцу, *Святый Крепкий* — к Сыну Божию, Господу Иисусу Христу. Крепкий значит сильный, всемогущий, ибо Иисус Христос Своею смертию и Воскресением победил диавола и вывел из ада души праведных людей. *Святый Безсмертный* относится к Духу Святому, потому что Он благочестивым людям дает бессмертную Вечную Жизнь. Слова *Помилуй нас* относятся ко всем Лицам Пресвятой Троицы. Молитва *Святый Боже* называется *Трисвятое,* потому что в ней три раза повторяется слово *Святый.* Она называется также *Ангельской* песнью, потому что ее поют на небе Ангелы пред Престолом Божиим, как об этом засвидетельствовал Патриарх Константинопольский Прокл (434—446).

Славословием Пресвятой Троице являются и слова: *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу,* многократно повторяемые. Далее следует молитва Пресвятой Троице: *Пресвятая Троице, помилуй нас: Господи, очисти грехи наша, Владыко, прости беззакония наша: Святый, посети и исцели немощи наша, Имене Твоего ради.* Слова *Пресвятая Троице, помилуй нас* — относятся ко всем трем Лицам Святой Троицы. Слова *Господи, очисти грехи наша* — к Богу Отцу, слова *Владыко, прости беззакония наша* — к Сыну Божию, слова *Святый, посети и исцели немощи наша* — к Духу Святому, слова *Имене Твоего ради* — ко всем трем Лицам Святой Троицы. Мы просим у Святой Троицы очистить и простить наши грехи для славы Имени Господа, чтобы мы могли прославлять Господа за Его милость к нам.

После Господней молитвы *Отче наш* следует славословие: *Яко Твое есть Царство, и сила, и слава Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь,* в котором мы прославляем Господа в Троице и высказываем надежду, что Он как Царь всего сущего силен исполнить всякое наше прошение.

Святые Отцы и учители Православной Церкви дали нам в своих творениях непревзойденное по глубине изложение православного учения о Святой Троице. Все они были не только учеными-богословами, но прежде всего подвижниками и «священнодействителями», черпавшими содержание своего учения из благодатного источника церковной жизни.

Чтобы нам приблизиться к постижению догмата о Святой Троице, мы должны прежде всего понять, что церковная жизнь и все, что в ней открывается, есть тайна, непостижимая для нашего ограниченного ума. «Не случайно ведь,— говорит современный богослов профессор К. Е. Скурат,— самое важное в жизни Святой Церкви, ее средоточие, посредством которого мы входим в общение с Богом и становимся причастниками Его благодати, называется Таинствами» [16, с. 3].

Святой апостол Павел призывает верующих во Христа *исполняться Духом* (Еф. 5, 18). Но как, каким образом надо исполняться, он не говорит. Можно полагать, что не объясняет он этого по той причине, что в то время это было для всех христиан понятно. Мы не знаем и не можем сказать, как совершается действие Духа Божия в человеке. С определенностью можно сказать

только, что это действие всегда соответствует нашей готовности, но никогда не зависит от нашего произвола [4, с. 3].

Как от зимнего холода застывает жизнь в растениях, так остается мертвым и дух человека, пока он предан греху. В растениях, замирающих на зиму, есть жизнь, но если Господь не пошлет живительного духа весны, то они не восстанут к жизни и не *обновится лице земли* (Пс. 103, 30). Так не оживет и дух человека, если не коснется его огнь Божества и не согреет его своей живительной теплотой. Знáком того, что дух человека ожил, является появление чувства покаяния и ревности о спасении. Это уже начало духовной жизни, но именно только начало, ибо страсти еще не умерли.

С пробуждением к жизни духа человеческого начинается невидимая брань с грехом, с силами зла. Эта борьба продолжается не дни и месяцы, а целые годы, часто жизнь. И если не ослабеет вера человека, его ревность ко спасению, то наступает момент в духовной жизни, когда Дух Святой преобразует христианина в жилище Божие.

Очищенная Святым Духом душа *светлеется Троическим единством священнотайне.*

Быть сосудом, жилищем, орудием Духа Божия — это несравненное счастье, это небесное блаженство на земле, это таинство, в котором открыто все, чего ищет дух человеческий и о чем совоздыхает и соболезнует вся тварь (ср.: Рим. 8, 22). Одухотворенный Духом Святым человек сияет духом мудрости, обращающим все к вечному благу души, воля его наполняется духом свободы от грехов и страстей. В глубине сердца его почивает дух мира.

Верный Господу человек *богат благословениями* (Притч. 28, 20), ибо Сам Дух тогда ходатайствует о человеке *воздыханьми неизглаголанными* (Рим. 8, 26), и *будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен* (2 Тим. 3, 17).

Итак, постижение догмата о Пресвятой Троице тесно связано с молитвой и добродетелью. Выдающиеся догматисты, вселенские учители, были прежде всего ревнителями христианской добродетели и дерзновенными молитвенниками.

«Для доброго христианина,— говорит митрополит Антоний (Храповицкий),— даже краткий и сжато выраженный Символ веры всегда будет не только перечнем догматических положений, но и прославительной молитвой, источником нравственного подъема» [18, с. 6].

Душевный мир, любовь к Богу и Его творению, постоянная *радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17) являются признаками общения души с Богом. А кто с Богом, тот, по слову преподобного Максима Исповедника, «знает Святую Троицу, Ее творение и промышление» [19, с. 211].

Святые отцы отвергают мысль о безусловно полном познании Бога. Существо Божие непостижимо. Особенно подробно говорит об этом Святитель Василий Великий в своем опровержении Евномия [20, с. 30—31].

Однако писания святых отцов, проникнутые духом ведения, являют «Бога как живое и близкое Существо, познаваемое преимущественно как Любовь, ибо Он послал Сына Своего для усыновления человека и приведения его к Вечной Жизни путем духовного познания Его» [21, с. 62].

ЛИТЕРАТУРА

1. Добротолюбие. Т. V. М., 1900.
2. Святитель Василий Великий. Творения. СПб., 1911, т. 1.
3. Святитель Григорий Богослов. Творения. Т. 3. М., 1889.
4. Филарет, Митрополит Московский. Слова и речи. Т. 1. Слово в Великий Пяток. М., 1873.
5. Святитель Василий Великий. Творения. Т. II. СПб., 1911.
6. Преподобный Симеон, Новый Богослов. Божественные гимны. Сергиев Посад, 1917.
7. Преподобный Иссак Сирин. Творения. Слово 55. Сергиев Посад, 1911.
8. Святитель Григорий Богослов. Творения. Т. 2. Слово 23 «О мире». М., 1889.
9. Святитель Игнатий Богоносец. Послания. Казань, 1857.
10. Святитель Григорий Богослов. Творения. Т. 4. Слово 41. М., 1889.
11. Хомяков А. С. Сочинения. Т. 2. М., 1911.
12. Иеромонах Павел (Черемухин). Константинопольский Собор 1157 г. См. также: Николай, епископ Мефонский.— Богословские труды. Сб. 1. М., 1959.
13. Проф. Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Т. 4. Пг., 1918.
14. Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. М., 1892.
15. Цит. по: Проф. М. Скабалланович. Христианские праздники. Пятидесятница. Киев, 1916.
16. Цит. по: Проф. К. Е. Скурат. Учение о Троице в Православном святоотеческом богословии. Сборник статей. Машинопись.
17. Блаженный Августин. О Троице (книга первая).— Богословские труды. Сб. 29. М., 1989.
18. Епископ Антоний. Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы. Казань. 1898.
19. Добротолюбие. Т. III. М., 1888.
20. Святитель Василий Великий. Творения. Ч. 2. М., 1891.
21. Доц. В. Д. Сарычев. Святоотеческое учение о богопознании.— Богословские труды. Сб. 3.

Архиепископ Рязанский и Касимовский
СИМОН

Игумен МАРК (Лозинский)

Гомилетические наставления Святителя Иоанна Златоуста

Великий вселенский учитель Святитель Иоанн Златоуст не оставил специального сочинения с изложением теории гомилетики, но в его творениях множество ценных высказываний о проповеди и долге проповедника. Основанные на собственном опыте, эти наставления актуальны во все времена. Изучение их может помочь формированию в душе будущего пастыря правильного отношения к служению словом.

По учению Святителя Иоанна, желающий стать истинным проповедником должен сознавать высоту и ответственность этого служения и иметь твердую решимость следовать за Христом. Он говорит: «Кто принял... служение, тот не должен быть ни медленным, ни беспечным, а мужественным и твердым, не должен и касаться этого прекрасного дела, если он не намерен тысячекратно подвергать свою жизнь смерти и опасностям, как и Сам говорит Христос: *аще кто хощет по Мне идти, да отвержется себе и возмет крест свой и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). А кто не имеет такого расположения, тот губит и многих других, и гораздо полезнее было бы ему оставаться в покое с самим собою, нежели выставляться на вид и принимать бремя, превосходящее его силы; иначе он погубит и себя, и вверенных ему. Как, в самом деле ... безрассудно... идущему на проповедь приниматься за это дело без подготовки и как случится и неосмотрительно брать на себя дело, угрожающее тысячею смертей? Подлинно ни кормчему, ни борцу с зверями... ни кому другому не нужно иметь души, столь готовой на смерть и истязание, сколько тому, кто принимает на себя дело проповеди. Здесь и опасность больше, и противник свирепее, и такого рода смерть, и цель поставлена немаловажная: небо назначено в награду, геенна в наказание грешникам и погибель души и спасение» [2, 550]*.

По убеждению вселенского учителя, проповедничество не мыслимо без ревности: «...если нужно проповедовать, то нужно проповедовать с дерзновением; иначе это и не будет проповеданием. Поэтому и Христос не сказал:

---

* Здесь и далее Святитель Иоанн Златоуст цитируется по: Творения, т. 1—12. СПб., 1896—1901. Первая цифра — номер тома, вторая — номер страницы.

рцыте на кровех, но: *проповедите на кровех* (Мф. 10, 27), указывая на характер проповеди и метод, и способ действия» [2, 840].

Святой Иоанн Златоуст считал, что проповедническое слово только тогда принесет свои плоды, когда жизнь самого пастыря не расходится с его учением. Он говорил: «...любомудрствовать на словах легко; научи меня своею жизнью — вот самый лучший способ учения. Ты говоришь, что надо быть умеренным, ведешь об этом длинную речь и витийствуешь, разглагольствуя неудержимо. Но гораздо лучше тебя тот, кто учит меня этому делами. Обыкновенно не столько внедряются в душу наставления словами, сколько делами; и если ты не имеешь дел, то, разглагольствуя, не только не приносишь пользы, но более причиняешь вред; лучше бы молчать... Гораздо больше вреда в том, когда кто, хорошо поучая словами, опровергает свое учение делами. Это стало виною множества зол в церквах» [9, 278].

«Когда и жизнь учителя светла, и слово соответствует ей... то бывает великая и несказанная польза» [2, 863],— наставляет вселенский учитель в другом слове. Пастырь-проповедник и в жизни, и в слове должен быть безукоризненным, ибо, по словам Святителя Иоанна, многие пасомые судят о проповеднике «как об ангеле» [1, 456].

Как начинающему, так и опытному в проповедничестве пастырю, по мнению Златоуста, необходимо всегда серьезно готовиться к проповеди, чтобы не ослабеть в ревности и не повредить великому служению. «Кто превосходит всех красноречием, тому более всех нужно трудиться»,— пишет он. «Кто владеет великою силою слова (а ее у немногих можно найти), даже и тот не бывает свободен от непрестанных трудов. Так как сила слова не дается природою, но приобретается образованием, то, хотя бы кто довел ее до высшего совершенства, и тогда он может потерять ее, если постоянным усердием и упражнениями не будет развивать этой силы» [1, 555].

«Если же способные говорить с великой властию имеют нужду в постоянном упражнении для сохранения этой способности, то нисколько не приготовившийся ранее и принужденный думать об этом во время самих подвигов (во время проповеди) какие встретит трудности, какое беспокойство, какое смущение, чтобы с великим трудом приобресть какой-нибудь малый успех» [1, 458].

Проповедничество, по учению Святителя Иоанна,— это постоянная самоотдача. «Проповедник,— говорит он,— слушает ли кто его, или нет, должен бросать семена и отдавать серебро, чтобы Бог требовал отчета уже не от него, а от приявших то серебро» [4, 832].

Обязанность постоянно проповедовать не исключает, однако, необходимости для пастыря выбирать удобное время, когда слушатели более восприимчивы к принятию его слов: «Если и намеревающийся просить когонибудь, хотя и справедливую просьбу предложить хочет, выжидает, однако, удобного случая, чтобы найти того, от кого зависит исполнение просьбы, кротким и в добром расположении духа, и при помощи благоприятного случая получить милость, то тем более проповеднику нужно искать удобного времени, чтобы преподать наставление слушателю, когда он находится в добром расположении и свободен от всякой заботы и уныния» [2, 129].

Пастырь в своей проповеднической деятельности должен уметь сочетать увещания, наставления, утешения и обличения. «Наилучший способ врачевания: не только резать, но и перевязывать раны; это достойный удивления закон наставления: не только порицать, но и увещевать и утешать. Так повелел и Апостол Павел: *обличи, запрети, умоли* (2 Тим. 4, 2). И если кто всегда утешает, то этим делает слушателей более беспечными; и если только порицает, то делает их более ожесточенными, потому что, не имея возможности перенести бремя непрерывных обличений, они тотчас поспешно убегают. Поэтому должно, чтоб был какой-нибудь разнообразный способ наставления» [2, 699].

Проповедуя, пастырь не должен стремиться произвести благоприятное впечатление на слушателей внешней красотой и занимательностью слова, не должен он и льстить своим пасомым, ибо этим он принесет большой вред делу их спасения. Строго обличая таких проповедников, Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Человеко-

убийца умерщвляет одно только тело, а говорящий льстиво и делающий слушателей более беспечными губит душу; тот предает нынешней смерти, а этот губит душу и отсылает на бессмертные мучения и наказания» [2, 702].

«То же бывает и с нами (проповедниками),— говорит в другом слове Святитель,— когда мы заботимся о красоте выражений, о составе и благозвучании речи, чтобы доставить удовольствие, а не принести пользу, чтобы возбудить удивление, а не научить, чтобы усладить, а не обличить, чтобы получить рукоплескание и отойти с похвалами, а не исправить нравы» [9, 278]. Обращаясь к подобным неразумным пастырям, святой Иоанн восклицает: «Нечестивый, жалкий предатель!.. Не гораздо ли лучше было бы, причинив кратковременную скорбь, возвратить... совершенное здравие, нежели временное услаждение сделать причиной всегдашней скорби?» [9, 278].

Вселенский учитель считал, что пастырь должен руководить народом и не потворствовать слабостям паствы. Святитель указывал и условия, при которых это возможно. Проповедником должен быть «человек с душою мужественною... чтобы он мог отвлекать народ от... непристойного и бесполезного удовольствия и приучать его к слушанию более полезного так, чтобы народ ему следовал и повиновался, а не он (пастырь) руководился прихотями народа. Но этого нельзя достигнуть иначе, как двумя способами: презрением похвал и силою слова. Если не будет одного из них, то и остальной (другой способ)... будет бесполезен. Если презирающий похвалы не преподает учения, растворенного благодатию и солью (см.: Кол. 4, 6), то он лишается уважения и у народа, не получая никакой пользы от своего великодушия; а если исправный по этой части будет прельщаться славой... то произойдет одинаковый вред и для народа и для него самого, как старающегося по пристрастию к похвалам говорить более для удовольствия, чем для пользы слушателей» [1, 453—454].

Особенно предостерегает Святитель пастырей-проповедников от пристрастия к похвалам. «Кто предается страсти к безрассудным похвалам,— пишет он,— тот не получит никакой пользы ни от многих трудов своих, ни от силы слова своего, потому что душа, не умеющая переносить неразумных осуждений народа, слабеет и теряет охоту к упражнению в слове. Посему больше всего нужно приучаться презирать похвалы» [1, 457].

Чтобы проповедническая деятельность не была направлена на человекоугождение, пастырю необходим непрестанный критический анализ произносимых им слов. Он «должен быть сам... судьею своих произведений; хорошими и худыми они должны считаться тогда, когда произведший их ум произнесет о них тот или другой приговор, а о мнении посторонних, неверном и неопытном, никогда и думать не нужно... принявший на себя подвиг учительства должен не внимать похвалам посторонних людей и не ослабевать своею душою без них, но составлять поучения так, чтобы угодить Богу, ибо это должно быть у него правилом и единственною целью тщательного составления поучений, а не рукоплескания и похвалы... наилучшее утешение в трудах есть то, если он может сознавать в самом себе, что он составлял и направлял свои поучения на благоугождение Богу» [1, 457].

В многотрудном учительном служении пастырь не должен приходить в уныние, если он не увидит вскоре же плодов своего труда. Постоянство, которое имел в служении словом сам Святитель Иоанн, должно быть примером для каждого пастыря. В «Слове о Лазаре» вселенский учитель пишет о себе: «Я убедил душу свою, чтобы, доколе буду дышать и Богу угодно будет продолжать мою настоящую жизнь, исполнять это служение и делать повеленное...» [1, 770].

На скептические же замечания, что проповедническое слово вызывает мало перемен в слушающих, он отвечал: «Разве я обещал уловить всех в один день? Если бы убедилось только десять человек, если бы только пять, если бы даже один, не достаточно ли этого для моего утешения?... Пусть будет, что никто не убедился словами... однако и в таком случае слово мое не бесполезно. Если они и входили в корчемницу, то входили уже не с таким бесстыдством; и за столом часто вспоминали о словах

моих, укоризне, обличении и, вспоминая, стыдились, краснели мысленно и делали обычные дела уже не с такою наглостию... Кроме того, произошла от этого и другая не меньшая польза для меня... Та, что трезвых я сделал более степенными... Я не восстановил болящих? Но здоровых сделал более благонадежными... Присовокуплю к этому и нечто третье. Не убедил я сегодня? Но, может быть, успею убедить завтра. А завтра не успею, но, может быть, послезавтра или еще в последующий за тем день. Кто сегодня слушал и отверг слышанное, тот, может быть, завтра послушает и примет, а кто сегодня и завтра оказал пренебрежение, тот, может быть, спустя много дней окажет внимание к словам моим» [1, 771].

Благоразумный пастырь не от суетных похвал, а от исполнения пасомыми его наставлений испытывает духовную радость: «Что мне за польза от этих рукоплесканий? Что в похвалах и в кликах? Для меня будет похвалой то, если вы своими делами оправдаете все мои слова. Тогда я счастлив и блажен, когда вы с полным усердием будете не принимать только, но исполнять все, что услышите от меня» [2, 31]. Не на земле, а на небе должен ожидать истинный пастырь награды. Даже если пасомые не примут его слово и не принесут плода, он получит награду от Бога: «Если ты повергаешь семена и слушатель не примет их и не принесет плода послушания, тебе уготована награда от Бога за совет и ты получишь такое же воздаяние, хотя он не послушался, какое ты получил бы, если бы он и послушался, потому что ты исполнил все со своей стороны... только бы ты всегда делал это, только бы не отставал, доколе не убедишь его» [1, 772]. Таковы наставления вселенского Святителя пастырям, побуждающие их ревностно проходить проповедническое служение.

Небесная награда

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Мы собрались здесь в день памяти страстотерпца царевича Димитрия.

Чем же нам дорога эта память?

Царевич Димитрий на девятом году своей жизни был зверски убит. Но он страстотерпец не только потому, что был убит — вся его короткая жизнь была полна скорби. Вместе с матерью изгнан он был из Москвы в Углич. Здесь распространяли про него всякие небылицы, желая опорочить его имя. Сначала имя его поминалось как имя наследника царского престола в Москве, в Успенском соборе. Потом его перестали поминать, считая незаконным сыном царя Ивана Грозного, так как мать его — Мария — была седьмая жена этого жестокого и безнравственного царя. Беззакония отца сказались на сыне: царевич был оклеветан и убит.

Назвать его мучеником нельзя, потому что мучениками мы называем тех, кто за Христову веру пострадал до смерти. Он — страстотерпец, потому что всю жизнь терпел поношения и, наконец, был убит.

Мы, люди, можем обозреть только нашу земную жизнь, а что будет впоследствии, того мы не знаем. В ведении же Господа — и земная наша жизнь, и жизнь за гробом. И поэтому нельзя сказать, что Бог несправедлив, попустив так обидеть младенца. Бог всегда справедлив. И если Господь попустил царевичу Димитрию восемь с половиной лет страдать в земной жизни, то он получил от Бога воздаяние в вечности.

Нашему великому русскому поэту Александру Сергеевичу Пушкину дано было понять состояние этого младенца в той, загробной, жизни. Один из его героев передает такие слова, произносимые святым Димитрием уже с неба: «Царь Небесный принял меня в лик Ангелов Своих, и я теперь великий чудотворец». Это вещие, пророческие слова, которые могут быть сказаны поэтом только тогда, когда его уста движимы Духом Божиим. Эти слова истинны.

Поэтому мы должны с верой и молитвами прибегать к этому святому младенцу, обиженному в жизни земной, но награжденному Отцом Небесным на Небесах. Он действительно святой перед Богом, он — чудотворец. С этой верою мы и празднуем день, посвященный его памяти, и молимся ему, и прославляем его. *Аминь.*

Митрополит ИОАНН (Вендланд)

Церковная школа для народа в конце XIX века

Каким должно быть образование? Этот далеко не праздный вопрос сейчас стоит перед всем нашим обществом. Не может остаться в стороне от ответа на него и Церковь. И как часто происходит в таких случаях, полезно бывает обратиться к историческому опыту. Сейчас, когда наше прошлое перестало быть только ареной классовой борьбы, мы постепенно учимся видеть в нем нечто применимое и к сегодняшнему дню. Одно из таких достижений — опыт церковно-народной школы XIX — начала XX века. Не вполне оправдав возложенных на нее ожиданий, она тем не менее стала заметным явлением в предреволюционной России. Об этой школе, ее проблемах — статья А. Ю. Полунова.

В течение двух последних десятилетий XIX века наблюдался стремительный рост числа церковных школ для народа. Только за 1881—1894 годы число таких школ увеличилось в семь раз (с 4400 до 29 945), число учащихся в них выросло в 8 раз (со 106 385 до 931 400)[1]. Чем же был вызван столь необычный процесс, кто стоял у его истоков? Какие надежды возлагались на церковные школы в эти годы? Какое место церковные школы занимали в идейно-политической борьбе того времени — борьбе за выбор пути дальнейшего развития России?

Отмена крепостного права и другие освободительные реформы 60—70-х годов открыли эру глубоких перемен в жизни России — страна вступила на рельсы ускоренного индустриального развития, стремительного формирования гражданского общества. Хозяйственные и административные преобразования отодвинули решение духовных вопросов — вера и Церковь в сознании и власть предержащих, и общества во многом отошли на второй план, разрушительные последствия чего не замедлили сказаться. По замечанию Владимира Соловьева, освободительные реформы, не дополненные духовным руководством, дали выраженный отрицательный результат: они разрушили старое зло, но не создали нового добра[2]. Россия, избавленная от крепостного права и жесткой бюрократической опеки, но не заимевшая авторитетных духовных вождей, на рубеже 70—80-х годов была ввергнута в смуту, которая унесла жизнь и самого царя-реформатора — Александра II.

Потрясения рубежа 70—80-х годов заметно изменили настроение общества. Усилилось внимание к вопросам веры, повысился авторитет Церкви, внимательнее стало относиться к ней государство. По словам историка С. Г. Рункевича, уже с конца 70-х годов «стали все настойчивее ... раздаваться голоса о том, что пора одуматься, что необходимо вернуться к старым идеалам, к Матери Церкви в эту эпоху растерянности и у нее искать наставлений и указаний».

«Время для делателей на ниве Божией было на редкость благоприятным,— писал в начале 80-х годов Рункевич.— Все интересовались церковными делами, вместе со знакомством с Церковью возвысилась религиозность, газеты, как эхо общественного настроения, стали лучше относиться к духовенству... само духовенство как-то воспрянуло»[3]. Эти перемены совпали с назначением на пост обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева (1827—1907). Весьма симптоматично, что именно обер-прокурор в эти годы стал самым влиятельным политиком, фактически — негласным главным советником царя Александра III.

Победоносцев разительно отличался от большинства высокопоставленных бюрократов. Внук приходского священника, глубоко верующий человек, он считал Церковь одной из главных движущих сил российской истории, а веру — краеугольным камнем общественного здоровья и стабильности. «Церковь — мать родная и милая русскому человеку. Храм наш — это дом русскому человеку, дом самый ближний, где все равны от мала до велика, все... почерпают одинаково радость и утешение. Тут наша сила... тут хранилище драгоценнейших наших преданий и родник сил наших, которым суждено еще явиться в будущем»[4].

Значение Церкви в жизни России, однако, к концу XIX века стало заметно меньше. Простой народ, крестьянство, в массе своей держался Церкви, и это было для Победоносцева залогом спасения России среди бурь и катаклизмов современности. Однако народная вера страдала глубоким изъяном — бессознательностью. Сам Победоносцев с горечью писал «о множестве затерянных в глубине лесов и широте полей наших храмов, где народ тупо стоит в церкви, ничего не понимая, под козлогласованием дьячка или бормо-

танием клирика»[5]. Обер-прокурор понимал, что новые явления русской жизни — разрушение замкнутости и вековой неизменности крестьянского мира, все более частые контакты крестьян с атеистически настроенными слоями общества не могут не подорвать наивной простонародной веры. В связи с этим главным рычагом спасения народной религиозности, а стало быть, и России становилось для Победоносцева религиозное просвещение народа; в письме к императору он заявил, что это — «вопрос первостепенной важности для государства»[6].

Важнейшим орудием религиозного просвещения должна была, по мысли Победоносцева, стать начальная школа. Церковные школы для народа существовали в России издавна, однако к началу 80-х годов их осталось всего несколько тысяч. Победоносцев предполагал создание при храмах широкой сети начальных училищ, подчиненных духовному ведомству и руководимых священниками. Главное внимание в таких школах должно было уделяться изучению Закона Божия, церковнославянскому языку, церковному пению.

В отличие от школ светских, стремящихся дать воспитанникам прежде всего определенный объем знаний, церковные школы должны были не оставлять в небрежении душу учеников, обращать внимание не только (и даже не столько) на образование, сколько на воспитание. В то же время Победоносцев считал, что и общее образование будет успешнее с помощью таких школ, ибо смысл учения в церковных школах будет понятен народу. «В понятии русского народа...— пйсал обер-прокурор,— Церковь и школа неотделимы друг от друга; школа воспитывает прежде всего для Церкви и от нее получает свою жизненную просвещающую силу»[7]. Замечание это было весьма весомым: в начале XX века М. О. Гершензон писал о том, как интеллигенция «выбивалась из сил, чтобы просветить народ... засыпала его миллионами научно-популярных книжек...— и все без толку, потому что она не заботилась о том, чтобы приноровить весь этот материал к его уже готовым понятиям и объясняла ему частные вопросы знания без всякого отношения к его центральным убеждениям»[8].

13 апреля 1884 года царь Александр III утвердил разработанные в духовном ведомстве Правила о церковноприходских школах. Согласно им, учреждались одноклассные и двухклассные училища — с двухлетним и четырехлетним сроком обучения (в начале XX века срок обучения был увеличен до трех и пяти лет). Ядром учебной программы являлся Закон Божий; почти все остальные предметы — церковное пение, церковнославянский язык, русский язык, чистописание — рассматривались как служебные в отношении главного предмета. В программу входила также арифметика. Помимо церковноприходских школ, в ведение духовенства были переданы элементарные крестьянские школы грамоты. Для учеников церковных школ обязательным было чтение молитв утром и вечером, перед началом учебы и после ее завершения, с общим пением; посещение церкви в воскресенье и праздники, участие в церковном чтении и пении[9].

Рост числа церковных школ, как уже указывалось, был в 80-е годы весьма бурным: он обгонял рост светских школ в 5,4 раза[10]. К 1893 году при четверти церковных школ были созданы хоры и библиотеки; в ряде школ организованы религиозно-нравственные чтения[11]. Однако в деятельности церковных школ, при мощном росте их числа, все заметнее становились глубокие изъяны. С чем же они были связаны?

Как только планы Победоносцева по развитию церковных школ стали известны обществу, против них был выдвинут целый ряд возражений. Прежде всего указывалось на занятость духовенства, связанную с материальной нуждой. Со времен Петра I государственная власть, как известно, стремилась превратить приходских священников в правительственных служащих, ослабляя их связь с прихожанами. Сближаясь по положению с чиновничеством, приходское духовенство, однако, в отличие от него не получило казенного жалованья и жило за счет земледельческих трудов и небогатой платы за исполнение треб. В этих условиях школы могли отвлечь духовенство от его прямых обязанностей — богослужения и проповеди. «Не следовало ли,— спрашивал видный публицист-славянофил И. С. Аксаков,— прежде всего привести в лучшее состояние школу уже существующую, но пребывающую почти в запустении? Храм — вот она, первая, основная народная школа». «Прежде чем учить ребят в школе с указкой», заявлял Аксаков, необходимо, чтобы священник «учил своих детей духовных в храме благоговейным богослужением и пастырским словом»[12].

Успеху церковно-школьного дела мешало и зависимое, приниженное положение священников в рамках бюрократизированного духовного ведомства. «Духовенство наше прежде всего робко, так сказать, забито,— с горечью заявлял в центральной духовной газете священник,— оно боится не только своего начальства, но даже любого волостного писаря. Эта ... черта... заставляет любого священника как бы бояться собственной деятельности... Он привык работать и даже мыслить только в тех ограниченных пределах, какие непосредственно указаны буквой закона и создались установившеюся практикой»[13]. Незаинтересованность многих священников в церковно-школьном деле в значительной степени определялась и сословной замкнутостью духовенства — пастырской деятельностью занимались зачастую не по призванию, а по наследству.

Успех деятельности церковной школы зависел не только от заинтересованности духовенства, но и от активности прихожан — прежде всего от их материальной помощи школам и духовенству. Между тем роль при-

хода в общественной жизни была весьма незначительна. «Без преобразования приходов,— писала газета «Современные известия»,— бесплодно размышлять об училищах, которые могут быть в приходе и при приходе, но не будут приходскими, пока сами приходы не обратятся в живые, самостоятельные единицы»[14].

Суммируя условия, необходимые для успешной деятельности церковной школы, Аксаков писал: «Не настоит ли прежде всего необходимость изменить материальные условия жизни, в которые поставлено наше приходское сельское духовенство?.. Совместно ли приходское священнослужительство, иначе пастырство и учительство, с понятием о сословной профессии?.. Не выдвигается ли все резче и самостоятельнее вопрос... о призвании к жизни приходских общин — этих основных готовых ячеек церковного организма?»[15]

Таким образом, успех школьного дела был немыслим без глубоких преобразований в церковном устройстве. Однако это в корне противоречило концепции Победоносцева. Обер-прокурор, рассматривавший религиозное просвещение как противовес революционным и атеистическим идеям, распространившимся в русском обществе после освободительных реформ 60—70-х годов, был убежден в пагубности вообще всех свобод и преобразований. Сама церковная школа была в глазах Победоносцева средством, позволяющим сохранить лояльность народа без глубоких экономических, социальных, административных реформ. Поэтому при Победоносцеве не были ни расширены права духовенства и прихожан, ни проведены необходимые преобразования в церковном устройстве. Это обрекло планы Победоносцева на неудачу.

Все чаще открытие школ осуществлялось под административным давлением на духовенство. Средств, которые прихожане выделяли на церковные школы, оказалось недостаточно. Обер-прокурор обратился за помощью к государству: правительственные ассигнования на церковную школу выросли в 1881—1894 годах в 40 раз (с 17 тыс. до 657 тыс. руб.). Однако и этих денег было мало: в результате в 1894 году на одну церковную школу тратилось в 5 раз меньше средств, чем на светскую (116 руб. против 620 руб.)[16].

Многие оппоненты Победоносцева, возражая против идеи церковной школы, указывали, что пастырская деятельность и школьное учительство все-таки разные профессии: отсутствие или недостаток педагогического образования у большинства священников могли загубить самые благие начинания. Видный школьный деятель Н. А. Корф писал «о чудовищных результатах долбни по книжке, которой многие из сельских священников думают достичь религиозного воспитания народа»[17]. Дело, однако, было не только в недостатке профессионального образования у духовенства — значительная его часть, в силу давней традиции, была внутренне не расположена к учительству.

Со времен Петра I в России нарастал глубокий разрыв между культурой и Церковью. Просвещение, словесность, наука и искусство развивались в чисто светском русле; Церковь же не приняла многое из культурных нововведений. «Представители Церкви,— с излишней категоричностью, но небезосновательно замечал известный деятель просвещения В. Я. Стоюнин,— чуждаются педагогии... считая, что слово Божие... выше всякого учения и не нуждается ни в какой посторонней опоре... Современная школа не может довольствоваться тем, что в настоящий момент могут предложить представители Церкви. Помимо них, выработался у нее свой идеал, от которого она не может отступиться»[18].

В середине 60-х годов в России существовала светская — земская (то есть находившаяся в ведении местного самоуправления) школа для народа. Она была лучше обеспечена, чем школа церковная (земство обладало правом собирать налоги на местные нужды), располагала учителями, имевшими профессиональную подготовку. Усилив в программах этих школ религиозный элемент, можно было, вероятно, сделать их действенным орудием христианского просвещения народа. Однако Победоносцев трактовал религиозное просвещение весьма прямолинейно; его, считал он, могут осуществлять лишь школы, непременно подчиненные духовному ведомству и руководимые духовенством. Обер-прокурор стал создавать автономную церковно-школьную систему, затратив на это массу сил и средств, подчеркнуто противопоставил ее светской школе. И в этом был явный перегиб. Признавая, что школа светская нередко пренебрегала воспитанием, обер-прокурор не учитывал, что церковная школа зачастую не давала необходимого образования.

Говоря о неуступчивости Победоносцева, следует заметить, что и противоположная сторона отнюдь не была расположена к компромиссу. В среде либеральной и радикальной интеллигенции, руководившей земской школой, религия очень часто рассматривалась как вредный или, по крайней мере, бесполезный пережиток, отвлекающий народ от получения практических знаний. «На русской интеллигенции лежит страшная вина гонения на Церковь, осуществляемого молчаливым презрением, пассивным бойкотом, всей атмосферой высокомерного равнодушия, которой она окружила Церковь,— писал известный религиозный мыслитель С. Н. Булгаков.— Вы знаете, какого мужества требовало просто лишь не быть атеистом в этой среде, какие глумления и заушения, чаще всего непреднамеренные, здесь приходилось испытывать»[19].

Противостояние это было тем непримиримее, что и Победоносцев, и его противники видели в школе орудие борьбы за вполне определенные и взаимоисключающие общественно-политические принципы. Руководи-

тели земской школы в массе своей ориентировались на либерально-западнические образцы, для Победоносцева же главным было утверждение незыблемости самодержавия.

Давнее движение русского просвещения преимущественно в светском русле создало и другое важное обстоятельство — систему государственных органов, специально занятых делом народного просвещения. Появление потенциального конкурента в лице Церкви не могло не вызвать недовольства светской бюрократии. Как ни влиятелен был Победоносцев, как ни сильно зависел от него министр народного просвещения И. Д. Делянов, аппарат этого министерства оказывал глухое сопротивление церковно-школьному движению. «Делянов — друг Константина Петровича, и они друг друга поддерживают,— передавал архиепископ Херсонский Никанор замечание высокопоставленного синодального чиновника.— Что же касается других столпов министерства народного просвещения, то они враги... наших церковноприходских школ и ретивейшие защитники своего ведомства»[20].

Делая в своих планах ставку на учебу, образование, Победоносцев в то же время в значительной степени рассматривал просвещение как потенциальный источник зла, стремился накрепко связать церковную школу с задачами социального и политического охранительства. Церковная школа, по мнению Победоносцева, должна была просвещать и воспитывать народ исключительно «в простоте мысли, не отрывая его от той среды, где совершается жизнь его и деятельность»[21]. «Сельская школа,— оценивал планы Победоносцева протоиерей Г. В. Флоровский,— должна стать окончательной школой, не следует внушать ученикам беспокойного и тщеславного желания идти дальше... и тем колебать устои социальных группировок... Победоносцев никак не хотел идти дальше этих начатков прикладного полупросвещения»[22].

В церковно-школьных идеях Победоносцева был скрыт еще один изъян. В 1886 году обер-прокурору была подана записка, автор которой (безусловно, не без некоторого преувеличения, но все же опираясь на реальные явления) писал, что религиозно-просветительный труд духовенства «поразительно бесплоден: он не только не приближает к цели, но, по-видимому, даже отдаляет от нее, ибо верующими остаются у нас только темные, ничему не учившиеся массы народа».

«Появление,— заявлял автор записки,— в среде народа детей его, учившихся Закону Божьему, имеющих некоторое понятие о догматах веры и о богослужении, ослабит более или менее иллюзии таинственности обрядов и силу первобытной младенческой веры народа»[23]. В церковно-школьных замыслах Победоносцева отчетливо сказались его просветительские иллюзии — след его воспитания и прежних занятий (обер-прокурор был сыном профессора словесности Московского университета и сам несколько лет состоял в нем профессором). Между тем, формируя в народе сознательное отношение к вере, обер-прокурор будил и критическую мысль, а это становилось чрезвычайно опасно в условиях, когда просветительские мероприятия не дополнялись изменениями и улучшениями в общественной, церковной и государственной жизни.

Это привело к тому, что церковная школа для народа, став весьма заметным явлением в духовной жизни России, в конечном счете все же не оправдала тех надежд, которые на нее возлагались.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Преображенский И. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840—1841 по 1890—1891 гг. СПб., 1897, с. 83.

[2] Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1989, с. 53—54.

[3] Рункевич С. Г. Русская Церковь в XIX в. СПб., 1901, с. 186, 191.

[4] Цит. по: К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. 1. Полутом 1. М.; Пг., 1923, с. 832—833.

[5] Цит. по: К. П. Победоносцев.— В кн.: Московский сборник. М., 1896, с. 224.

[6] Письма К. П. Победоносцева к Александру III. Т. II. М., 1926, с. 27.

[7] Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890—1891 гг. СПб., 1893, с. 468.

[8] Вехи: Сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1990, с. 90.

[9] Всеподданнейший отчет... за 1886 г. СПб., 1888, с. 181; Всеподданнейший отчет... за 1888—1889 гг. СПб., 1891, с. 444, 445.

[10] Данные о росте светских школ см.: Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III. СПб., 1901, с. 398.

[11] Всеподданнейший отчет... за 1892—1893 гг. СПб., 1895, с. 520—523.

[12] Аксаков И. С. Полн. собр. соч.: В 7 т. Т. 4. СПб., 1903, с. 210—211.

[13] Церковный вестник, 1892, № 36.

[14] Современные известия, 1882, № 344.

[15] Аксаков И. С. Указ. соч., с. 215.

[16] Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901, с. 710, 703; Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения..., с. 410.

[17] Голос, 1882, № 229.

[18] Стоюнин В. Я. Избранные педагогические сочинения. М., 1991, с. 188, 189.

[19] Из глубины: Сб. ст. о русской революции. М., 1990, с. 123.

[20] Никанор, архиепископ. Записки присутствующего в Святейшем Правительствующем Синоде.— Русский архив, 1906, № 8, с. 512.

[21] Письма..., т. II, с. 39.

[22] Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991, с. 412.

[23] Российский исторический Государственный архив, ф. 797, оп. 56, отд. 1, ст. 1, д. 7, л. 79—79 об.

А. Ю. ПОЛУНОВ

И. Н. УТКИН

Дореволюционные методики преподавания и системы построения курса Закона Божия

Многие из тех вопросов, которые волнуют православных педагогов сегодня, получили достаточное освещение в дореволюционной литературе. Библиография только учебников и методических разработок и только по начальной школе насчитывает сотни наименований, не говоря уже о дидактических и методических работах общего характера, полемической литературе, а также специальных журналах, таких, как «Церковно-приходская школа», «Законоучитель», «Церковь и школа». Регулярно собирались законоучительские съезды, стенограммы которых также публиковались. К дореволюционному законоучительскому опыту нам неизбежно придется обратиться: педагогика не только искусство, но и наука, и как в любой науке здесь нельзя двигаться вперед, не зная, что было достигнуто предшественниками.

Цель данного сообщения — дать общее представление о тех системах построения курса Закона Божия (в основном в начальной школе), которые существовали в практике российского законоучительства до революции.

Сведения об истории преподавания Закона Божия в России и обзор учебных пособий, изданных до 70-х годов прошлого века, можно найти в книге протоиерея Димитрия Соколова «О преподавании Закона Божия» (СПб., 1874). Краткий обзор истории реформ преподавания Закона Божия с 1828 по 1910 год дан в брошюре священника Н. Р. Антонова «О реформе преподавания Закона Божия» (СПб., 1914). Общая характеристика так называемых старого (схоластического) и нового (экспериментального, с учетом возрастной психологии и особенностей восприятия детей) направлений в преподавании содержится в книге казанского законоучителя-методиста священника Евгения Сосунцова «Хороший урок Закона Божия. Беседы о постановке преподавания Закона Божия на основах психологии детского возраста» (Казань, 1914). Перу этого же автора принадлежит и «Библиографический обзор учебников по Закону Божию. Курс начальных училищ» (Казань, 1915). Уникальным в русской законоучительской литературе подробным исследованием всех методик и систем преподавания Закона Божия в начальной школе является диссертация на соискание степени кандидата богословия священника Александра Анисимова «Методика начального преподавания Закона Божия в России» (Пермь, 1915). Этот труд — своеобразный итог всей дореволюционной практики законоучительства.

Дискуссии в дореволюционной методической литературе шли в основном вокруг трех систем расположения учебного материала — поступательной, совместной и концентрической.

Доклад, сделанный на Рождественских образовательных чтениях в МГУ 27 января 1993 года.

СИСТЕМА ПОСТУПАТЕЛЬНАЯ

При поступательной системе различные отделы курса проходились один за другим, отдельно и независимо друг от друга, без всякой связи между собой, в возможной полноте изложения. Изучение Закона Божия по этой системе начиналось с ветхозаветной Священной истории, за ней следовали новозаветная история, катихизис и богослужение. Последний год при трехгодичном обучении в начальной школе отводился на повторение всего курса. Параллельно с этим, но совершенно обособленно, в качестве практического средства воспитания и обучения проходились молитвы, которые заучивались учащимися при совершении утренней и вечерней молитвы в школе, а также в процессе церковного богослужения. Отдельных уроков на их объяснение не отводилось. В таком виде поступательная система была представлена в программах по преподаванию Закона Божия в церковноприходских школах, изданных Святейшим Синодом в 1886 и 1902 годах. Программа Министерства народного просвещения 1897 года также построена по поступательной системе с той лишь разницей, что в программу первого года обучения были включены одни молитвы, второго — Священная история Ветхого и Нового Заветов, а третьего — катихизис с богослужением. Защитником поступательной системы преподавания Закона Божия был протоиерей Благонравов [2, с. 45, 89].

В качестве достоинств и преимуществ этой системы перед другими отмечались следующие: 1) эта система сходна с общим ходом религиозного развития человечества; Ветхий Завет представляет собой детство человеческого рода, и потому детей необходимо прежде всего знакомить с ветхозаветной Священной историей; 2) на рассказах из ветхозаветной Священной истории вырабатывается язык детей, необходимый для пересказа новозаветных событий; 3) рассказы Ветхого Завета очень интересуют детей; 4) труд учителей при распределении материала по этой системе облегчается, так как преподавание не требует от него никаких специальных умений; 5) начало с ветхозаветной Священной истории соответствует возможностям и интересам детей, так как осуществляется переход от конкретного рассказа к отвлеченному учению о вере и нравственности; 6) внимание ученика в течение целого года сосредоточивается на каком-либо одном из предметов Закона Божия, так как дается его законченное и систематизированное изложение [2, с. 45; 1, с. 91].

Отвечая на первый аргумент в защиту данной системы, священник Александр Анисимов писал: «Мысль о необходимости подготовки к изучению Евангелия путем ознакомления с Ветхим Заветом опровергается историей, которая говорит нам, что язычники, не знавшие ветхозаветного учения, открытого евреям, прямо проникались верою во Христа как Бога и в учение Его как Божественное» [1, с. 93]. Отец Александр напоминает высказывание Тертуллиана: «Душа человеческая по природе своей христианка». К этим возражениям священник Евгений Сосунцов добавляет следующие: «Необходимость начинать занятия с близкого и известного сознается всеми педагогами... История миротворения настолько грандиозна, что она не находит себе соответствия в уме ребенка, только что поступившего в школу, и остается беспочвенной. То же самое следует сказать и относительно повествования о многих других событиях Ветхого Завета... Для детей рассказы, далекие от обычной обстановки, более отвлеченны, чем беседа наставника с детьми о их детских религиозных переживаниях... Поэтому начало занятий по Закону Божию прямо со Священной истории находится в противоречии и с теорией и опытом» [2, с. 46—47]. Последнее из указанных выше преимуществ поступательной системы, по мнению Е. Сосунцова, приобретается за счет отказа от выполнения важнейшего дидактического требования — установления связи между однородными по содержанию материалами. Ведь содержание, например, Священной истории имеет тесную связь с содержанием христианского вероучения, основные истины которого часто указывают на подробно рассказываемые в Священной истории факты. Совершенно разъединять в преподавании такие однородные по содержанию учебные материалы значит отказаться от попытки создать в сознании ученика живое стройное органическое целое, в котором сродные между собою элементы находятся в постоянной связи и взаимодействии. Только такое знание может способствовать духовному возрастанию детей, воспитывать живое и действительное религиозное убеждение [2, с. 47]. «Ввиду этого,— делает вывод Е. Сосунцов,— поступательная система не может быть рекомендована для применения в начальной школе по всем предметам, входящим в состав Закона Божия, применение ее, и то с некоторыми необходимыми ограничениями, допустимо только в отношении к полному курсу Священной истории Ветхого и Нового Заветов, если этот курс отнесен будет на второй год обучения, будет проходиться после сообщения элементарного круга сведений из всех отделов Закона Божия в течение первого года обучения и завершен будет более полным и систематическим курсом веро- и нравоучения и объяснения богослужения в течение третьего или, в школах с четырехлетним курсом, третьего и четвертого года» [Там же].

СИСТЕМА СОВМЕСТНАЯ

Совместная система возникла в Голландии в XVIII веке и вскоре стала очень популярной в Западной Европе. Сущность ее состоит в том, что различные отделы курса Закона

Божия проходятся одновременно (или совместно), соединяясь по логическому принципу. Обычно один из отделов курса берется за основу, а другие к нему присоединяются. Если за основной предмет принимается катихизис, то к нему в виде добавления присоединяются изучение Священной истории, объяснение молитв и богослужение. Если же за основной предмет берется Священная история, то к ней добавляются остальные предметы.

В России совместная система появилась в 70-х годах XIX века. Она нашла применение и развитие у двух столпов методической литературы по Закону Божию — протоиерея Д. Соколова и протоиерея И. Ветвеницкого. Первый полагает в основу преподавания Священную историю, а второй — катихизис.

И. Ветвеницкий, делая разбор «Начатков христианского учения» митрополита Филарета — учебного пособия, которое являлось у нас основным в начальной школе и младших классах гимназии с 1837 до 60—70-х годов XIX века и содержало последовательное изложение Священной истории Ветхого и Нового Заветов и систематическое объяснение Символа веры, Молитвы Господней и заповедей, находил более целесообразным изучение Священной истории поставить в зависимость от вероучения. Практическую несостоятельность принятого в «Начатках» распределения учебного материала отец Иоанн Ветвеницкий выводил из бесполезности и непродуктивности изучения Священной истории прежде хотя бы краткого знакомства с истинами веры, так как опыт показывает, что большинство рассказов из Священной истории забывается до начала занятий по вероучению. Это происходит, по мнению отца Иоанна, из-за чисто механического изучения Священной истории, без понимания основ ее, значимости, смысла событий. Этого, по его мнению, можно избежать, если история будет проходиться совместно с вероучением и последнему, таким образом, дан будет исторический характер. В своем «Руководстве» И. Ветвеницкий дает подробное изложение уроков по своей системе для первых двух классов народной школы [1, с. 98—99; 12, с. 57—58].

Приведем пример из курса И. Ветвеницкого. Основная тема урока — первый член Символа веры. В нем Бог называется Вседержителем, Творцом мира видимого и невидимого. Поэтому при объяснении первого члена говорится о сотворении мира (материал ветхозаветной Священной истории), Ангелах, происхождении зла в мире, грехопадении первых людей, о начале вечерни (материал литургики), напоминающей молящимся сотворение мира, жизнь первых людей в раю, их грехопадение, изгнание из рая и жертвоприношение. Сюда же присоединяются молитвы *Во имя Отца...*, утренняя и вечерняя [2, с. 48].

Система протоиерея Д. Соколова является не совместной, а, скорее, совместно-концентрической. По его мнению, курс начальной школы должен составлять три законченных круга. На первой ступени законоучитель сообщает детям главнейшие истины христианского вероучения, объясняет смысл крестного знамения, кратких важнейших молитв и главных заповедей — о любви к Богу и ближнему. Материал этот изучается не обособленно, а в связи с рассказами о соответствующих событиях Священной истории. В свою очередь, история изучается не систематически, а применительно к обстоятельствам. В качестве общего руководящего правила автор рекомендует выбирать рассказы о таких лицах, жизнь которых может особенно интересовать детей и оказывать на них воспитательное влияние: таковы рассказы об Иакове, Иосифе, Моисее, Руфи и преимущественно об Иисусе Христе. На второй ступени курс тот же, что и на первой, но более подробен. Здесь краткая Священная история, преимущественно новозаветная, изучается уже в систематическом порядке, вместе с историческими рассказами также изучаются и объясняются молитвы, заповеди, Символ веры. На третьей ступени с повторением пройденного из ветхозаветной Священной истории изучаются такие события, при раскрытии которых можно объяснить истины вероучения и нравоучения; затем, в ряду исторических рассказов, сообщаются сведения об учении Иисуса Христа (проповеди Его и притчи), об основании Церкви Христовой и Таинствах. Одновременно с этим идет ознакомление учащихся с богослужением. Краткое объяснение Символа веры и заповедей, как систематический вывод из всего пройденного, заканчивает курс Закона Божия в начальной школе [1, с. 97—98; 10, с. 167—171, 183—187].

В защиту совместной системы выдвигалось соображение, что она позволяет при прохождении всех отделов курса Закона Божия пробудить душевные способности учащихся, вовлекая одновременно и память, и рассудок, и воображение. Обобщение всего материала курса в логической связи, а не просто его последовательное изложение содействует твердому и сознательному усвоению детьми предлагаемого им материала. Однако такая система подвергалась и критике. В частности, Евгений Сосунцов считал, что такую систему можно применять только при повторении всего курса. Отмечались следующие недостатки совместной системы: 1) один отдел курса ставится в господствующее положение, а остальные зависят от него; главный предмет изучается во всем объеме, а присоединяемые — лишь мимоходом; 2) изложение Священной истории прерывается вставками и пояснениями из других отделов курса, отчего впечатление ослабевает и интерес слушателей уменьшается; 3) совершается переход от неизвестного к неизвестному, от изучаемого к изучаемому, и новый материал ассоциируется не с уже усвоенным, а только с предлагаемым для усвоения; 5) связь между

частями курса иногда приходится устанавливать искусственно [2, с. 49—50]. Следует отметить, что третье возражение снимается, если речь идет не о совместной системе в чистом виде, а о совместно-концентрической, как у Д. Соколова.

СИСТЕМА КОНЦЕНТРИЧЕСКАЯ

Идея о применении концентрической системы при преподавании Закона Божия впервые возникла в 1870 году в Духовной комиссии при Московском комитете грамотности (ранее эта система уже применялась в средней школе, в частности, при изучении истории по учебникам Д. И. Иловайского). Началось составление программы. В 1872 году эта программа была изложена священником В. П. Рождественским на педагогических собраниях сельских учителей и законоучителей.

Суть концентрической системы заключается в разделении всего курса на несколько отдельных законченных кругов. Каждый период обучения имеет свой круг знаний, и каждый новый период является развитием и расширением предыдущего. Отличительная особенность системы — наименьшее количество сведений, необходимых для твердого усвоения предмета преподавания. В доказательство преимуществ концентрической системы В. П. Рождественский приводил следующие аргументы: «В различных местностях встречается большое разнообразие в курсе обучения в народных школах: есть школы одногодичные, двухгодичные, трехгодичные и четырехгодичные. Сверх того, большею частью дети выходят из этих школ — одни через год, другие — через два и немногие остаются долее. Ввиду этого необходимо, чтобы каждый год обучения в школе имел свою законченность, чтобы ребенок, выходя и через год из школы, имел цельные понятия о молитвах, вероучении, Священной истории и богослужении, конечно самые элементарные, но крепко усвоенные; с другой стороны, чтобы для детей, остающихся на второй и третий год, постоянно расширялся круг познаний и вместе с тем повторялось пройденное» (цит. по: [8, с. 31]).

Один из самых известных русских методистов — А. Ф. Соколов считал, что главное преимущество концентрической системы заключается в том, что «при ней есть полная возможность расположить все сведения, входящие в курс Закона Божия, по степени необходимости их для христианина». В курс первого года он предлагал включить то, «что знать Церковью признается совершенно необходимым и обязательным для каждого христианина», для второго года «избрать из остального материала, входящего в Закон Божий, опять то, что поважнее», точно так же поступить и при составлении курса третьего года. Этот свой принцип А. Ф. Соколов поясняет следующим примером: «В Священной истории находятся рассказы о потопе, о трех отроках в печи вавилонской, о столпотворении, о победе Давида над Голиафом и т. п. и рассказы о событиях земной жизни Господа Иисуса Христа, упоминаемых в Символе веры, Его учение и события из жизни Божией Матери. Ясно, что последнее знать человеку необходимее, чем первые рассказы. При знании учения Иисуса Христа и обстоятельств Его жизни на земле он (ученик.— *Ред.*) — христианин, хотя бы ни о столпотворении, ни о Голиафе, ни о потопе ничего не знал. Но нельзя признать христианином того, кто о Христе не знает ровно ничего, хотя бы он отлично знал историю еврейского народа. Точно то же должно сказать о богослужении. В порядке церковном литургии предшествуют другие церковные службы, но ученику важнее знать и понимать содержание литургии, чем служб, предшествующих ей; скорее можно примириться с тем, что ученик оставил школу со знанием литургии и без знания таких служб, как полунощница, повечерие и других, чем наоборот. Точно то же должно сказать и о катихизисе — этой самой важной и самой существенной части Закона Божия. В нем есть и более важные вопросы, и менее важные. Например, в нем есть вопросы: как узнали о Воскресении Иисуса Христа? Не открыты ли хотя бы некоторые признаки Второго пришествия Иисуса Христа на землю? Что такое антихрист? Для чего Иисус Христос являлся Апостолам по Воскресении Своем? Почему Воскресение Христово особенно радостно для христиан? и т. п. Эти вопросы, конечно, менее важны, чем вопросы, которыми уясняется самый текст Символа веры. Поэтому все, что необходимо христианину знать прежде всего, должно и сообщаться прежде всего в школе детям. При других системах расположения учебного материала, входящего в Закон Божий, например поступательной, дети долго, а иногда и навсегда остаются без знания самых существенных истин христианства, без понимания такого важного богослужения, какова литургия; они часто выходят из школы, как заявлено было не раз в печати, со знанием только снов фараона» [8, с. 32]. К этому аргументу А. Ф. Соколов присоединяет и аргумент дидактический: «Как между рассказами Священной истории, так и между другими отделами Закона Божия есть материал и более легкий, и более трудный для усвоения. Между рассказами есть, например, такие, нравственный смысл которых не настолько может быть ясен и удобопонятен восьмилетнему ребенку — ученику, только что явившемуся в школу, насколько ученику более развитому, проучившемуся в школе более двух лет. То же самое можно сказать и о молитвах: некоторые из них ребенок поймет при небольшом усилии, другие — не всякий законоучитель сумеет объяснить ученикам на первых днях пребывания их в школе. Концентрическая система во многих случаях дает возможность распределить учебный материал по степени легкости его для усвоения, так что курс

младшего отделения будет легче, чем курсы среднего и старшего отделений, курс среднего отделения будет, в свою очередь, легче, чем курс, предлагаемый старшему возрасту» [8, с. 33].

В «Методике» А. Ф. Соколова мы находим единственную в своем роде «примерную подробную концентрическую программу уроков Закона Божия, представляющую законченные курсы каждого года обучения». На первом году сообщаются основные понятия по всем отделам курса Закона Божия: по катихизису — учение о Триедином Боге; из молитв — славословия Триединому Богу («Во имя Отца», «Слава Тебе, Боже», «Слава Отцу»); молитвы о помиловании *(«Господи, помилуй»; Святый Боже)*; приветствие Архангела Гавриила — *Богородице Дево...*; Молитва Господня; Иисусова молитва и молитва Святому Духу (всего девять молитв). Каждая из этих молитв поставлена в связь с тем или иным кратким рассказом Священной истории Ветхого и Нового Заветов. На этом курсе даются также сведения о храме, его виде и внутреннем устройстве, о главных моментах в совершении литургии. Программа А. Соколова второго и третьего годов дополняет и расширяет материал предыдущего года. Так, по катихизису во второй год изучаются с объяснениями Символ веры и заповеди десятисловия, в третий — эти сведения дополняются новыми из краткого катихизиса и вновь объясняется Молитва Господня. Из молитв во второй год изучаются: *Пресвятая Троице,* молитвы Ангелу Хранителю, утренняя и вечерняя, святому, имя которого носим, и *Достойно есть...* (после рассказа об Успении Божией Матери), а затем заучивается текст Символа веры и заповедей. В третий год изучаются молитвы за живых и усопших, молитвы перед обедом и после обеда (в связи с фактом чудесного насыщения Господом Иисусом Христом «пяти тысяч») и молитвы за царя. Курс Священной истории для каждого года обучения представляет постепенное добавление или новых рассказов, или новых эпизодов уже известной истории. Из богослужения — во второй год даются сведения о священных сосудах и других предметах, употребляемых при богослужении, о постах и более подробно изучается литургия; в третий год изучаются всенощное бдение, литургия Василия Великого и Преждеосвященных Даров и главнейшие действия при совершении Таинств [1, с. 105].

«Доставляя возможность переходить при обучении от легкого к трудному,— пишет А. Ф. Соколов,— концентрическая система представляет следующие преимущества: а) преподавание ведется соответственно постепенно развивающимся силам учеников; б) преподавание правильно развивает детей. Преподавая Закон Божий по иной системе, например поступательной, законоучитель должен бывает сообщать материал без разбору — то трудный, то легкий, правильное же развитие детей идет только тогда, когда на каждом уроке делается работа такая, которая представляет некоторую новую трудность, которую дети должны преодолеть; в) преподавание сберегает время и расходует его правильно. Материал трудный, предложенный ребенку в то время, когда он мало развит, когда его силы слабы, потребует несравненно больше времени, чем тот же самый материал, сообщенный ему тогда, когда он несколько времени поучился и достаточно развился. На что в первом году курса дети должны затратить пять часов, то во втором или третьем году может быть усвоено ими за один час» [8, с. 34—35].

Наиболее основательную практическую разработку концентрическая система нашла в «Конспектах уроков по Закону Божию» священника Евгения Сосунцова. Но он считает возможным применять ее последовательно только на первом году обучения, когда «требуется... ввести учащихся в понимание христианской веры и нравственности во всех их главнейших проявлениях, то есть дать детям небольшой, но вполне законченный круг знаний» (цит. по: [1, с. 110]).

Е. Сосунцов в своих разработках опирался на новую программу Святейшего Синода 1911 года. Он писал: «Главным предметом на первом году обучения, согласно программе, полагается изучение молитв, но так как объяснительная записка к программе Закона Божия требует, чтобы преподаватель при объяснении молитв «сообщал детям самые общие начала о Боге, Творце мира, о Его вездесущии, всемогуществе и благости, о Его любвеобильном промысле над всем сотворенным, об ангелах, душе человека, созданной по образу Божию, о совести, о грехопадении людей и их погибели», далее «о Боге Сыне, Спасителе нашем, о Боге Духе Святом, освящающем души людей, верующих во Христа, о нашей потребности молиться Богу во всех обстоятельствах жизни, о внешних знаках молитвы, особенно о крестном знамении, о молитве за живых и умерших», то, естественно, изучению молитв должно предшествовать и сопутствовать ознакомление детей с истинами христианства и главнейшими понятиями Православной Церкви, с одной стороны, и краткие рассказы из Священной истории — с другой. Во втором отделении, согласно программе, законоучителю лучше всего при изучении Священной истории держаться системы поступательной и параллельно с этим, где возможно и в связи с библейскими рассказами, продолжать изучение положенных в программе молитв, Символа веры и краткого объяснения литургии. В третьем же отделении при трехгодичном курсе школы или в четвертом — при четырехгодичном обучении — доминирующее значение должна иметь совместная система преподавания, а именно: совместно с сообщаемыми сведениями из катихизиса должны повторяться и восстанавливаться все полученные знания за предыдущие годы. Там же, где введен четырехгодичный курс обучения, в третьем отде-

лении по поступательной системе проходят начальные сведения из истории христианской Церкви с более подробным учением о богослужении, которое при трехлетнем курсе не приурочивается к известному году, но в более кратком виде распределяется между всеми годами обучения, тогда как сведения из церковной истории совершенно опускаются» (цит. по: [1, с. 111—112]).

* * *

Очевидно, что при использовании дореволюционных методических разработок необходимо учитывать уровень развития современных детей, а при применении методик начальной школы в средней — и особенности возрастной психологии. Тем не менее опыт, наработанный дореволюционными законоучителями и методистами, представляется весьма ценным, и его, на наш взгляд, необходимо принимать во внимание разработчикам современных программ и пособий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примерный перечень уроков в младшем отделении начальной школы по программе 1911 года (Сосунцов Е. Ф. Методические указания и конспекты уроков по Закону Божию: Курс младшего отделения начальной школы, 6-е изд. Казань, 1915, с. 1—2)

1. Единство и духовность Бога
2. Всемогущество и вечность Бога
3. Необходимость молитвы, понятие о ней, молитва *Господи, благослови...*
4. Вездесущие, всеведение, премудрость и благость Бога
5. Крестное знамение и перстосложение
6. Равенство Лиц Святой Троицы. Молитва *Во имя Отца...*
7. Молитвы *Слава Тебе, Боже...* и *Слава Отцу...*
8. Поклоны и благословения
9. Творение мира и падение Ангелов
10. О грехе, душе и воздаянии за гробом
11. Сотворение и грехопадение людей
12. Обетование о Спасителе и его исполнение
13. Молитвы *Господи, помилуй...*, *Святый Боже...*
14. Молитва мытаря
15. Молитва *Пресвятая Троице...*
16. Молитва Иисусова и *Буди Имя Господне...*
17. Рождество Богородицы и Введение Ее во храм
18. Молитва *Достойно есть...*
19. Благовещение
20. Молитва *Богородице Дево...*
21. Молитва Господня
22. Окончание Молитвы Господней
23. Повторение и объяснение ее
24. Рождество Христово
25. Крещение Господне
26. Молитва Ангелу Хранителю
27. Окончание ее
28. Молитва после обеда
29. Сретение Господне
30. О говении и исповеди
31. О Таинстве Причащения
32. Молитва за святых и умерших
33. Молитва святым
34. Вход Господень в Иерусалим
35. Страдания Спасителя
36. Суд у Пилата
37. Крестные страдания и погребение Спасителя
38. Воскресение Христово
39. Вознесение и история земной жизни Спасителя
40. Сошествие Святого Духа. Молитва Святому Духу
41. Молитва за царя
42. Молитва утренняя
43. Молитва вечерняя

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Александр, свящ. Методика начального преподавания Закона Божия в России: (Опыт систематического обзора русской литературы по методике Закона Божия в начальной школе). Пермь, 1915.
2. Дружинин А. И., проф. прот., Сосунцов Е. Ф., свящ. Методика Закона Божия. Курс педагогического класса женских гимназий и учительских школ. Казань, 1916.
3. Сосунцов Е. Ф., свящ. Спутник законоучителя: Основные правила дидактики и методики Закона Божия. 2-е изд., испр. Казань, 1914.
4. Сосунцов Е. Ф., свящ. Закон Божий и экспериментальная педагогика. Казань, 1914.
5. Сосунцов Е. Ф., свящ. Старое и новое направления в преподавании Закона Божия: (По поводу будущего съезда законоучителей в Петербурге). Казань, 1914.
6. Сосунцов Е. Ф., свящ. Хороший урок Закона Божия. Казань, 1914.
7. Сосунцов Е. Ф., свящ. Методические указания и конспекты уроков по Закону Божию: Полный курс младшего отделения начальной школы. 5-е изд. Казань, 1913.
8. Соколов А. Ф., прот. Методика Закона Божия для законоучителей начальных школ. 14-е изд. М., 1915.
9. Соколов А. Ф., прот. О преподавании Закона Божия. СПб., 1874.
10. Соколов А. Ф., прот. Собрание педагогических статей о преподавании Закона Божия. СПб., 1900.
11. Антонов Н. Р., свящ. О реформе преподавания Закона Божия. СПб., 1914.
12. Ветвеницкий И., прот. Руководство к преподаванию Закона Божия для начальных школ. 4-е изд. СПб., 1899.
13. Благонравов М. Д., свящ. Опыт методического пособия для законоучителей церковноприходских школ. Астрахань, 1900.
14. Сосунцов Е. Ф., свящ. Библиографический обзор учебников по Закону Божию: Курс начальных училищ. Казань, 1915.

Священник Борис Васильев

«Взяться за перо меня побудил долг русского человека перед памятью Пушкина. Александр Сергеевич Пушкин был не только гениальным поэтом. Он был образованнейшим человеком своего времени, человеком величайшего ума и духа, проникшим в глубины православной духовности.

Рассматривая этапы развития пушкинского мировоззрения начиная с юношеских лет, мы убедимся в том, что Пушкин постепенно пришел не только к признанию положительного значения христианства для культуры европейских народов, но и к живой личной вере во Христа. Свидетельство этому — поэтические произведения Пушкина. Это свидетельство особенно убедительно, если читать его сочинения в хронологическом порядке. При этом вырисовывается конечная цель, к которой стремился его дух; образ, или лучше — лик, открывшийся близким и друзьям поэта на его смертном одре.

Конечно, далеко не для всех эта конечная цель была ясна. Вспомним, например, записку, полученную Пушкиным перед смертью от Николая I: «Любезный друг Александр Сергеевич, если не суждено нам видеться на этом свете, прими мой последний совет: старайся умереть христианином. О жене и детях не беспокойся, я беру их на свое попечение»*.

Ясно, что сомнение в том, что Пушкин — христианин, было у многих. Наша задача — попытаться проследить духовный путь величайшего русского поэта, приведший его к христианской вере».

Борис Александрович Васильев.
Фото 70-х годов

Редакция предлагает главу из неопубликованной и незавершенной книги священника Бориса Васильева «Духовный путь Пушкина», которая представляет несомненный интерес для современного читателя, являющегося свидетелем новых духовных и социальных потрясений в России, когда вопрос о духовном возрождении нашего общества, становлении национального самосознания является поистине вопросом «быть или не быть?» России.

В поворотные моменты истории народу наиболее необходимо осознание сущности и значения своих национальных духовных выразителей, каким, без сомнения, является Пушкин.

«Пушкин — наше все» (Ап. Григорьев), Пушкин — «...это русский человек в его развитии, в котором он, может быть, явится через двести лет» (Н. В. Гоголь) — так оценивали национальное и духовное значение Пушкина лучшие русские люди прошлого.

Вместе с тем Пушкин остается недопонятым и недооцененным и по сей день.

Задача Б. Васильева — вернуть Пушкину его духовный и именно христианский авторитет. Сделать это автор пытается на основании объективного анализа пушкинских произведений.

Жизнь Б. А. Васильева (1899—1976) несла на себе все тяготы нашей истории. Родился в семье врача, закончил биологическое отделение физико-математического факультета Московского университета, работал после окончания университета в этнографическом отделе Румянцевского музея. Духовная жизнь Б. А. Васильева была тесно связана с храмом Святителя Николая на Маросейке, где служил священник Сергий Мечев, сын широко известного священника Алексея Мечева. В конце двадцатых годов отец Сергий Мечев был арестован, и пастырское служение продолжил тайно рукоположенный Б. Васильев. Но в 1929 году и он был арестован и выслан в Архангельскую область, затем жил в Вятке. В 1936 году Васильева пригласили работать в Антропологический музей Московского университета, однако сразу после начала войны его вновь высылают в Вятку. Он преподает литературу в средней школе села Спасское и одновременно занимается научной работой, принимает участие в Тунгусской экспедиции. Затем Васильев живет в Калинине, потом в Рязани, где преподает в педагогических институтах.

После смерти Сталина ему позволили возвратиться в Москву и стать заведующим Антропологическим музеем МГУ. Одновременно с музейной работой он готовит книгу об отце Алексее Мечеве, которая вышла двумя изданиями в Париже. После 1960 года Б. Васильев приступил к работе над книгой «Духовный путь Пушкина», которой занимался до конца своих дней.

Помещая этот материал в июньском номере нашего журнала, мы посвящаем публикацию светлой памяти А. С. Пушкина, его рождению (6 июня) на Русской земле.

Последний этап поэтического творчества А. С. Пушкина

3 января 1833 года Пушкин написал П. С. Санковскому (тифлисскому издателю) письмо с извинениями, что не прислал ему обещанных новых стихов для альманаха. Объясняя причины неисполнения своего обещания, он писал: «Мне нечего было вам послать, и я все ждал, как говорится, минуты вдохновения, т. е. припадка бумагомарания. Но вдохновение так и не пришло, в течение последних двух лет я не написал ни одного стиха». О том же он пишет в официальном письме заместителю Бенкендорфа Мордвинову: «В продолжение двух последних лет занимался я одними историческими изысканиями, не написав ни одной строчки чисто литературной».

Пушкин работал в архивах, изучая материалы для «Истории Петра Великого»[1] и «Истории Пугачева»[2], собирая материал на местах среди стариков — свидетелей пугачевщины[3]. В эти же годы он изучал Евангелие и читал книги религиозно-философского содержания. Плетнев сообщает, что Пушкин как-то сказал ему: «Разве ты не знаешь, что последние два года я кроме Евангелия ничего не читаю»[4]. В эти годы, и особенно в 1834-м, в глубине его души происходил незримый и тщательно скрываемый от всех процесс изменения его нравственного состояния и взглядов. Когда кто-то упрекнул Пушкина в том, что взгляды его сильно изменились, Пушкин ответил: «Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития, а опыты для него не существуют»[5]. В конце 1835 года он писал П. А. Осиповой: «Как подумаю, что уже 10 лет протекло со времени этого несчастного возмущения[6], мне кажется, что все я видел во сне. Сколько событий, сколько перемен во всем, начиная с моих собственных мнений, моего положения и проч., и проч.»

В 1834 году Пушкин обратился через Бенкендорфа к царю с просьбой об отставке. Правительство усмотрело в этом проявление черной неблагодарности. Пушкин под давлением друзей, особенно Жуковского, был принужден взять свое заявление обратно. Не прошло и года, как он вторично обратился с прошением о долгосрочном отпуске, что было расценено как равнозначное прошение об отставке. Мы не будем подробно говорить о перехвате тайной полицией писем Пушкина к жене, о чтении их царем, о крайнем негодовании Пушкина и вообще обо всех его попытках бежать из Петербурга от придворной жизни в деревню. Все это хорошо известно. Наша задача обратить внимание на религиозные мотивы действий Пушкина, которые в условиях нашей действительности совсем не принимаются во внимание литературоведами.

Прежде всего рассмотрим стихотворение Пушкина «Странник», в котором религиозные мотивы пушкинской лиры выражены особенно ясно[7]. Нет, пожалуй, более выпуклого примера фальсификации мировоззрения Пушкина, чем исследования, посвященные этому произведению и стихотворению «Пора, мой друг, пора!..» В частности, в работе Д. Д. Благого[8] поражает замалчивание многочисленных свидетельств внутренней религиозной направленности Пушкина этого периода, которая бесспорна, если объективно рассмотреть приводимые Благим поэтические произведения Пушкина. Об этой направленности свидетельствуют также приводимые им же письма Пушкина к жене и отзывы современников. Автор прав в том, что «Странник» теснейшим образом связан с биографией самого Пушкина, однако (и это существенно) творчество поэта не может быть целиком объяснено только анализом его общественно-политических взглядов: необходимо принять во внимание и религиозную сущность его миросозерцания. Одно от другого неотделимо, как неразделима душа. И только та методология верна, которая учитывает как социальные, так и религиозные мотивы в жизни и творчестве. Читающая публика обычно не замечает «Странника», несмотря на художественное совершенство этого произведения пушкинского гения. Чтобы понять его, нужен зрелый духовный возраст, нужно, чтобы «спал с очей туман», чтобы были «избавлены от бельма глаза слепого». Можно согласиться с Д. Д. Благим, что «Странника» следует рассматривать как этапное произведение в творчестве Пушкина, как и с тем, что оно преемственно связано с «Пророком» в окончательной редакции, но Благой умалчивает, в чем же специфика этапа, почему именно «Странника» следует считать итоговым, последним словом на жизненном и творческом пути Пушкина.

Д. Д. Благой пишет, что Пушкин ослабил ярко выраженную религиозно-христианскую орнаментику подлинника. Он вовсе отбросил обильные ссылки Беньяна на тексты Священного Писания, устранил имя пилигрима «Христианин», заменил «Евангелиста» на простого юношу, наконец, слово «пилигрим», означавшее человека, идущего на поклонение святым местам, также заменил более нейтральным «Странник». Снял Пушкин также прямолинейно-христианский аллегоризм Беньяна.

Что же оставил Пушкин в своем произведении? По словам Благого — «националь-

---

Глава из неопубликованной книги Б. А. Васильева «Духовный путь Пушкина».

ный и исторический колорит подлинника — характернейшего английского произведения XVII века, эпохи пуританской революции, Кромвеля, Мильтона». Однако с этим нельзя согласиться. Все перечисленные Благим изъятия, сделанные Пушкиным (если не считать, быть может, цитат из Священного Писания), как раз и являются «народной одеждой», колоритом, спецификой сектанта-пуританина, «английского ересиарха, безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреоборимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания»[9]. Все это ограниченно-сектантское изъял Пушкин и этим усилил христианское содержание поэмы Беньяна. Поэма получила подлинно христианское звучание. Как справедливо указывает Д. Д. Благой, в стихотворении Пушкина действительно нет иностранного слова «пилигрим», нет и слова «паломник», но отнюдь не потому, что Пушкин отрицательно относился к паломникам (этот оттенок, безусловно, есть в мысли Благого). Напомним пушкинский текст из рецензии на «Путешествие к святым местам» А. Н. Муравьева: «Он посетил св. места как верующий, как смиренный христианин, как простодушный крестоносец, жаждущий повергнуться во прах пред гробом Христа Спасителя. Он пересек (traverse) Грецию, занятый (préoccupé) одною великой мыслию, он не старается, как Шатобриан, воспользоваться противуположною мифологией Библии и Одиссеи... Молодой поэт думал о ключах св. храма, о Иерусалиме, ныне забытом христианскою Европою для суетных развалин Парфенона и Ликея... Он не останавливается, он спешит... вступает в обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Иерусалим...»[10]. Пушкин в рецензии не употребляет выражения «пилигрим», не говорит он и «паломник», но тем самым только усиливает значительность рассказа А. Н. Муравьева, «верующего смиренного христианина». Напомним, что в Евангелии также нет ни слова «пилигрим», ни слова «паломник», а есть «странник». Апостол Павел говорит, что праведники Ветхого Завета, такие, как Авель, Енох, Авраам и Сарра *умерли в вере, не получивши обетований, а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле* (Евр. 11, 13).

Со страхом проводите время странствования вашего,— пишет и святой апостол Петр (1 Пет. 1, 17).

Странник я на земле,— говорит и пророк-псалмопевец Давид (Пс. 118, 19).

Мы странники в этой временной жизни, *ибо те, которые так говорят, показывают, что они ищут отечества* (Евр. 11, 14).

Надо полагать, что слово «странник» употреблено Пушкиным сознательно, так как оно передает одну из главных мыслей евангельского учения о земной жизни человека как о времени для подготовки к вечности.

Итак, повторим, что Пушкин полностью отказался от навязчивого аллегоризма Беньяна, неприемлемого для русского читателя XIX века, от всех его революционных взглядов и сатирических красок, да и вообще почти от всей фабулы его поэмы. Он творчески переработал всего лишь 3,5 начальных страницы из 216 страниц английского подлинника, иначе говоря — одно введение к книге Беньяна. Художественное произведение Пушкина качественно не сравнимо с аллегорической повестью Беньяна. В стихотворении есть дыхание вечности, так как оно говорит о таинственных переживаниях человека, обращающегося от жизни «мира сего» к жизни в Истине, о прикосновении Божественной десницы к душе человека, рождающем в ней решимость блудного сына: *встану, пойду к отцу моему* (Лк. 15, 18).

Таким образом, «Странника» следует сопоставить не с «Медным всадником» и не с радищевским «Путешествием из Петербурга в Москву», как это делает Благой, но с пушкинскими произведениями 1834—1836 годов, которые еще первый биограф поэта П. В. Анненков называет «превосходными песнями, проникнутыми духовным религиозным настроением». В «Страннике» затронута прежде всего духовная тема «бегства от мира сего», то есть центральная евангельская тема, а не «мятежная тема ветров» (тема «Медного всадника»), как это утверждает Благой. То же следует сказать и о сопоставлении основной мысли «Странника» с политическими воззрениями Радищева. В 1834 году Пушкин свободен от революционного пафоса Радищева, что отнюдь не означало, что он «примирился с действительностью». Он понимал, что открывшийся ему «спасенья верный путь и тесные врата», несомненно, вели в Царство, но *Царство ⟨...⟩ не от мира сего* (Ин. 18, 36).

Кто лучше Пушкина видел и понимал политическую и духовную ситуацию в России? Кто больше него сделал для пробуждения в обществе «добрых чувств»? Не он ли, окинув духовным взором прожитую жизнь, пророчески сказал о себе:

> И долго буду тем любезен я народу,
> Что чувства добрые я лирой пробуждал,
> Что в мой жестокий век восславил я свободу
> И милость к падшим призывал.

Но Пушкин принципиально не был политическим революционером — он был твердо убежден, что искомого общественного и личного блага нельзя найти на пути революционных потрясений.

Вглядимся пристальнее в духовное содержание «Странника» — этого глубоко символического произведения Пушкина. Каковы его главные темы?

1. Духовная жажда, которой Пушкин был «томим» уже в 1828 году («Пророк») — жажда *воды живой* (Ин. 4, 10). Глубокая неудовлетворенность человеческой души тем, что может дать нам дольный мир — «долина дикая».

2. Ощущение греховного бремени человека — «моя душа полна тоской и ужасом; мучительное бремя тягчит меня».

3. Тяжкие угрызения совести — «И тяжким бременем подавлен и согбен, как тот, кто на суде убийством уличен».

4. Эсхатологическое предчувствие Страшного Суда и кончины мира, их нравственная необходимость и неизбежность — «Идет! Уж близко, близко время: // Наш город пламени и ветрам обречен; // Он в угли и золу вдруг будет обращен, // И мы погибнем все...» «Я... позван в суд загробный — // И вот о чем крушусь: к суду я не готов, // И смерть меня страшит».

5. Неизбежность, неотвратимость смерти всякого рожденного на земле — «Познай мой жребий злобный: Я осужден на смерть и позван в суд загробный».

6. Одиночество и оставленность — «Поутру я один сидел, оставя ложе. // Они пришли ко мне; на их вопрос я то же, // Что прежде, говорил...» «И наконец они от крика утомились // И от меня, махнув рукою, отступились. // Как от безумного...»

7. Осияние светом истины. Она открылась неожиданно, и свет проник в душу героя, он — «как от бельма врачом избавленный слепец». Герою открылся «спасенья верный путь», он постиг, что в Вечную жизнь вводят «тесные врата».

8. Противоположность мудрости небесной и земной мудрости. «Мудрость пред людьми — безумие пред Богом». Резкое изменение образа жизни и поведения героя вызвали неудовольствие родных и друзей: «Мои домашние в смущение пришли // И здравый ум во мне расстроенным почли». В то время, как он увидел необходимость изменить в корне весь образ жизни — «оставить город»,— «Они с ожесточением // Меня на правый путь и бранью и презреньем // Старались обратить...» Он понял, что *враги человеку домашние его* (Мф. 10, 36).

9. Надежда на спасение и мужество на пути к нему. «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (Ин. 16, 33). Вопреки всем уговорам жены, близких и друзей герой поэмы следует совету юноши, в котором видит посланного ему на жизненном пути светлого ангела: Иди ж... держись сего ты света; // Пусть будет он тебе единственная мета, // Пока ты тесных врат спасенья не достиг, // Ступай!» — И я бежать пустился в тот же миг»... // «Дабы скорей узреть — оставя те места, // Спасенья верный путь и тесные врата».

Поставить в столь сжатой художественной форме все эти духовные проблемы мог только человек, который хорошо знал и принял душой Евангельское учение.

Духовное содержание «Странника» Благим не было понято, и, более того, неверно истолковано. Благой пишет: «Религиозность в повести Беньяна сочеталась... с политической и социальной оппозиционностью. Это, несомненно, ощущал и Пушкин, которого... именно эта сторона в книге Беньяна и привлекала к себе больше всего. Перекличка с Радищевым лишний раз свидетельствует, в кругу каких ассоциаций находился поэт, создавая «Странника».

Всякий легко может убедиться, что в стихотворении Пушкина нет ни «политической, ни социальной оппозиционности», хотя она имела место в жизни Пушкина в этот период, когда он опять перешел в оппозицию к императору и двору. О его оппозиции ясно говорят письма к Жуковскому и жене. В «Страннике» (так же, как в «Подражании Корану» и в «Пророке») имеется второй, автобиографический, план: Пушкин замыслил уход в отставку и «побег» с семьей в Михайловское. Он подал официальное прошение и чуть было не поссорился на этой почве с Жуковским. Родные его и Наталии Николаевны также отрицательно отнеслись к его намерению. Желание своего сердца он объяснил жене в послании «Пора, мой друг, пора!..»

Ни о каком влиянии Радищева на создание «Странника», как это утверждает Д. Д. Благой, также речи быть не может. Позиция Пушкина по отношению к Радищеву была та же, что и к Вольтеру. Он не разделял ни философских, ни моральных, ни политических взглядов этих авторов. Он понимал сущность этих общественных деятелей и к ним относился с сожалением[11]. Радищев проявил печальное малодушие и кончил жизнь самоубийством: отравился — конец, который он сам себе напророчил. В статье «Александр Радищев», написанной в 1836 году, Пушкин не называл его ни материалистом, ни атеистом, как это безоговорочно утверждается в наши дни. Он выражался более осторожно, но достаточно определенно: «Радищев хотя и вооружается противу материализма, но в нем все еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма»[12]. «В Радищеве отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидро и Реналя; но все в нескладном, искаженном виде, как все предметы криво отражаются в кривом зеркале. Он есть истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему,— вот что мы видим в Радищеве. Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием»[13]. Примечательны выводы пушкинской статьи о Радищеве: «Мы никогда не почитали Радищева великим человеком»[14]. «Нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви»[15].

Если мы согласимся с Томашевским, комментатором десятитомного академического издания, то должны будем признать, что Пушкин, ставя себе главной целью «снять

запрет с имени Радищева», добивался этого путем полного его развенчания. Суждения Пушкина жестоки, но справедливы. Отношение к Радищеву у Пушкина сложилось еще раньше и было выражено в большой статье «Путешествие из Москвы в Петербург», написанной двумя годами раньше. Уже заголовок статьи говорит о диаметрально противоположной точке зрения Пушкина и Радищева. Пушкин, пользуясь формой путевого дневника, изложил в этой замечательной статье (которая по цензурным соображениям не увидела света при жизни автора) свои мысли по различным вопросам, но суждения его о Радищеве те же, что и в статье 1836 года.

Таким образом, указанную Д. Д. Благим связь пушкинского «Странника» с памфлетом Радищева, как и с «Медным всадником», следует признать ошибочной. Подлинные связи тянулись совсем к другому кругу произведений Пушкина, которые Д. Д. Благой нарочито оставляет вне рассмотрения.

П. В. Анненков, написавший первую биографию Пушкина и издавший первое полное собрание его сочинений, писал о нем:

«Религиозное настроение духа Пушкина начинает проявляться особенно с 1833 г. теми превосходными песнями, основание которых положило стихотворение «Странник». Это стихотворение показывает нам «то глубокое духовное начало, которое проникло собой мысль поэта, возвысив ее до образов, принадлежащих по характеру своему образам чисто эпическим»[16]. Под «чисто эпическими образами» Анненков понимал образы исторические, в том числе историко-библейские. К этому кругу произведений он относит пушкинские стихотворные переложения библейской книги Юдифь «Когда владыка ассирийский...» (1835 г.), итальянского сонета об Иуде «Как с древа сорвался предатель ученик»... (1836 г.), поэму о готском короле Родрике «На Испанию родную»... (1835 г.) (переложение испанских хроник), повесть о жизни первых христианских общин в Риме времен императора Нерона — «Повесть из римской жизни» (1833—1835 гг.), стихотворение «Полководец», посвященное участникам войны 1812 года, в частности Барклаю де Толли, «Пир Петра Великого» и стихотворение, посвященное 25-й годовщине окончания лицея.

Все эти произведения, говорит Анненков, порождены «двойным вдохновением исторического и религиозного свойства». Да, действительно, все они отражают новое направление творчества Пушкина, проявившееся также в других стихотворениях на религиозные темы, например «Мирская власть», в котором ярко выражено понимание Пушкиным искупительных страданий Христа на Голгофском Кресте, стихотворное переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина «Господи и Владыко живота моего» — «Отцы пустынники и жены непорочны...», размышление на духовно-аскетическую тему «Напрасно я бегу к сионским высотам...», а также перевод с итальянского духовно-нравственного трактата «Об обязанностях человека, наставление юноше. Сочинение Сильвио Пеллико». Только в свете духовно-нравственной направленности этих произведений может быть понят «Странник».

Как уже отмечалось, «Странник» имеет прямую связь с «Пророком». «Странник» начинается следующими словами: «Однажды странствуя среди долины дикой, // Внезапно был объят я скорбию великой». В первой редакции «Пророка» читаем: «Великой скорбию томим, // В пустыне мрачной я влачился». Скорбь эта была и личная, и гражданская: она была связана с казнью друзей-декабристов. В последней редакции 1828 года — «Духовной жаждою томим, // В пустыне мрачной я влачился». Заметим, что теме духовной жажды посвящен разговор Иисуса Христа с самарянкой (см.: Ин. 7). Таким образом, по содержанию «Пророк» в последней редакции близок к «Страннику». Интересно отметить, что текст «Пророка» лежал в кармане Пушкина, когда с ним, вызванным из Михайловской ссылки, беседовал царь во дворце. И то, и другое стихотворения — автобиографичны, в них отражены «духовная жажда» и стремление к бегству самого Пушкина.

Д. Д. Благой называет «Странника» этапным произведением Пушкина. Он не ставит его в связь с последующими его произведениями, которые относятся к этому этапу, но ссылается на Н. В. Измайлова, который, не без помощи Анненкова, заметил, что Пушкин (в 1833—1835 годах) «создал ряд чрезвычайно значительных произведений медитативной лирики (читай: религиозной.— *Б. В.*), посвященных по преимуществу одной общей теме в разных ее аспектах: положению в обществе мыслящего и чувствующего человека, ведущему его к неизбежному столкновению с окружающим миром... Тема эта рассматривается Пушкиным как в морально-философском (это другой заменитель запретных слов: религиозный, христианский.— *Б. В.*), так и в социально-политическом плане...» Благой оставляет без рассмотрения духовно-христианское содержание «Странника», которое, как мы видели, не вызывает никакого сомнения; он видит в «Страннике» первое проявление идеологии «передовой части русского общества» XIX века, которая заключалась в «неприятии жизни господствующего класса» и все увеличивавшемся стремлении к сближению с простым трудовым народом, с Россией крестьянской; начало «демократизации русской литературы, развития в ней народности»...[17] Все это крайне нарочитая натяжка!

Такого рода подход к творчеству Пушкина безгранично снижает его духовный уровень. Есть все основания признать справедливость мнения Анненкова, выраженного более ста лет назад, что для последнего этапа поэтического творчества Пушкина характерно все

большее углубление в русскую историю, осмысление и художественное выражение религиозно-христианского учения.

Тема бегства из столицы характерна для нескольких произведений Пушкина. Эта мысль уже давно занимала его. Прежде всего, как указывалось, она ярко выражена в лирическом его послании к жене: «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...»

Пушкина тяготило положение при дворе (придворный чин камер-юнкера воспринимался им как оскорбление). Оно требовало, кроме всего прочего, больших расходов, и Пушкин все время был в долгах. Письма Пушкина к жене вскрывались тайной полицией и доставлялись для прочтения царю. Как уже говорилось, Пушкин дважды подавал прошения об отставке, но этому противилась не столько Наталия Николаевна (что было бы вполне естественно и, по крайней мере, понятно), сколько Жуковский и другие друзья. Они потребовали, чтобы Пушкин извинился и взял свое прошение назад. Заветная мечта поэта встретила непонимание и решительное сопротивление близких. «Осенью 1836 г.,— пишет П. И. Бартенев,— Пушкин думал покинуть Петербург и поселиться совсем в Михайловском; по словам Нащокина, Наталия Николаевна соглашалась на это, но ему не на что было перебраться туда с большой семьей, и Пушкин умолял о присылке пяти тысяч рублей, которых у Нащокина на эту пору не случилось»[18]. Но в другом месте тот же Бартенев пишет: «Нащокин глубоко жалеет, что не дал ему пяти тысяч, которые у него тогда были. Но Пушкин ⟨...⟩ не просил их у него прямо»[19].

Стихотворение «Пора, мой друг, пора!..» в рукописи имеет план продолжения: «Юность не имеет нужды в at home*, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу — тогда удались он домой. О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги; труды поэтические — семья, любовь etc.— религия, смерть».

Крупнейший пушкинист Б. В. Томашевский пишет об этом послании Пушкина к жене: «Не исключается возможности, что стихотворение Пушкина внушено каким-нибудь английским образцом, но совершенно несомненно, что мысль и образы, заключенные в нем, настолько совпадали с затаенными грезами поэта в 1834—1835 гг., что пьеса приняла характер поэтической исповеди»[20].

Томашевский опубликовал фотографию рукописи Пушкина с его собственными приписками. В первой приписке Пушкин подчеркнул слова: «at home», во второй: «религия, смерть», что показывает направленность мыслей и состояние души поэта.

Это лирическое стихотворение имеет текстуальную связь со «Странником». В первоначальном варианте «Странника» в первой главе читаем: «Как раб, замысливший отчаянный побег»[21], в стихотворении «Пора, мой друг, пора!..»: «Давно, усталый раб, замыслил я побег». Побег задуман Пушкиным по внутренним побуждениям, имевшим религиозную окраску, о чем свидетельствует план продолжения стихотворения: «религия, смерть». Некоторое отдаленное подобие они имели с теми побуждениями, которыми руководствовались Алексий, человек Божий, и другие святые, житиями которых Пушкин в это время очень интересовался. 14 апреля 1836 года он писал Языкову: «Пришлите мне ради Бога стих об Алексее Божием человеке... Нужно»[22].

П. В. Анненков нашел в бумагах Пушкина две выписки из Пролога — книги, содержащей краткие жизнеописания святых, которые по своей тематике имеют сильное сходство с сюжетом «Странника»[23]. Анненков сообщает, что «Пушкин переложил на простой язык, доступный всякому человеку, даже весьма мало искушенному в грамоте — повествование Пролога о житии преподобного Саввы игумена».

Заголовок пушкинской выписки является точной копией заголовка в Прологе издания 1793 года: «Декабря 3, преставление преподобного отца нашего Саввы игумена, святые обители Пресвятой Богородицы, что на Сторожех нового Чудотворца». Приходится пожалеть, что этот пушкинский текст (перевод с церковнославянского) до сих пор не издан. Преподобный Савва — прямой ученик Преподобного Сергия Радонежского и был даже несколько лет игуменом в его монастыре. Уход его из Свято-Троицкого монастыря в вотчину князя Юрия Дмитриевича под Звенигород объясняется, вероятно, волнениями среди части монахов, которые хотели видеть игуменом преподобного Никона. Уход его был в некотором смысле «бегством»: преподобный Савва хотел прекратить раздор среди братии. Возможно, что этот факт биографии преподобного Саввы и заинтересовал Пушкина в связи с темой бегства из родного дома в «Страннике».

Другое житие повествует об иноке, которого бес смущал мыслями об оставленном им отеческом доме, о родителях и братьях: «Вложи (диавол) убо ему мысль о родителях, яко жалостию сокрушатися сердце его, вспоминающи велию отца и матери любовь, юже к нему имяша. И глаголаше ему помысл: что ныне творят родители твои без тебя, колико многую имут скорбь и тугу, и плач о тебе, яко неведущим им отшел еси. Отец плачет, мать рыдает, братья сетуют, сродницы и ближние жалеют по тебе и весь дом отца твоего в печали есть, тебе ради. Еще воспоминаше ему лукавый богатству и славу родителей, и честь братий его, и различныя мирская суетствия во ум его привождаше. День же и нощь непрестанно таковыми помыслами смущаще его яко уже изнемощи ему телом, и еле живу быти. Ово бо от великого воздержания и иноческих подвигов, ово же от смущения помыслов

* Здесь: в доме (англ.).

изоше яко скудель крепость его и плоть его бе яко трость ветром колеблема».

Анненков прав: сходство этих житийных повествований с тематикой стихотворений «Странник» и «Пора, мой друг, пора!..» (о бегстве в «дальнюю обитель») несомненно. Пушкин писал о монастыре еще в лицейские годы, в 1829 году («Монастырь на Казбеке»). Религиозные настроения в описании Пушкиным «дальней обители» двадцать лет назад отсутствовали, теперь они занимают не последнее место в его духовной жизни.

Третья глава «Странника» автобиографична. Она повествует об отношении жены и друзей к задуманному плану «побега»:

...Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью, и презреньем
Старались обратить...

Вот что писал Жуковский Пушкину по поводу его прошения об отставке: «А ты ведь человек глупый, теперь я в этом совершенно уверен. Не только глупый, но и поведения непристойного: как мог ты, приступая к тому, что ты так искусно состряпал, не сказать мне о том ни слова, ни мне, ни Вяземскому — не понимаю! Глупость, досадная, эгоистическая, неизглаголанная глупость!.. Напиши немедленно письмо (государю.— *Б. В.*) и проси не давать хода твоему прошению... Если не воспользуешься этою возможностию... поступишь дурно и глупо, повредишь себе на целую жизнь и заслужишь свое и друзей своих неодобрение, по крайней мере мое»[24]. В другом письме он писал: «Я, право, не понимаю, что с тобою сделалось; ты точно поглупел; надобно тебе или пожить в желтом доме, или велеть себя хорошенько высечь, чтобы привести кровь в движение»[25]. В такой шутливой форме Жуковский выговаривал Пушкину, но по существу это была не шутка.

Бегство в пустыню, к месту подвижнических трудов — тема поэмы Пушкина «Родрик» («На Испанию родную...»). Король Родрик внезапно бросает поле битвы с маврами, бежит и скрывается в пещере только что умершего отшельника. Он совершает обряд погребения и остается жить на месте его пустынических молитвенных трудов. Родрик оплакивает свои грехи и ведет суровую аскетическую жизнь:

В сокрушении глубоком
Беспрестанно слезы льет,
День и ночь у Бога просит
Отпущение грехов.
Он питаться стал плодами
И водою ключевой;
И себе могилу вырыл,
Как предшественник его.

Родрик, подобно другим пустынножителям, подвергается различным мучительным искушениям. В момент, когда дух его в борьбе с искушениями уже совсем изнемог, ему явился окруженный сиянием святой угодник:

В сновиденье благодатном
Он явился королю,
Белой ризою одеян
И сияньем окружен.

Этот образ напоминает «юношу» из стихотворения «Странник».

Однако в отличие от «юноши» угодник повелевает королю вернуться назад в мир простым воином, а не королем, и им как духовным победителем над «мысленными врагами» будет одержана победа над врагом:

Пробудясь, Господню волю
Сердцем он уразумел,
И, с пустынею расставшись,
В путь отправился король.

В другом варианте стихотворного переложения Пушкиным легенды о короле Родрике святой старец предвещает ему близкую кончину. Он является ему также во сне:

С длинной белой бородою,
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял
Он сказал мне: Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь царствия небес,
Скоро странствию земному
Твоему придет конец.
Путник, ляжешь на ночлеге,
В пристань, плаватель, войдешь...

Сравним строку: «Путник, ляжешь на ночлеге» со строкой из «Странника»: «Иль путник, до дождя спешащий на ночлег».

Далее у Пушкина — опять о смерти, Страшном Суде, надежде на милосердие Божие:

Сон отрадный, благовещий —
Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я к моей кончине?
И страшуся и надеюсь.
Казни вечныя страшуся,
Милосердия надеюсь:
Упокой меня, Творец,
Но Твоя да будет воля,
Не моя.

Эти строфы очень близки к четвертой главе «Странника»:

Я осужден на смерть и позван в суд загробный —
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
И смерть меня страшит.

Вот какие евангельские темы и образы волнуют Пушкина: жизнь как странствие, конец жизненного пути, загробный суд, надежда на милосердие Божие, Вечная жизнь.

В ноябре 1835 года Пушкин занимается прямым переложением на стихотворный размер библейской книги Юдифь, которая, подобно драгоценной чаше, наполнена до краев высоким религиозным вдохновением, чудными молитвами и гимнами и повествует о Юдифи, прекрасной женщине-изра-

ильтянке, прославившей себя в веках преданностью Богу Всевышнему и спасением Израиля. Согласно свидетельству современников, Пушкин изучал древнееврейский язык, намереваясь сделать стихотворный перевод библейской книги Иова.

Большой интерес проявлял Пушкин к житиям святых. Он любил Киево-Печерский патерик, знал Пролог, Четьи-Минеи, составленные в XVI веке Митрополитом Московским Макарием. Поэтому неудивительно, что в 1836 году Пушкин поместил в своем журнале «Современник» рецензию на только что появившуюся в печати книгу «Словарь о святых, прославленных в Российской Церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых». Рецензия на этот словарь написана Пушкиным с большим знанием дела. Он заканчивает ее следующим замечанием: «Издатель «Словаря о святых» оказал важную услугу истории. Между тем книга его имеет и общую занимательность: есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того святого угодника, чье имя носят от купели до могилы и чью память празднуют ежегодно. Не дозволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству».

В 1835 году Пушкин начал писать «Повесть из римской жизни». Действие ее относится к эпохе императора Нерона, середине I века. Сохранились пушкинские наброски плана этой повести: «Петроний (которому Нерон приказал лишить себя жизни) приказывает разбить драгоценную чашу...— рассуждение о падении человека — о падении богов — об общем неверии — о предрассудках Нерона — раб-христианин...» Какую конкретную роль отводил Пушкин рабу-христианину — сказать трудно, но ясно, что он хотел в своей повести противопоставить разлагающийся языческий мир в лице Петрония и его друзей новой жизни, которую несло с собой христианство. С исторической стороны замысел его был вполне обоснован. Римский историк Светоний сообщает, что при Нероне проповедь христианства достигла столицы империи, появились первые христианские тайные общины и при Нероне же начались первые преследования их, сопровождавшиеся казнями.

Та же тема — столкновение языческой морали и христианской, только перенесенная в современность, увлекала Пушкина и раньше. Еще в 1830 году, после возвращения с Кавказа, Пушкин начал писать поэму «Тазит», основа которой — конфликт между языческим мировоззрением некрещеных черкесов и новым отношением к жизни черкеса-христианина. Молодой черкес-христианин отказывается по моральным причинам выполнить «священный долг» кровной мести и вызывает тем самым презрение к себе старика-черкеса и всего окружения.

Известен список драматических произведений Пушкина, которые он предполагал написать, составленный им, вероятно, в 1827 году. Среди намеченных произведений есть драма «Иисус». Это указывает на то, что живой интерес к личности и учению Христа возникает у Пушкина не позднее 1827 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В июле 1831 года Пушкин просил о допущении его в архивы с целью написать историю Петра Великого и «его наследников». В марте 1831 года он работал в Эрмитаже над документами о Петре из библиотеки Вольтера. Основной, дошедший до нас материал, относящийся к истории Петра Великого, написан Пушкиным в течение 1835 года.

[2] Пушкин начал работу над «Историей Пугачева» в январе 1833 года, исправлял и перерабатывал ее в течение 1833 и в начале 1834 года, в свет она вышла в декабре 1834 года с разрешения царя Николая I. Одновременно он работал над «Капитанской дочкой».

[3] С этой целью в период со 2 по 23 сентября 1833 года Пушкин посещает Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск, опрашивает стариков, изучает провинциальные архивы. См. его письма к жене № 525, 527, 528, 529, 531—536 в кн.: Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. 3-е изд. М.: Наука, 1962—1966, т. X.

[4] См.: Вересаев В. В. Пушкин в жизни, т. 2, с. 267.

[5] Пушкин А. С. Александр Радищев.— В кн.: Собр. соч. т. VII, с. 356. Статья была подготовлена Пушкиным для «Современника», но запрещена Уваровым.

[6] Пушкин имеет в виду восстание декабристов 14 декабря 1825 года.

[7] Цит. по: Данзас К. К. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина, 1863, с. 31.

[8] Благой Д. Д. Джон Беньян, Пушкин и Лев Толстой.— В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. IV. М.: АН СССР, 1962.

[9] Достоевский Ф. М. Собр. соч., т. 10. Пушкин. Очерк. Произнесено в заседании Общества любителей российской словесности. ГИХЛ. М., 1958, с. 455—456.

[10] Пушкин А. С. Собр. соч., т. VII, с. 262—263.

[11] Там же, с. 418—419.

[12] Там же, с. 357.

[13] Там же, с. 359.

[14] Там же, с. 354.

[15] Там же, с. 360.

[16] Анненков П. В. Материалы для биографии Пушкина. 1873, 2-е изд. (1-е вышло в 1855 г.).

[17] Благой Д. Д. Указ. соч., с. 60—61.

[18] Бартенев П. И. А. С. Пушкин. Сб. 1. М., 1881, с. 192.

[19] Бартенев П. И. Рассказы о Пушкине, 62. См.: Вересаев В. В. Пушкин в жизни, т. 2, с. 300.

[20] Неизданный Пушкин / Собрание А. Ф. Онегина.— В кн.: Труды Пушкинского дома при Российской Академии наук. ГИЗ, 1923, с. 137, публикация № 33.

[21] Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.: Изд.-во АН СССР, т. III, с. 982.

[22] Пушкин А. С. Собр. соч., т. X, с. 704.

[23] Анненков П. В. А. С. Пушкин: Материалы для его биографии. 2-е изд. СПб., 1837, с. 379.

[24] Жуковский — Пушкину, 3 июля 1834 г. Царское Село.— В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т., т. XV, с. 172, № 969.

[25] Жуковский — Пушкину, 6 июля 1834 г. Царское Село.— Там же, № 973, № 175.

МИТРОПОЛИТ ВЕНИАМИН (ФЕДЧЕНКОВ)

На рубеже двух эпох

Но в рассматриваемое нами время советская власть уже установилась и была принята всей Россией.

Что касается меня лично, то я тоже и сейчас, двадцать пять лет спустя, никак не мог бы взять на себя открытой, публичной ответственности по вопросу о том: нужен ли был Брестский мир с немцами?! Не знаю! Простое обывательское мнение подсказало мне простой ответ: раз у немцев оказалась сила, то выбора не было, следовательно, нужно было принимать то, что навязывали, хоть бы это было и болезненно, и печально. Последствия, впрочем, подтвердили справедливость советской линии: немцы были разбиты союзниками и все их мирные трактаты лопнули, как мыльный пузырь (так будет и теперь).

...Я здесь, в этой части записей, заговорил об этих вопросах потому, что считаю их не церковными, а политическими, относящимися к советской власти.

Патриаршее послание об «анафеме» немало причинило вреда и потом: во всех белых армиях и в эмиграции его печатали, перепечатывали и распространяли как средство политической пропаганды против советской власти.

Второй вопрос — об изъятии правительством церковных ценностей в пользу голодающих. Золотые и серебряные кресты, сосуды, украшения, оклады икон и прочее должны были поступить в государственную собственность. Но начались протесты и мирян, и духовенства.

Я и сам понимаю, как болезненно религиозному человеку отдавать святой крест или чашу в руки неверующих людей. Еще более прискорбно думать, что эти ценности пойдут, так или иначе, не на голодающих, а на поддержку той же безбожной власти, как и говорили тогда протестующие. Ссылались и на каноны Церкви, которые действительно воспрещают подобную отдачу церковных вещей[21].

Но бывают в истории моменты такие, когда приходится не слушать сантиментов сердца, а действовать по разуму. Колоссальный голод — событие чрезмерное. Тут следовало не только не слушать своего голоса, но и мнения верующих мирян. Возьму сравнение: если бы Минин с церковной паперти нижегородского собора попросил бы храмы и духовенство отдать эти ценности на спасение Отчизны от поляков, разве архиерей, отцы и верующие отказались бы тогда? Не думаю.

Если же советская власть захотела бы употребить или действительно употребила бы церковные ценности на иные цели, а не на голодающих, в том ее ответственность, а не Церкви, не наша. Церковь же исполнила бы лишь свой долг любви к народу.

Каноны? Да. Но каноны, как нормы, вообще-то приурочены к нормальным, мирным временам и условиям жизни, а не к исключительным. В исключительных же случаях и законы изменяются. Есть такой пример. На V Вселенском Соборе обсуждался вопрос об Иве, епископе Эдесском[22]. И между многими иными обвинениями

Продолжение. Начало см.: ЖМП, 1993, № 2—5.

ему ставилось в вину то, что взяты были церковные сосуды на выкуп пленных (этот обычай тогда был не редкостью и никого не смущал, а, наоборот, считался добром, и Собор его не осудил), но и пленных не выкупили, и сосуды исчезли... Тогда многое неподобное творил племянник Ивы, тоже епископ, Даниил.

Из этого мы видим, что Церковь, как организм свободный духовно, может в разное время различно поступать, руководствуясь совестью и Божиим Духом.

А сколько было тогда жертв? Нужны ли они были? Не думаю. Объясню их не столько ревностью по религии, сколько политическим протестом против нелюбимой власти. Эти мысли мне не сейчас лишь пришли. Я в то время был в Сербии. И на пути в Хиновский монастырь все время думал и беседовал с сопутствующим лицом о том, что я бы отдал тогда сосуды и кресты.

А теперь припоминаю случай аналогичный. Керенский в свое время тоже призывал к жертвенности в борьбе с немцами. У меня тогда был такой подъем, что хотел отдать и панагию, и крест с груди, и митру. А один батюшка, отец Ш., отдал так единственный свой нагрудный крест.

А между тем в связи именно с изъятием церковных ценностей погиб безвременно тот самый митрополит Петроградский Вениамин, о котором я с высоким уважением упоминал раньше. Мне пришлось в Париже слушать изложение судебного процесса над ним из уст самого адвоката его, еврея Гуревича (или Гурвича?)[23]. И тогда мне не показались убедительными мотивы отказа в отдаче ценностей, кроме одного, что таковы были распоряжения Патриарха. Конечно, через 25 лет, да еще и заглазно, да еще и без исторической перспективы, судить людей опасно. И может быть, я не прав. Но я пишу свои воспоминания и мои думы, а они — таковы, какими я изложил. Нужно помнить, что митрополит Вениамин был искренно лояльным перед советской властью, как мне достоверно утверждал другой свидетель, его сотрудник по Санкт-Петербургскому Богословскому институту проф. Б-в (потом монах К.). И однако же его осудили, по-видимому, за то, что такими действиями подрывался авторитет власти. Митрополит Вениамин вместе с некоторыми другими, например с бывшим секретарем церковного Собора и членом Государственной думы Шеиным, был расстрелян вне Санкт-Петербурга, и, кажется, неизвестна и могила его.

Говорили и писали, но я сомневался в подлинности этого предания, будто в последней речи своей на суде он сказал такую крылатую фразу:

— Душа моя принадлежит Богу, сердце — русскому народу, а тело — вам.

Если бы он действительно сказал это, то я почел бы такие слова более красивыми, чем религиозно правильными. Сердце архиерея и всякого верующего должно принадлежать не только народу, но и власти. А если последней остается одно тело, то тут кроется сомнение в искренности лояльности: одного тела мало для государственной власти. Оно — и правильно! — ищет и сердце подданных. Я где-то читал или слышал, что такие слова принадлежат не митрополиту Вениамину, а преданию окружающих лиц, притом крайне нелояльных к советской власти (известен целый ряд проверенных фактов, что исторические лица не говорили тех громких фраз, которые потом приписывали им современники или потомки). Это вернее. Митрополит Вениамин был человеком вообще искренним, нелицемерным и простым духовно, никогда не любил играть роль, красоваться. А если он был еще и искренне лояльным, тогда и вовсе недопустимы такие неясные и подозрительные слова. Или же можно допустить самое крайнее объяснение (если они были сказаны): тут была некоторая погрешность, которая мыслима в людях и высоких. Один Бог без греха.

Но даже и при такой временной небольшой погрешности все же митрополит Вениамин остается в моей памяти лицом цельным, чистым, благочестивым, простым.

Еще рассказывается про него случай об обмене приветствиями с Патриархом Тихоном в первое, кажется, и единственное посещение им столицы Петра[24]. Патриарху, говорят, железнодорожники устроили отдельный вагон, чуть не цветами украшенный. По прибытии в Санкт-Петербург на Большой Знаменской площади возле Николаевского вокзала разрешено было митрополиту Вениамину с духовенством встретить открыто Патриарха с крестным ходом. Фотографии этого и других моментов посещения Патриарха я видел перепечатанными и в известном американском географическом журнале. А вот дальше опять предание. Митрополит Вениамин выразил приветствие Патриарху и радость по случаю его прибытия, закончил речь уверением его, что и сам он, и духовенство, и верующие готовы за веру и Церковь принести всяческие жертвы и даже умереть.

— Умереть ныне немудрено,— ответил не без остроумия Патриарх Тихон. Он вообще был человек с приветливыми и остроумными словами: — А вот надо теперь учиться, как жить. То есть при новых и сложных условиях истории.

Думаю, что такие слова свойственны им обоим. И пророчества их сбылись: один умер жертвою, а другой приспособился жить сам и Церковь всю поставил на этот новый путь. Умер же Патриарх Тихон естественно, от разрыва сердца, в больнице Бакуниной[25], а совсем не отравлен большевиками, как это распространяли противники советской власти и про Патриарха, и про генерала Врангеля. Похороны в Москве были грандиозными по количеству народа. Говорят, будто бы Ленин смотрел на эти тысячи людей и не был доволен[26]. Может быть, опять лишь слухи? Но естественно, если взять воззрения его как откровенного и ярого безбожника, этого-то факта не выбросить из личности Ленина, его писаний и истории.

Раз уже начали говорить о смертях, то упомяну об обер-прокуроре А. Д. Самарине. В бытность Крыленко[27] комиссаром юстиции он был судим. Держался он (его близкие родственники выехали потом во Францию, и они, вероятно, говорили мне это в Париже) на суде искренно, смиренно, со скромным достоинством. Крыленко требовал смертной казни для обвиняемого:

— Иначе, если бы эти люди взяли власть, то они бы нас казнили!

Но суд не нашел за ним преступления. Освободил, лишь не дозволил ему проживать в столицах. Насколько помню, он мирно скончался в Ярославле. А Крыленко пострадал после.

Еще осталось сказать о смерти царской фамилии.

Тяжкая драма русской истории! Что бы ни говорили, это убийство лежит виной и на тех, кто это сделал, и на тех, кто вел к тому десятилетиями, и на тех, кто молчаливо-хладнокровно принял самое событие. Я принял холодно даже и у нас в Крыму при господстве белых. (На панихиде в Симферополе присутствовал командующий частями войск генерал Шиллинг[28]. По-видимому, больше по обязанности. На обратном пути в монастырь я спрашиваю кучера: «Дмитрий, а что говорят про нового командующего?» — «Не знаю! А так что, фамилия-то русская». Он думал: Шилин, от шила. Должен быть хорошим! Это — факт.)

После (1920 г.), в особом послании среди других грехов мы каялись и в этом убийстве, но и тогда не было глубокой печали.

И кажется, кровь этой семьи уже откликнулась на множестве других лиц.

Однако очень греховно пользоваться этим трагическим концом для политической пропаганды и для разжигания злобы в сердцах эмигрантов. Между тем так делалось многими в Европе и в Америке. Отлично помню, как писали заметку в годовщину смерти его в Нью-Йорке в «Новом русском слове»:

«Была панихида... Пел казачий хор... Священник сказал прочувствованное слово... Не знаешь, что сильнее жило в сердцах: любовь ли к мученику-царю и его семье или же ненависть к большевикам?!»

Плохая молитва с ненавистью. В Евангелии сказано, что лучше тогда и не молиться, сначала следует примириться с врагом и потом принести молитву и жертву Богу! Иначе и молитва будет во грех, как сказал Давид в псалмах[29].

А если убиенные мученики, то угодна ли им такая «любовь» с ненавистью? Наоборот. Если они сподобились Царства Божия (а этому нужно верить), то они там молятся апостолу Стефану[30], который при побиении его камнями молился об иудеях подобно Христу:

— Господи! Остави им грех сей!

«И лицо его было в тот момент как лицо Ангела»,— повествует врач Лука со слов свидетеля Савла, после — апостола Павла. Вот истинно христианская молитва.

К этому я могу добавить даже, что я знал лично несколько людей, которые верили в другую версию, что царская фамилия была спасена и осталась жива. Один просто «верил» в это, другой не мог привести доказательств, третий, наоборот, всячески обосновывал и доказывал это и даже утверждал, что сам видел царя. Но все это было неубедительно.

Однако я сам написал запрос некоему человеку, которого знал как святого и который тоже видел сего предполагаемого царя. В ответ получил письмо:

«Этого человека многие считали за Великого (т. е. царя), но он сам утверждал, что он лишь полковник». А от одного, тоже «очевидца», я слышал совершенно обратное, что будто он видел... Но не хочу даже и писать об этом.

Приходилось за границей встречать некоторых великих князей и княгинь, но никогда никто из них не говорил ничего подобного в жизни царя. Наша Церковь в России не принимает такой версии, это мне известно доподлинно и документально. Так, помимо всего прочего, должны думать и мы, верующие дети Церкви. И я поминаю их всегда на проскомидиях как усопших... Да и тот, предполагаемый Великий, уже скончался несколько лет назад схимником с именем «Кассиан».

ПРИМЕЧАНИЯ

[21] Владыка Вениамин в период кампании по изъятию церковных ценностей находился за пределами России и не был свидетелем происходившего. Теперь, когда опубликовано секретное письмо Ленина Молотову и другим членам Политбюро большевистской партии, посвященное изъятию ценностей, становится совершенно очевидным запланированный характер этой кровавой провокации. Текст письма опубликован в журнале «Известия ЦК КПСС», № 4, 1990.

[22] V Вселенский Собор проходил в Константинополе в 553 году. Ива Эдесский — пресвитер, с 435 года — епископ Эдесский. Скончался в 457 г. Вероятно, речь идет о IV Вселенском Соборе (здесь возможна опечатка в тексте машинописи). Ива Эдесский был лишен епископского сана Собором в Эфесе (449), а Вселенский Собор в Халкидоне (451 г.) возвратил ему епископство.

[23] Я. С. Гурович — адвокат митрополита Вениамина (Казанского) на процессе по делу о церковных ценностях. Процесс проходил в Петрограде с 11 июня по 5 июля 1922 года и носил характер беззаконной расправы над людьми Церкви: главный пункт обвинения — сопротивление изъятию ценностей — невозможно было доказать, так как в Петрограде ценности были отданы властям без сопротивления. По делу об изъятии на петроградском процессе было привлечено в качестве подсудимых 86 человек: 10 приговорено к расстрелу (шестеро помилованы), несколько человек оправдано, остальные получили длительные сроки заключения.

В ночь с 12 на 13 августа митрополит Вениамин (Казанский), архимандрит Сергий (в миру В. П. Шеин, бывший член Государственной думы), профессор Ю. Л. Новицкий и И. М. Ковшаров были казнены.

[24] Поездка Святейшего Патриарха Тихона в Петроград проходила с 23 мая по 3 июня 1918 года. Святитель совершал богослужения в Исаакиевском и Казанском соборах, в Александро-Невской Лавре; посетил Кронштадт.

[25] Святейший Патриарх Тихон скончался 7 апреля 1925 года, в день Благовещения. Здание клиники Бакуниной, частной больницы на Остоженке, сохранилось до наших дней.

[26] Вероятно, это был кто-то из большевистских вождей. Ленина к тому времени не было в живых.

[27] Крыленко Николай Васильевич (1885—1938) — советский партийный и государственный деятель. С 1918-го — председатель Верховного трибунала, прокурор РСФСР. С 1931 по 1936-й — нарком юстиции РСФСР, с 1936-го — СССР. В 1927—1934 годах — член Президиума ВЦИК. Известен своими обвинительными речами на процессах «контрреволюционеров» и «врагов народа», в том числе и на «процессах церковников».

[28] Шиллинг Дмитрий Иванович — белый генерал, участник первой мировой войны. В конце 1919 — начале 1920 года его войска защищали Херсон, Николаев и Одессу. Генерал Шиллинг был главнокомандующим Новороссийской области. После сдачи Одессы эвакуировался в Крым. Эмигрант.

[29] Пс. 108, 7.

[30] Святой архидиакон Стефан, апостол из 70-ти, Деян., гл. 6—7.

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

«Красные»... Красный цвет всегда служил символом подъема, возбуждения. Бывает радостный подъем: любовь, яркая жизнь, красная зорька, солнце красное, Пасха красная, яичко красное, рай прекрасный, красивый человек, красный кумач, красный сарафан. Или бывает подъем от возбуждения, воспаленности, раздражения, гнева. Красное знамя — символ борьбы, революции, войны: красная кровь, красная рубаха палача, красное лицо в гневе, красный цвет при бое быков, краснуха — болезнь, красное пламя, «красный петух», то есть пожар, «красное дело» — убийство. Во время этой войны у женщин в Америке появилась мода на красное — от шапочек до туфель. Спрашиваю одну: почему они носят этот цвет? «Знак любви и борьбы»,— ответила она по-украински.

В России красными назывались, конечно, от революции. Но этого имени в 1905 году и даже в февральской революции еще не было. Оно укрепилось после большевистского переворота.

Но почему назывались «белыми» противники их? Иного цвета не оставалось для них, как этот. Черный? Но это знак смерти и отчаяния. К тому же в истории первой революции «черная сотня» означала крайне правое направление, неприемлемое огромнейшему большинству граждан.

Желтый цвет — это знак солнечности, золотого хлеба, например, на Украине — «жовто-блокитный (желто-голубой) прапор», знак солнца и полей и голубого неба.

Слишком мирный или торжествующий, счастливый цвет. Иногда желтое означает сумасшествие и другое: «желтый дом», «желтый билет».

Зеленый цвет означает спокойную жизнь среди лугов, зеленых лесов, цвет надежды, а иногда и тоски — «тоска зеленая». Были во время революции и «зеленые» отряды: они не были ни с большевиками, ни с белыми, скрывались в зеленых лесах.

Синий? Мало жизненный цвет, не бодрящий, а успокаивающий, небесный цвет, глубоко синий, охлаждает душу, умирает как сам, так и отраженный в воде холодной: море синее, синица — осенняя птица, синева небесная.

Оранжевый, фиолетовый цвета — промежуточны, первый из красного с желтым, второй — из красного с синим, знак сочетания чистого неба и горячей крови.

Оставался «белый». Знак чистоты принципов, невинности, мира, правды, истины. Белый голубь с оливковою ветвью мира, белая одежда кандидатов (в консулы, проконсулы и т. д.— *Ред.*) и чиновников Рима, белковые вещества — питание живущих, белье чистое, белые снега холодные, но они охраняют от морозов прикрытую ими на время жизнь растений, «царь белый», военные белые кители на офицерах, рубахи на солдатах и штаны на матросах: они защитники мирной жизни своей страны и чистого своего дела и кораблей, «белый генерал» (Скобелев)[1] — не только для выделения среди «серой массы» солдат и офицеров, но и как символ «правого дела» русских среди хищников, как носитель культуры среди диких племен, света среди тьмы, свет Божий», свет мира, белая чистая свеча Богу, белая рубашечка на новокрещенных и причастниках, белое подвенечное платье, белая горностаевая мантия, белые нежные ландыши, розы, цветы, Москва белокаменная, белый саван...

Какой милый, чистый, мирный цвет!

И его взяли «белые»... Главное основание: противоположность «красным» революционерам-«разрушителям».

Но вот меня заинтересовал вопрос: были ли белые в первую революцию 1905 года? Нет. Вместо них тогда явились «черные». А в феврале 1917 года? Тоже не было еще. Почему? Потому что в те революции эти люди, которые потом влились в «белое движение», сами были явно или тайно в рядах революционеров, более или менее мирных. Революция была их, и протестовать тогда еще не было против кого; с черными же сливаться невозможно, красным быть опасно, да и мирны они еще были для красного цвета. А вот когда пришла настоящая революция, радикальный переворот, тогда мирные элементы и отобрались для борьбы против него.

Туда пошли и правые (но не крайне-правые «черные»), и кадетская партия, и октябристы, и имущественные (имущие.— *Ред.*) люди, и вольные зажиточные казаки, и военные-офицеры, и духовные, и интеллигенты. Революционные промежуточные партии остались в середине между большевиками и белыми, боролись с красными, но не пристали к белым, за исключением отдельных лиц (Бурцев, Аладьин, Алексинские и др.). Однако их нужно считать ближе к белым, чем к красным. И думаю, не случайно отбились они от большевиков и боролись с ними.

Белые справедливо обособили себя от красных. Но действительно ли мы были такими белыми, чистыми и светоносными? Об этом скажет еще история.

А я запишу, что мне известно, как одному из участников «белого движения»...

В народе называли их еще «кадетами» по имени конституционно-демократической партии («к-д»), которая имела силу в белом лагере. А мне приходилось от простых людей слышать и другое объяснение: эта армия состоит-де из мальчиков-кадетов, учеников кадетского корпуса (была там горсточка и их), то есть несерьезная армия, а детская, несильная. Но скоро слово «кадетская» исчезло.

Пытались — и при Деникине[2], и при генерале Врангеле[3] — вводить слово «русский»: «Южно-русское» правительство, «Русская Армия», «Русская Гвардия». Но и это не привилось в массах народа. А что же там, у красных, разве не Россия?

Да, тогда красное правительство не хотело называть страну Россией. Правда, в начале все же это слово употреблялось в заголовке: РСФСР — Российская Советская Федерация Советских Социалистических республик. Но потом первое слово опустили, осталось СССР — Союз Советских Социалистических Республик, или, короче, Советский Союз. И только много после, приблизительно к 1935—

1936 годам, мы в Америке стали опять на картах и в литературе встречать кое-где и слово «Россия». Нас это удивляло и радовало. Постепенно это слово стало употребляться чаще.

А когда мне пришлось в прошлом году повстречаться с советским студентом Красавченко, он в разговоре объяснил мне, что теперь и на Родине иногда употребляют уже это слово вместо или параллельно с «Советским Союзом», потому что «все понимают, что фундаментом других народов и всего Союза является, конечно, Россия». А иногда говорят «Советская Россия». И сам он при мне иногда употреблял одно слово «Россия».

А язык человеческий, как и язык цветов, вещь не случайная, а связана с духом и сущностью обозначаемых предметов. И обращаясь к имени «белое движение», я полагаю, что в нем уже предопределялась и предрекалась не победа над красными, а поражение. Почему?

История народных стомиллионных масс тогда была красная, революционная, а идти против стихии таких колоссальных исторических штормов всегда было бесполезно и гибельно для меньшинства, по крайней мере в начале бури, пока она бушует. Затем «красное» обозначает психологический напор, фанатичную веру, пламенную энергию, революционную страсть, стремительную силу, безумный пафос, против которых трудно стоять иной психологии. Далее. Жизнь никогда почти не возвращается назад в полной мере, а если когда и возвращается, то ненадолго. Консервативные старые начала не могут устоять перед веянием новых. И прав был Патриарх Тихон, когда говорил митрополиту Вениамину: «Надо учиться жить при новых условиях ... иначе придется умирать».

Белое же движение, как и всякие контрреволюционные движения, было не народно-классовое, а интеллигентско-буржуазных небольших классов. Психология его была не стремительно-напористая, а защитно-мирная. Цели были — восстановление, в общем, прошлого, не создание нового. Можно сказать, белое движение было остатком петербургского периода истории XVIII—XIX веков. И даже самое имя «белый» было слишком мирно для момента. Это была больше «идея», чем страсть, больше долг, чем сердце, больше теория, чем жизнь, больше принцип, чем сила, больше мир, чем война.

Потому я и говорю: в самом имени предсказан был наш конец.

Какими же принципами руководилось белое движение?

Хотя я потом принимал весьма близкое участие в нем и занимал высокое положение как епископ армии и флота и член Совета Министров от имени Церкви, был лично близок к вождю, генералу Врангелю, но и тогда, и теперь сознаюсь: у нас не было не только подробной политико-социальной программы, но даже самые основные принципы были не ясны с положительной стороны. Я и сейчас не помню каких-нибудь ярких лозунгов: а как бы я мог их забыть, если бы они были?! А что помню, то было не сильно, не увлекало.

Можно сказать, что наше движение руководилось скорее негативными, протестующими мотивами, чем ясными положительными своими задачами. Мы боролись против большевиков — вот общая наша цель и психология. Предполагалось, будто всем ясно это. Но на деле было не так.

Например, при генерале Деникине была в большом ходу формула: «За великую единую неделимую Россию». Хорошо. Это означало, что белое движение против отделения от России Украины, Дона, Кубани, Кавказа, Бессарабии и Прибалтийских стран. Мотив, как видно, внешний территориальный, количественный, империалистический, а не внутренний, не политико-социальный, не качественный.

Ведь и большевики могли бороться и боролись и успели за «единую, великую, неделимую» страну. Но какую? Разве ту, за которую боролась Белая Армия? Конечно, нет.

Дальше, мы говорили: «За Россию». Тут уж больше смысла. Этим говорилось, что мы против интернационализма (который тогда неверно смешивался с масонством, против коего боролась и сама советская власть, как видно из судебных процессов во время «чистки»), за национализм. Но большевики с большим правом могли отвечать, что и они за нации, но без угнетения, за свободное развитие их в едином, но свободном союзе. И нужно теперь признаться, что культура отдельных наций и меньшинств развилась теперь там так, как и не мечталось при прежнем режиме и белом движении. Я, например, самолично из уст гене-

рала Деникина на банкете в Симферополе слышал подлинные слова: «Карты Украины биты!»

Этого никакой ответственный советский деятель никак не говорил и не скажет. Это противоречило бы самой сущности и задаче интернационализма, который признает любовь каждого и уважение всех к нациям, но не господство, не шовинизм, не угнетение над ними одной. Следовательно, в белом движении был национализм, но великодержавный, великорусский. Это не могло уже удовлетворять меньшинства во время революции. Кое-как еще пока мирились с атаманами донскими, кубанскими, терскими, но и то неискренне и вынужденно, а про гетманство украинское даже и не упоминалось. Там восстанавливались прежние губернии.

Что касается политического строя, то он был неясный, «непредрешенческий»: вот покончить бы лишь с большевиками, а там «все устроится». Как? Опять Учредительное собрание, прежде разогнанное Железняком? Нет! Об Учредительном собрании и не упоминалось. Что же? Монархия с династией Романовых? И об этом не говорилось, скорее этого опасались, потому что едва ли народные массы воротились бы к старому. Конституция? Да, это скорее всего. Но какая, кто, как?— было неизвестно. В общем же можно было лишь догадываться, что идет движение за реставрацию каких-то форм старого строя. Это, разумеется, многим из нас нравилось как привычное, свое, известное.

Каковы социально-экономические задачи? Тут было ясно: восстановление собственников и собственности. Ничего нового при генерале Деникине не было слышно. А народ всегда думал о земле. При генерале Врангеле будет нечто новенькое...

Осталась религия. Конечно, белые были или считались религиозными. В действительности в общем так и было. Но у многих эта вера была прохладная, как проявление традиции, старого быта, ушедшего строя и, конечно, как противоположение безбожным большевикам. Это была, так сказать, одна из официально-государственных форм белого движения. А попадались и открытые атеисты, после расскажу. Однако не в них дело, а в целях движения вообще: оно не ставило себе задачей защиту веры.

Генерал Кутепов[1] в присутствии генерала Врангеля в вагоне рассказывал ему и мне следующий очень характерный случай.

Когда был обсужден вопрос о целях войны, дошли и до веры. По старому обычаю говорилось: «За Веру, Царя и Отечество». Хотели включить первую формулу и теперь, но, рассказывает очевидец Кутепов, генерал Деникин, как «честный солдат», запротестовал, заявив, что это было бы ложью, фальшивою пропагандой, на самом деле этого нет в движении. С ним согласились, и пункт о вере был выброшен из проекта. Такая откровенность делает честь прямоте генерала, но она показывает, что в белом движении этого религиозного пункта не было, а если пользовались им после, то лишь в качестве антибольшевистской пропаганды. При генерале Врангеле и здесь было внесено в формулу нечто новое, как увидим... Повторяю, это не значит, что белые были нерелигиозными. Сам генерал Деникин потом был даже членом приходского совета на Сергиевском подворье в Париже. Но не религия двигала белых. Это факт.

Итак, чем же воодушевлялись мы в борьбе?

Старыми традициями: великой Россией, национализмом, собственностью. А еще? Ненавистью к большевикам, которые шли по новым социальным путям или понимали старые иначе. Все это наше и слилось около одного главного имени — «Россия». А нас, верующих, гнала в это движение и борьба большевиков против религии — тайная или явная.

Но при всем этом, безусловно, должно отметить, что в Белой Армии и большой дух «жертвенности, не за корысть, не за собственность даже, а за Родину, за Русь вообще. Кто не примет этого объяснения, тот не может понять белого движения! Большевики казались губителями России. И честному русскому нужно было бороться против них! История знает, с какой готовностью люди отдавали себя на раны и смерть. Вот три-четыре факта.

Подполковник И., командир танковой части Корниловской дивизии, говорит при мне: завтра выступление, он ранен уже 14-й раз, пойдет и завтра на смерть за Россию... Был убит. Генерал В. ранен был чуть не 21 раз... Убит. Или обхожу я как-то ночью Перекопский вал, отделявший Крым от материка. Костры были

запрещены, но кое-где коптились две-три щепки. Вижу — молодежь. Подсел к ним. Они не знают, что архиерей: знаков отличия не имел тогда. Грустно разговаривают... Еще безусые... Дети аристократов...

— Батюшка,— спрашивает один,— неужели мы проиграем? Ведь мы за Родину и за Бога!

Я утешал... И как было жалко этих юнцов! И какие они были милые и еще наивные. Где они, рано вылетевшие из теплых гнезд птенцы?

Но нельзя умолчать и того, что Белая Армия не была народной, потому что вожди и значительный состав ее были не из народа, а из высших классов, из привилегированных сословий.

Осуждать теперь легко. Но ведь все делалось постепенно, и мы не могли измениться так быстро.

Если же сравнить участников Белой Армии с теми, которые остались у большевиков в тылу, притаились или приспособились к ним, то, несомненно, белых можно считать героями, которые все же отдавали жизнь свою. Пусть мы ошибались, пусть не понимали еще многого, но субъективно белые заслуживают исторического признания как люди, любившие Родину и павшие за нее жертвою. Но какой объективный смысл был в этой борьбе? Ответить нелегко.

Вот и сейчас, описывая эти события, затрудняюсь сказать, лучше перейду к фактам. Может быть, к концу их яснее будет и смысл...

По обычаю своему, стану рассказывать случаи, они ярче показывают лицо истории, чем отвлеченные суждения.

Еще при Керенском началось белое движение в виде так называемого «Корниловского похода»[5]. Про самого Корнилова[6] говорили, что он ничуть не был реставратором. Происходя из казацкого сибирского сословия, он был демократом; но революция развалила армию, открыла немцам путь в страну. Революционные вожди не могли остановить разрухи, пламя все сильнее бушевало. И смелый, способный Корнилов попробовал прервать стихию. Нам это было по душе, конечно, хотя мы и помалкивали. Власть была у революционеров, у Керенского, а за ним сзади сидели уже Советы большевиков... Шли какие-то слухи, будто Керенский сговорился тайно с Корниловым, лишь бы избавиться от Советов. Но, кажется, это неверно. Корнилов потерпел неудачу, был арестован, но потом бежал, кажется, с ним бежал и генерал Деникин. Они скрылись в кубанских плодородных степях. И там начали организацию Белой Армии. К ним прибыл пожилой уже начальник главного штаба генерал Алексеев[7], который и стал, как старший, во главе.

Теперь читатель и представить не может, как началось это движение — буквально из нескольких человек. Без оружия, без финансов, без провианта горсточка людей отважилась на борьбу почти с Голиафом... И эта армия — Деникин — занимает потом почти весь юг России до Орла. Восток от океана до Волги — в руках адмирала Колчака[8] и чехов, на западе двигается какой-то генерал Бермут и поляки, руководимые французским генералом Вейганом[9]... Около Петрограда захватил власть и генерал Юденич[10]. У Архангельска правит с англичанами и американцами (я недавно лишь был на банкете у последних, теперь они — за советскую власть) генерал Миллер[11]. Когда видишь, что у большевиков осталась лишь самая сердцевина страны и Москва и будто бы они (такие ходили слухи) готовили уже аэропланы для отлета (куда? не знаю), то удивляешься двум вещам: первой — тому, как могли белые пробраться так далеко и глубоко, а второй — еще больше: как красные могли все же потом нанести сокрушительный удар по всем этим фронтам?!

Не моей неопытности разобраться в этом... Если же осмелиться — сказать, что главная причина была все же в том, что наша армия была не народная. Хотя народ и пропустил белых через себя, как сито, но сзади, и с боков, и спереди были не друзья их, а или враги, или чужие. И потому это окружение большевиков было, по-моему, призрачное. По географическим картам [белыми] было забрано много, но все это держалось на небольших вооруженных отрядах, тоненькими ниточками.

И движение наше покатилось обратно по всем линиям довольно быстро. Но я забежал вперед опять... Пишу, как пишется, как встают воспоминания сами собой...

Хорошо помню, будучи членом Собора в Москве, как там тайно формировались дружины офицеров и маленькими группами просачивались на Юг... Об этом

говорилось между нами шепотом, но сочувственно, что понятно.

Однако это движение было так далеко, так ничтожно, что мы и не придавали ему значения: «где-то», «кто-то» дерется «там». Какие-то горячие головы, благородные жертвенные смельчаки, да что тут может быть серьезного?!

Это вроде истории с московскими юнкерами. Ну, что же! Еще погибнут тысячи их, и только? Бедные запоздавшие, оторвавшиеся от тучи облачка? «Вечерние жертвы» — как красиво назвал их писатель из казаков. И. А. Родионов... Так, так!

Но тогда многие думали не об успехе, а о долге, о зове совести и сердца, а они всегда требуют жертв, иногда смертельных. И не нужно, пожалуй, бросать камень во все движение, а признать моральную ценность его как такового, независимо от принципов и результатов. Это будет правильная историческая оценка, а не партийно-пропагандная. И большевикам нужно уважать врагов своих. Это честно и благородно будет для первых и правильно, заслуженно для вторых. Нельзя забывать, что и белые, и красные желали добра одной и той же стране, своей России! Только пути были разные. Ибо время и люди еще были разные... История делается не по щучьему велению, а складывается кирпич за кирпичом.

Однако это не заставит меня замалчивать и темные стороны и факты, о которых я потом буду рассказывать. Боюсь лишь, как бы эти случаи не создали у читателя отрицательного впечатления. Если это так выйдет, то прошу его запомнить вышесказанные строки об основном жертвенном патриотическом настроении белого движения!..

Не буду описывать истории движения: это и не очень важно, да и мало знаю о том, что делалось за пределами Крыма. Лучше расскажу мои впечатления о виденных мною вождях и главных героях, о которых довелось кое-что слышать.

Генерал Алексеев. Скромный, деловой, честный труженик своего дела. Отдал свои силы на немецком фронте, а старость — неродной земле. Недолго прослужил, скоро умер. Я видел в Софии дочь его: такая же скромная, чистая, умная, религиозная девушка. Яблочко от яблони.

Генерал Корнилов. О нем ходили легенды о побегах из немецкого плена, а потом и советского. Я видел лишь почерк его: довольно мелкий, но красивый и ясный. А в конце фамилии — росчерк резкой стрелой вниз, показывающий силу, решимость и быстроту действия. Убит он, как рассказывал мне один из его адъютантов, случайно. Где-то под Екатеринодаром на Кубани сидел он со штабом далеко от поля действий, в халупе (хате). Случайно ворвавшаяся граната кончила его жизнь. Может быть, и не так? Знающие поправят меня, а я так слышал в Софии в монастыре «Петроница». В Крыму ходила легенда, что он не убит, а намеренно скрылся в народе и подготовляет его, а потом встанет опять во главе и прочее... Ходили другие слухи, будто потом красные нашли его труп и издевались... Тоже пусть поправят другие, если не так... Пишу и о легендах, они характерны иногда, как отклик дум...

Генерал Слащев[12]. Он командовал при Деникине в Крыму. Это интересный человек, полусказочного калибра. Его я видел сам, живя в том же Крыму. Высокого роста красивый блондин с соколиным смелым взором. Он обладал удивительной способностью внушать доверие и преданную любовь войскам. Обращался он к ним не по-старому: «Здорово, молодцы», а «Здорово, братья». Это была новость и очень отрадная, и современная. В ней уже слышалось новое, уважительное и дружественное отношение к «серому солдату». И я видел, как отвечали войска. Они готовы были тут же броситься по его слову в огонь и в воду.

Но когда требовалось принять строгие меры, например против грабителей, спекулянтов, тот же Слащев не останавливался и перед смертной казнью. Это тоже все знали. И его любили и боялись, но и надеялись. Слащев не выдаст. И действительно: говорят, однажды большевики прорвались-таки в одном месте. Курьер донес ему.

— Как прорвались? Почему вы к ним не прорвались, мерзавцы? На коней!

И с маленьким штабным конвоем летит в опасное место, воодушевляет свои войска, гонит противников обратно за перевал. Дело ликвидировано... Вероятно, не так все это было сказочно и просто, но такая легенда ходила между нами, и ей мы верили. Значит, верили в Слащева.

Однажды я посетил его в штабе, около ст. Джанкой. Отдельный вагон. Встре-

чает меня его часовой, изящный, красивый, в солдатской форме. Оказывается, это бывшая сестра милосердия, теперь охрана и жена генерала. Вошел Слащев: на плече у него черный ворон. Одна нога в сапоге, другая в валенке — ранен... Бодрящее и милое впечатление произвел он на меня. Что-то лучистое изливалось от всей его фигуры и розового веселого лица... «Часовой», конечно, не был при нас... Говорили про него, что он пьет, и не вино лишь, а даже возбуждающие наркотики... Возможно!

Когда вступил в командование генерал Врангель, вместо Деникина, ему отвели часть фронта. Но будто бы там у него были чисто военные промахи. А другие говорили, что «цветные» войска — корниловская, марковская и дроздовская дивизии, отличавшиеся разными цветами погон, кантов и проч.,— не любили его потому, что он был не «ихний». Третьи предполагали, что он держался вообще иного духа и тактики, чем «кутеповские» войска (возглавляемые генералом Кутеповым). Ставили ему в вину и нетрезвость, и чудачество. Начались трения, и Слащев должен был уйти в отставку на какое-то неважное дело. Генерал Врангель человек справедливый в общем, в разговоре со мной тоже винил его. Я, конечно, не разбирался, не мое дело. Но мы жалели нашего героя, который лето, осень и целую зиму продержал с какими-то слабыми силами Крым.

Когда произошла эвакуация, он вместе со всеми уехал в Константинополь и начал печатно оправдываться перед «судом общества» в своей правоте, а потом и вовсе порвал с белыми и уехал на пароходе к красным, с которыми боролся столько лет. В Москве его убили с улицы через окно. Ходили слухи, что это сделали внутренние белые, мстя за предательство, другие винили красных. Мне кажется, первая версия правдоподобнее. Мне жаль его...

Ходила про него в Крыму легенда, что он совсем не Слащев, а великий князь Михаил Александрович. Разумеется, это фантазия, но и она говорит о той легендарности, какой окружено было его имя.

Еще вспоминаю, как раз мне пришлось встретиться с ним в его штабе на обеде и вести беседу о необычайном «молебне». Это был печальный, но характерный случай, запротоколированный официально.

Таврический архиепископ Димитрий, как член Южно-Русского Синода, жил в Новочеркасске Донской области. Я, как его викарный, заменял его по управлению в Симферополе.

Однажды приезжает ко мне священник из села Малой Белозерки отец Новоселов с докладом. Когда красные занимали Тавриду, то штаб их находился, естественно, в священническом доме, как самом удобном. Никакого вреда они ему не сделали. Пришли белые и тоже остановились у него, все это в порядке. Но вот в чем новость. В этом селе остановилась так называемая «Дикая дивизия», состоявшая из горцев и других частей, под командованием гвардейского генерала Петровского. Сей командир приказал священнику отслужить «благодарственный Господу Богу молебен» о даровании победы над «красной нечистью». И это все еще мыслимо. Созвали на площади народ. Отслужили. К концу молебна войско окружило толпу. Села в Тавриде огромные, по 5—10 тысяч человек, иногда тянутся лентой на 10 верст... После многолетствования «Державе Россійстей», правительству и «всему христолюбивому победоносному воинству» начали вызывать по заготовленному кем-то списку более активных в селе большевиков.

— Такой-то здесь?

— Здесь!

— Иди сюда!

И ему давалась порция шомполов.

— Такой-то здесь?

— Нет!

— А отец его?

— Здесь!

И ему шомполов, что не мог воспитать сына в уме-разуме. Потом отпустили духовенство и всех зрителей...

Так перепороли многих. Всякий может понять, какое уродливое впечатление произвели эти белые на народ! Священник бросился с жалобой к архиерею, а через него к Главнокомандующему Деникину. Ему было горько и за паству свою, и за Церковь Божию. Я спросил его, отвечает ли он за подлинность показания.

Ведь неправда грозит страшною карою!

— Да, отвечаю!

Тогда я написал генералу Деникину официальный доклад, начав его так приблизительно:

«Церковь доселе знала молебны простые и молебны с акафистами. А теперь явился новый вид молебна «с шомполами»... Описал все точно. Но ни малейшего ответа не получил, а я архиерей! Что же говорить о маленьких людях?!

Прошло месяца два. Я по какому-то другому делу посетил село Н., где стоял штаб генерала Слащева. Длинное чистое село немцев-колонистов. В одном доме — ставка. Генерал приглашает меня на обед, сам в конце стола. Я направо. Против другой генерал.

— Прошу познакомиться... Епископ Вениамин... Генерал Петровский...

Здороваемся... Генерал Петровский? Петровский?! Позвольте!

— Вы не командир «Дикой дивизии»?

— Я!

Начинаю рассказывать историю жалобы.

— Это правда?

— Правда!— совершенно спокойно, с сознанием своей правоты отвечает он мне...

Я замолчал от горя... Но и Слащев тогда ничего не возразил. Темные времена были и при белых... Но этот случай не одинокий. Уж заодно расскажу и о других.

Отняли у красных Харьков, Сумы и другие смежные города... Рассказывали, что в «чрезвычайке» (Чрезвычайная комиссия революционной полиции) ужасно терзали арестованных, били, будто снимали перчатки, то есть опускали руки в кипяток, кожа слезала и т. д. Может быть, и неправда?— но говорили... Во время революции многое оказывается возможным... Мучают же теперь немцы даже стариков и детей! Америка не верит, а факты налицо. И понятно, когда приходили белые, то горожане встречали их с восторгом. Говорили, будто бы даже целовали стремена и сапоги у кавалеристов. Но потом? А потом скоро разочаровывались в них. Например, командовавший частью генерал Май-Маевский[13] будто бы отдал город своим войскам на «поток и разграбление» в течение трех дней. И сам упивался. Я совершенно верю этому, потому что генерал Врангель, приняв командование после Деникина, отдал даже особый приказ, чтобы «святое дело спасения Родины делали чистыми руками». И мне он жаловался, как разложились многие среди белых... При нем я даже не слышал об этом знаменитом Май-Маевском.

Другой факт. Только красные ушли из Крыма, как по Черному морю точно летел белый миноносец. Первая ласточка. Боже, как мы, молча, смотрели на него с радостью и чуть не благоговейно: спасители... Даже рабочие, образовавшие временную милицию, с надеждой ожидали их и передали власть. И что же? Через два часа пронеслась по городу зловещая молва: прибывшие успели уж избить какого-то редактора местной севастопольской газеты... Температура доверия почти мгновенно упала... Не то, не то, не то!

Прошло еще несколько времени. Командующим войсками в Крыму или комендантом в Симферополе назначается генерал с какой-то двойной фамилией. Не помню ее точно. Очень милый человек, интеллигентный, вежливый, любезный. А в это время, дело было уже зимой, с северных фронтов привезли тысячи раненых и тифозных. Многие замерзли в холодных вагонах. Я сам видел засохшие трупы, как деревянные бревна... О, о! Лютое было время! Не дай Бог никому таких ужасов!

Живых еще разместили по большим зданиям. Часть была в женском епархиальном училище. Военное начальство просит дать училищное постельное белье. Разрешаю, конечно. Приезжаю сам. Длинные спальные помещения не топлены еще. На полу настлана свежая чистая золотистая солома. Тифозные падают на нее почти полумертвые. Добровольцы-женщины стригут их вшивые волосы сначала, потом моют. Отчаянные картины...

Через день-два инспектор училища протоиерей отец А. Зверев приезжает ко мне взволнованный.

— Ваше Преосвященство! Наши одеяла уже гуляют на рынке в продаже. Что же это такое?

Еду к Драй-Драевскому (назову его так). С возмущением докладываю, прошу

принять меры. И что же? Он с любезной, но беспомощной улыбкой отвечает:

— Что же я могу сделать? Девяносто процентов воров!

Невольно опустились руки. Так и гуляли одеяла... Но это не единичный случай. Приехал как-то генерал Кутепов. Навел немного страху. На нескольких телеграфных столбах между городом и вокзалом повесил пять-шесть воров с соответствующей надписью для устрашения. Но он уехал, и опять пошло все по-старому.

Тогда пришла (вероятно, кому-то из гражданских начальников) мысль о вызове в Крым генерала Врангеля. О нем давно ходила легенда как о человеке железной воли и даровитом. Но он был не в ладах с генералом Деникиным и даже получил отставку, проживая со своим другом генералом Шатиловым[14] почему-то в Севастополе на корабле торгового флота «Александр Михайлович» в ожидании окончательного решения дальнейшей судьбы своей.

В это время он, естественно, познакомился и со мною, как с Севастопольским архиереем, приехав в херсонский монастырь, в трех верстах от города. На этом месте крестился 960 лет тому назад святой князь Владимир[15]. И предполагают, что от того времени сохранились нижние остатки стен храма, в коем его крестили. А над ними был воздвигнут огромный чудесный храм в два этажа на средства, собранные по всей России... Какая красота и величие! В одной комнате архиерейского моего дома в углу стояла большая икона Божией Матери древнего происхождения и прекрасного старинного письма. Она ему весьма понравилась. Я и говорю:

— Вот, когда воротитесь в Крым (а уже вышел приказ генерала Деникина выехать ему за границу в Константинополь) командующим, то я поднесу вам эту икону.

Генерал Врангель произвел на меня тогда сильное и прекрасное впечатление.

И вот стоустая молва и наметила его главой тыла в Крыму. Один человек, служивший прежде при государственном совете, обратился (значит, по чьему-то организованному поручению) ко мне и другим главам главных религий с просьбой составить делегацию и отправиться к командующему английским флотом в Севастополе адмиралу с оригинальным предложением. И вот я и представители Католической Церкви, еврейской религии и магометанства в сопровождении того же чиновника, знавшего английский язык, поехали к главному дредноуту. Адмирал, заранее предупрежденный, принял нас любезно в своем кабинете на корме парохода. Боже! Какая роскошь убранства и чистота!.. В России — все разрушено, оплевано, оборвано... Даже не верилось: неужели еще на свете существуют спокойно и с властью адмиралы и генералы? Неужели их никто не преследует, не топит? Неужели еще и честь отдают? Странно все это... И я изложил адмиралу как беспристрастному и авторитетному посреднику дружественной белым державы наши желания: передать генералу Деникину просьбу назначить нам в Крым генерала Врангеля.

Адмирал спросил меня:

— Генерал Деникин есть глава правительства. Лояльно ли мы поступаем, прося его назначить сюда лицо, которое даже не пользуется симпатией главнокомандующего?

Я ответил:

— Мы лишь просим. Просить можно все. Как бы поступил сам адмирал, если бы интересы его Англии казались ему требующими подобного акта?

Он молчаливо согласился. Вероятно, наше желание было передано им. Но ответа от генерала Деникина опять, и на этот раз, не последовало никакого. А генералу Врангелю предложено было оставить пределы юга России. И он выехал в Константинополь.

Я эту историю рассказал лишь для того, чтобы показать, какой неудержимый развал шел в тылу и как мы, простые обыватели, тоже искали безуспешно каких-нибудь путей остановить его. Видимо, белое движение, несмотря на внешний рост его, внутренне слабело. Нужно было ждать конца. И он приближался.

А пока я расскажу о себе самом и о моем аресте.

На Киевском Украинском Церковном Соборе среди архиереев возникла мысль возвести меня в сан епископа Севастопольского. По постановлению Украинского Синода, возглавлявшегося митрополитом Платоном, и с полученного как-то согласия Патриарха Тихона решено было совершить надо мною хиротонию в Крыму пятью архиереями во главе с Таврическим архиереем Димитрием.

Сначала это было мне радостно. Но накануне «наречения» (кажется, оно было 18 февраля 1919 года в Севастополе) на меня ночью напал такой страх, что я готов был бы бежать, отказаться, скрыться: таким недостойным увидел я себя. И лишь утром исповедь у молодого духовника отца Леонида несколько облегчила меня... Вечером нам дали специальный поезд (тогда была власть белых, а в Крыму возглавлял татарское правительство Караим Соломон). И мы служили походную всенощную в вагоне. По этому случаю один из епископов, Гавриил Челябинский[16], известный остроумец, сказал мне с улыбкой:

— Ну, новонареченный святитель! Если ты начинаешь свое архиерейство с путешествия, то, видно, ходить тебе — не переходить, ездить — не переездить!

Пока это пророческое его слово сбывается. Сам он давно скончался в Софии, разбитый и согнутый в виде буквы «Г» параличом. Царство ему небесное...

На другой день, в воскресенье 19 февраля, была совершена и хиротония. Я все продолжал считать себя недостойным и даже плакал, почитая это добрым знаком смирения. Но после литургии, часов около трех дня, приехал из бахчисарайского монастыря мой постоянный духовник архимандрит Дионисий[17], человек исключительный и праведный, впоследствии получивший дар прозорливости. Когда я рассказал ему о мучивших меня чувствах недостоинства, он спокойно ответил мне:

— Это — от диавола, Владыка святой.

Меня поразило такое объяснение, но он даром слов не бросал. После хиротонии был большой банкет для духовенства, представителей власти и друзей, человек на сто. Это было редкое торжество в моей жизни.

Между прочим, на литургии, во время самого момента хиротонии (после *Святый Боже*) в моей мысли пронеслись слова: «Отныне ты должен отдать, если потребуется, и жизнь за Меня» — как бы был голос Господа Иисуса Христа.

В то время я был вторично ректором Крымской Семинарии, семинаристы встретили меня как епископа, сердечною любовью. Тогда мне шел 39-й год. Так исполнилось предсказание валаамского старца отца Никиты. Выше всяких ожиданий, я не только выше «протопопа», но уже сам теперь могу ставить священников. 25 лет прошло уже с тех пор, как мы с матерью шли босиком справляться об экзаменах. Как скоро пролетело это время учения. В целом я учился 21 год! Сколько небывалых штормов пронеслось за эту четверть века... Не верится! И куда унеслась та патриархальная пора детства?! Точно то был счастливый детский золотой сон! А уж не воротиться ему никогда: минувшее минуло. Грядет что-то новое... что-то будет... Неясное впереди...

По чину архиерейской хиротонии старший рукополагавший архиерей Владыка Димитрий вручил мне архипастырский жезл. При этом, по долгу, он сказал приблизительно следующее поучение:

— Ныне среди небесных звезд засияла новая звезда. Среди Ангелов, хранителей Церквей, родился новый Ангел. Среди сонма святителей явился новый святитель. Так знай же, отныне ты ничем, по существу, не меньше нас: и архиепископов, и митрополитов, и патриархов, ибо и они все, по благодати сана, тоже епископы. Ты ныне причислен к лику вселенских святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Ты принял апостольское служение. И вот тебе завещание: не бойся говорить правду пред кем бы то ни было, хотя бы это был и сам патриарх или другие высокие в мире люди...

Я считаю наставление новопоставленным архиереям голосом от Самого Бога и запомнил святительское слово моего архиепископа (которого любил и люблю) на всю жизнь. По мере сил я выполнял эти слова. Были уже случаи, когда я, не смущаясь, говорил правду в глаза митрополиту Антонию Киевскому, и митрополиту Евлогию, и митрополиту Платону. Говорил ее и генералу Врангелю, и иным высоким лицам. Дай, Господи, сил до конца жизни донести это пророчество.

В том же году постигло меня большое испытание.

Белая Армия начала отступать от Орла. В Крыму установилась снова советская власть. В июне, вероятно, меня арестовали. Случилось это так.

Еще прежде группа сыскной полиции посещала наш монастырь. Пришли и ко мне: «Руки вверх!» Поднимаю. А собственно, зачем? Оружием мы, священнослужители, никогда не действуем и не имеем его... Поднял... Поискали, ничего не нашли... И ушли.

Потом приходила комиссия для набора лошадей. Прежде, еще до меня, в монастыре было несколько отличных лошадей, но давно они были ликвидированы. А стойла остались. В них стояла пара худых старых вороных и еще необъезженный карий двухгодичный жеребенок.

— Где же лошади? Стойл десять?— Думали, что мы спрятали.

— Вот все тут.

Кляч не взяли, жеребчика увели.

Но в общем худого мы пока не видели.

А однажды в городе меня посетили две женщины, лет по 40—45. Я людей принимал в предоставленной мне купчихой Пономаревой квартире. Принял одну. Она плачется, что ее сын служит в Белой Армии, может погибнуть.

— Не бойтесь, скоро большевики уйдут!

— Уйдут?

— Да, уйдут.

И она, утешенная, уходит.

Принимаю другую, с золотыми вставленными зубами, что я никогда не любил, особенно в женщинах. У этой муж в Белой Армии.

— Скоро уйдут большевики...

Утешил, ушла.

Вдруг мне блеснула мысль: что за странность? Обе с одной жалобой... Не провокаторши ли? Отворяю аккуратно окно и вижу, как они обе отходят от моего дома и хохочут:

— Какой-то наивный архиерей.

Да, это были из сыскной полиции... Нужно ждать ареста!.. О, как затосковало мое сердце тогда! Кто этого не переживал, не поймет... Вот приедут, вот приедут... А бывало, несется какой-нибудь автомобиль мимо, а у меня сердце замирает — за мной! Проехал — ну слава Богу... Особенно страшно было по ночам: большею частью аресты производились ночью, чтобы меньше было огласки от всяких столкновений. Такая была тоска, точно у загнанного борзыми зайца. И чего только не думал: куда-нибудь уйти, спрятаться? Куда? В лес... А дальше? Да я ведь не иголка, найдут. И еще больше подозрения: куда скрылся архиерей?! Нет, это не выход... А что же? И опять ночей не спишь... Тоска, тоска предсмертная... Так прошло несколько дней.

Однажды утром, часа в четыре, только что разыгралась заря, слышу: в дверь стук, стук, стук!

Нечего делать! Встаю, отворяю окно. Вижу, стоят два высоких солдата с ружьями. Значит, за мной.

— Вам кого?— спрашиваю.

— Архиерея арестовать пришли.

— Я архиерей, подождите, отворю.

В это время проснулся и мой келейник, монах Онисим. Хороший, прямой человек. Сам из бедных гродненских крестьян, он не любил помещиков и богатых и поэтому в глубине души сочувствовал большевикам: они за народ!

Пока я одевался, он утешал меня и все повторял:

— Не бойтесь, не бойтесь, Владыка! Худого не будет. Не бойтесь!— и по телефону передал в монастырь, чтобы выслали лошадь за мною. И странно: когда уж меня пришли арестовывать, пропал всякий страх и тоска. Я спокойно вышел с конвойными. Отец Онисим остался, кажется, в городе.

В это время встало яркое июньское солнышко, веселое, жизнетворное, золотое, смеющееся... Какой прекрасный Божий мир! По улицам уже идут из хуторов и деревень торговки с продуктами на базар. Встали хозяйки и прислуга...

— Архиерея повели арестованного!

Меня, конечно, знал весь Севастополь. Весть скоро облетела весь город... «Куда повели?»— «На Артиллерийскую!»

А меня повели в монастырь, где в то время происходил всю ночь обыск. Дошли мы до конца города, где была тюрьма. Я увидел, что от монастыря уже едет Владыка Димитрий. Обращаюсь к солдатам, они были симпатичные люди, и говорю:

— Давайте посидим на скамеечке, у тюрьмы, вон едет лошадь за нами.

И мы мирно сели. А мне подумалось: «Как хорошо бы было теперь сесть

сейчас сюда в тюрьму, а не в чрезвычайку!» Из тюрьмы начальник выдавал людей по суду или по особому приказу, в чрезвычайке же могли убить без всякого разбора. И вспомнилась мне еще русская мудрая пословица, которую повторяли нам родители: «От сумы и от тюрьмы не отрекайся».

...Подъехал Владыка Димитрий, и мы втроем покатили к монастырю. Там ходили в военных формах солдаты. Ничего они не нашли. Муки в запасе было что-то около 80 пудов на 30 монашествующих — пустяки... А еще? Еще в моем кабинетном столе нашли несколько сот воззваний какого-то белого комитета о помощи сиротам — детям убитых в немецкую войну офицеров... И? И... фотографическую карточку моего милого Мити Мокиенко. Ее поставили мне в главную улику.

Как только мы слезли с коляски, я направился в свою архиерейскую, большую и красивую квартиру. Солдаты спокойно предоставили меня самому себе, будто бы они привезли не государственного преступника, а доставили друга в собственный его дом... Но они еще пригодятся нам, читатель.

Конечно, эти записки не представляют из себя ничего чрезвычайного, глубокомудрого. Пусть другие усмотрят за этими картинами что-либо сокровенное, философское. А я просто описываю жизнь, как она уложилась в моей памяти. Так было... Так казалось мне... Все было просто... И пусть читатель, такой же обыкновенный, как и я, не ждет здесь каких-нибудь исторических откровений, политико-социальных ответов мирового масштаба. Может быть, кому-нибудь все это покажется слишком упрощенным, обыденщиною, хотя и в революционное время, но я даю, что могу. А более глубокие люди пусть углубляются уже сами...

Так же просто опишу и чрезвычайку... Какое это было грозное слово! У меня, как вижу, и она выйдет просто... Пусть не удивится и этому читатель. Жизнь иногда бывает в действительности значительно проще, чем мы ожидаем. И наоборот. Опишу же чрезвычайку, каковою она предстала мне в реальности. Заранее предупрежу, что мне приходилось слышать о других местах заключения гораздо более страшные вещи, чем как я наблюдал тут.

Как уже я говорил, с момента ареста меня добрыми солдатами я стал почему-то спокоен. И это спокойствие не покидало меня потом почти все время заключения, в течение 8—9 дней. Спокойно я приехал, спокойно пошел. Я уже ожидал, что у меня будет обыск. Так и было. Я знал, что у меня не было и нет ничего подозрительного с точки зрения сыска, не потому, что я припрятал что-нибудь, а просто потому, что такого ничего не было. Единственное, что меня беспокоило, это домовая книга, куда вписывались гости при въезде в монастырь и выезде. Среди адресатов был какой-то член кадетской партии, и только. Эта книга небрежно валялась на подоконнике в коридоре перед моей квартирой. И никто не обратил на нее внимания уже потому, что она так открыто была оставлена. Да и чего бы там нашли? Голые фамилии.

Нетрудно было перерыть письменный стол, и тут вот нашли офицерскую карточку Мити. Ну, ясно, архиерей белый, если дружит с белыми офицерами. И потом на это указали, как на знак «контрреволюции». Спорить было невозможно! Мои разъяснения, что это мой личный умерший друг, не помогли бы, а еще больше отяготили: ага — друзья?!

А в это время было чудное утро: небо без облачка, тишина, яркое летнее солнышко, зелень деревьев, пахучая трава, рядом — шелест волн Черного моря! Какая красота! И только человек беспокоен...

Отряд чрезвычайки состоял из 10—15 человек во главе с предводителем, по фамилии Давыдов, но настоящая фамилия его была Вульфсон, еврей, как он сам сообщил. Я сошел со второго этажа дома вниз. Здесь около дерева собрались все монахи, 20—30 человек, и отряд обыска. Давыдов сказал мне, чтобы приготовили им завтрак. Я дал распоряжение соответствующему монаху, а пока между нами неожиданно завязался богословский спор. Я его помню почти буквально.

— Посмотреть на ваше лицо,— обращается ко мне начальник отряда,— кажется, вы интеллигентный человек.

— А в чем же дело? — спрашиваю.

— А в том, что вы все-таки занимаетесь глупостями.

— Например?

— Вот учите, что Христос воскрес!

— А вы думаете, что Он не воскрес?
— Конечно! Просто он был в летаргическом сне временно.
— Откуда же вы это знаете?
— Я читал одну книжку... Гм, гм...
— Какую?
— Не помню уж!
— Может быть, помните автора ее?
— И этого не помню. Я ведь не собирался вести с вами богословский диспут, чтоб запоминать их.
— Я знаю книжку эту и автора... Это простая, недавно выдуманная повесть, а совсем не исторический документ. А о подобных вещах нужно говорить серьезно, научно, а не на основании романов.

Он обеспокоился. Но, не желая так легко сдаваться, бросился на другой вопрос:

— А вот вы еще учите нелепости, что Бог троичен!
— Вы думаете, что это невозможно?
— Это противоречие: один не может быть три!

Конечно, тут не место было пускаться в гносеологические рассуждения об инородности двух миров, об относительном значении — и то лишь для этого мира — так называемых «законов мышления», которые суть не что иное, как лишь сведенные к общим формам свойства этого бытия. Что эти «законы» абсолютно не могут простирать своего значения на «иной» мир, у которого потому и свои, иные законы — формы; что всякое бытие, а в особенности Божественное, непостижимо для ума, а открывается непосредственно, и т. д. И потому мне пришлось обратиться к другому методу защиты — к аналогии, подобию. Конечно, всякий умный человек тоже знает, что никакая аналогия ничего не доказывает и не объясняет по существу, так как все вещи в мире «абсолютны», единственны, неповторимы. Но обычно к ним прибегают, чтобы сбить легкомысленных противников, поставить их в тупик.

— Вы образованный человек? — спрашиваю.
— Да, я кончил реальное училище.
— Тогда я вам могу сказать, что не только из трех, но даже из семи может быть одно.
— Как так?

И он, и члены отряда, и монахи наши слушали меня и наш спор напряженно.

— Очень просто. Вы из физики знаете, что так называемый белый цвет, который нам кажется самым простым, невыкрашенным, в самом деле является самым сложным. Он состоит из семи основных лучей: фиолетового, красного, оранжевого, желтого, зеленого, голубого и синего цветов. Но когда они соединяются вместе, получается белый. Это мы с вами сами видели в школе на опытах физики. Семь и один. И если пропустить этот белый луч солнца через треугольную призму, то один цвет снова разлагается на семь! Отсюда и радуга как результат преломления лучей в капельках воды. Все это вы знаете. Правда?

Мой оппонент был так озадачен, что ничего не нашелся ответить, а монахи, должно быть, были довольны. В это время «трапезный» доложил мне: «Завтрак готов». И отряд за мною пошел в трапезную, шагах в тридцати пониже. Я уже не сел на хозяйское место во главе стола, а занял место справа. Против меня сидел начальник, дальше — члены отряда. Подали молочную кашу (в монастыре были свои коровы на особом скотном дворе), молоко, яйца, масло, белый хлеб.

Чуть не в самом начале завтрака сидевший напротив меня начальник отряда обращается ко мне и говорит, сжимая кулак (стол был шириною четвертей в 5—6, не больше):

— Я сам бы всех попов перерезал!

Что я мог сказать на это? Если бы он в этот момент и застрелил меня, все равно был бы безответен. «Белый» архиерей, а разве белые в то время что-нибудь стоили? Для них был один ответ: «К стенке», или «Вывести в расход», а иногда еще говорили: «Отправить в штаб Духонина». Генерал Духонин был при Керенском начальником главного штаба на фронте, потом был убит большевиками-солдатами. «Отправить в его штаб» значило — убить. Мне ничего не оставалось,

как промолчать. А что я тогда почувствовал, не помню. Если не ошибаюсь, то мне было все равно. Странное спокойствие не покинуло меня и тут. А Давыдов еще добавил:

— Вот и того, предателя вашего, тоже нужно бы повесить.

И он указал мне на офицера, сидевшего последним в ряду завтракавших на стороне начальника. Я взглянул на него. Прежде я как-то не заметил его: или он скрывался от меня ради своего предательства, или я не успел обратить на него внимания среди чужих людей. Между тем он выделялся один из всех, так как был одет в светло-серую шинель, какие носили наши щеголеватые офицеры. Другие были одеты или в коричневые военные рубахи, или френчи. Указанный офицер (так хочется мне назвать его) был среднего роста, но тощий, беловолосый, про таких людей говорят иногда: «Так, ничего себе!» Серое впечатление, но неплохое, обыкновенное. Посмотрев на предателя своего, я совершенно не испытал к нему никакого чувства, ни дурного, ни хорошего, а скорей безразличное, немного жалкое: «бедный, несчастный». И могу уверить, ничуть не осудил его. А разве он был хуже сидевшего напротив меня, готового «перерезать всех попов»? Но и к этому я отнесся тоже равнодушно: будто никто ничего не сказал мне. Тогда все подобное было в порядке вещей, и даже более страшное, то есть реальная смерть стояла перед каждым из нас, белых, всякий час.

Оказалось, что этот белый офицер как-то попался в руки красных, но его не убили сразу, а предложили быть шпионом. Он избрал эту тяжкую долю. Всякий может понять, какое несчастье быть подневольным сыщиком! Недаром иные предпочитают расстрел сразу. И вот он по указанию нового своего начальника направился к духовным лицам, к архиереям и монахам. Священников тогда еще не трогали. А я редко жил в монастыре: дела требовали присутствия архиерея в городе.

Офицер не знал этого. Пришел (вероятно, в светской одежде, не знаю) в «Херсонию», так называли наш монастырь, и обратился с просьбой укрыть его от большевиков как белого. Кто-то из иноков ответил ему, что у нас опасно обеим сторонам: близко город. И посоветовал отправиться в более отдаленный монастырь, Георгиевский[18], стоявший на высоком чудном берегу Черного моря, в 12 верстах от Севастополя. Там настоятелем был архимандрит Мелхиседек, ученик знаменитого святого старца отца Иоаны Киевского. Отец настоятель был мягкосердечным человеком, очень полным, с необыкновенно длинными густыми волосами с проседью. По доброте и почти детской доверчивости своей он сразу принял «преследуемого», а чтобы его не увидел кто-нибудь случайно в монастыре, то отец Мелхиседек отправил его на хуторок, «караулить рожь»... Наблюдателю же только и нужно было, чтобы иметь основания для обвинения... Кажется, из «ржи» он отправился и в третий монастырь — Инкерманский[19] — над бухтой того же имени, потому что, как увидим, в чрезвычайке оказались главные монахи из всех монастырей.

Завтрак прошел мирно... Кстати, наблюдатель, хотя и офицер, сидел после всех солдат отряда, как низший.

Затем начальник объявил мне, что я и другие четыре-шесть начальствующих монахов арестованы и должны отравиться в «контрольный пункт», так называли еще «чеку», или Чрезвычайную комиссию. Это приказание тоже не удивило никого из нас, как ожидаемое. У отряда было несколько автомобилей. Один из них предназначался для увоза архиерея, и потому кому-то не хватало места. Все мы — и хозяева, и подчиненные — направились из трапезной к стоянке автомобилей. Но перед тем, как уже садиться в них, члены отряда, оставленные для охраны меня, видя наше смирение и покорность, говорят:

— Ну, вы и так пешком дойдете, а мы поедем. Садитесь, товарищи!

И все они сели и умчались. С нами (если не изменила память) остались опять те же два добрых солдата, которые сюда меня и привели. И мы, семь-восемь человек, спокойно двинулись обратно в Севастополь.

Ничего, кроме того, что на нас тогда было, нам не позволили взять. Да и зачем? Если смерть, ничего не надо, если живы будем — вернемся к своим вещам. Но в тот момент никто из нас о них и не думал.

...А между тем утро все было такое же прекрасное, лишь солнышко южное начало сильно припекать. Когда мы приближались к городу, я увидел на «Артилле-

рийской» возвышенной стороне его странное зрелище: над ровным обрывом (или спуском) горы стояли стеною люди... «Как свечи»,— подумалось мне... Весь город уже узнал о моем аресте от тех случайных прохожих, которые видели меня еще рано утром: «Архиерея арестовали!» Это вызвало в массе народа сильное чувство неожиданного и большого события. А, слава Богу, простой народ везде (и доселе благодарю Бога!) относился ко мне с любовью, тем более сочувствовал он мне теперь в аресте, за которым часто стояла другая опасность...

Миновали мы опять знакомую тюрьму... В ней мне придется-таки потом побывать, но позднее и при других условиях...

Довели нас до чрезвычайки. В Севастополе стояли почти рядом два дворца: Большой и Малый, оба принадлежали морскому ведомству. В Малом помещалась чрезвычайка.

Нас провели в полуподвальный этаж (тот, что в Америке называется «безмент»). И вдруг вижу: тут наша монашеская братия! С улыбками расплакались. Те тоже мирны будто бы. Помимо монахов, в этой же комнате были два офицера, один купец, домовладелец из Санкт-Петербурга, еще кто-то... Всего в ней нас было, если не ошибаюсь, 27 человек. Почему-то эта цифра всегда в моей памяти об аресте. А пространством комната была невелика: примерно 2 на 2 сажени, то есть 4 квадратных сажени. По опыту постройки Тверской Семинарии я помнил, что по архитектурным законам постройки церквей на квадратной сажени полагается по 15 человек стоять. Следовательно, тут можно было поместить стоя 60 человек, но мы же должны были еще и спать. Однако скажу, не в тесноте места был вопрос, а в недостатке воздуха. Если б мы не держали окно (было лишь одно) день и ночь открытым, мы могли бы задохнуться. Мебели было — всего одна мягкая кушетка. Сидели и спали мы на полу. Вши ползали по нам, как и везде в подобных местах. Кушетку арестованные предоставили мне в знак почитания старшего по чину. Но я спал и на голом полу, мне казалось, там чище и меньше насекомых, чем на кушетке... Не успели мы как следует осмотреться, как слышу через дыру лестницы характерные звуки зарядов ружейных: так-ти-так... Закладывали патроны... Расстреливать?

«Неужели,— думаю,— уж и конец сейчас? Так скоро?!»

На душе — все то же равнодушие... И невольно вспоминаешь опять Митю около железных ворот церкви святой Екатерины, ожидавшего еще более «деревянно» расстрела.

Слышу, как по ступенькам слезает человек... Высокий, военный. Это был главный комендант чрезвычайки матрос Булатников, вооруженный револьвером большого размера. В самом ли деле такая звучная была его фамилия, или он, как и многие тогда, выбрал себе грозный булат для имени. Не знаю. Но тогда (и всегда в истории) любили в революционные моменты выбирать псевдонимы или что-нибудь особо выразительное. Например, прежний сыскной отряд в Севастополе назывался «храповцы», по имени начальника Храпова. У белых была «дикая» дивизия, корниловцы носили, кажется, нарукавные нашивки — череп с костями; Ленин, Сталин, Троцкий, Ярославский, Демьян Бедный и проч.— все это псевдонимы, отчасти старые, предреволюционные, когда нужно было скрываться под чужим именем, а отчасти новые, когда не всякому хотелось показывать настоящее имя свое, как, например, глава безбожников[20], и проч. ...

Но Булатников не производил грозного и жестокого впечатления. Скорее, он был человеком умеренного характера, но, разумеется, решительный.

Остановившись на предпоследних ступеньках, он резко сказал, обращаясь ко мне:

— Отец! Идите наверх. Народ желает видеть вас.

Значит, еще не конец. А заряжали ружья потому, что грозила опасность.

Меня вывели на крыльцо Малого дворца. Оно было низкое и огорожено чугунной решеткой. Тут нас стояло человек пять, а может быть и десять, с Булатниковым и Давыдовым во главе. А перед нами колыхалось, как говорят, «море голов». Все пустое пространство было забито народом. Не знаю, сколько сбежалось сюда: одна тысяча или пять тысяч... Множество. Больше все женщины. Тогда женщины как-то смелее выступали. Объяснялось это тем, что с женщинами обращались снисходительнее и деликатнее, чем с мужчинами, а кроме того, мужчине в революционное-то время точно стыдно было показывать свои мягкие чувства: тогда все пылало, гремело грозою.

Когда я показался на крыльце, в толпе поднялся невероятный шум, крик, плач. Давыдов, стоящий справа от меня, говорит тихо:

— Попросите всех разойтись по домам.

Я стал махать рукой... Толпа стихла.

— Братья и сестры! Вот этот господин (тогда это слово было запрещенным, а товарищем я не привык называть кого-либо, да это было и небезопасно: какой же ты, скажут, нам товарищ?! Много после стали называть «гражданин») предлагает мне просить вас разойтись по домам. Прошу вас искренно: разойдитесь, все под Промыслом Божиим. Предоставьте меня Ему и разойдитесь...

Снова поднялся крик:

— Не уйдем! Освободить его! За что арестовали!

Перед самым моим лицом, лишь немного налево и чуть пониже, стояла какая-то молодая женщина лет тридцати, здоровая, цветущая, черноглазая. Она тоже кричала что-то. А солдат, стоявший с ружьем возле меня, говорит ей:

— Э-эх! Немцев бы на вас. Они показали бы, как орать тут!

Мгновенно она продернула правую руку через решетку и прямо — в глаза солдату, точно кошка, чтобы выцарапать их, и завизжала:

— Ах ты, окаянный! Он на нас, русских, да немцев кличет! Ах, ты-и!

Солдат, опешивший от неожиданного нападения такой горячей души, отвел быстро свое лицо и ничего ей не ответил. А мне уж не до того было. Все сильнее раздавались крики: «За что? За что?»

Я опять дал знак рукой, люди замолчали. Кто-то выкрикнул:

— За что арестовали?

— За контрреволюцию,— ответил вместо меня Давыдов.

И тут вспомнился мне Митя и его фотография. А потом он дотронулся до моего правого плеча и будто совершенно вопреки всякой логике сказал народу с улыбкой:

— Этот товарищ еще будет работать с нами.

Записываю эти слова потому, что они были в моей истории... Разумеется, я промолчал, подумал совсем обратное.

Откуда и почему ему пришла такая мысль, я и доселе понять не могу〈...〉.

Но как и Патриарху Тихону, [так] и многим другим из нас трудно было еще становиться на новые социальные пути. Да и народу, как видно из этой картины, нелегко было сходить со старых путей.

Народ опять начал кричать. Тогда я обращаюсь к Булатникову и говорю:

— Отведите меня лучше обратно, бесполезно просить их.

Он согласился, и я воротился в «арестную» комнату. Что было потом, я сам не видел. Только слышал невероятный гвалт... И с ужасом начал думать: «Неужели сейчас начнут расстреливать этот милый народ?!»

После передавали, что вызвали роту матросов разгонять толпу. Но матросы будто бы (может быть, это легенда) отказались заниматься этим негеройским делом. Тогда затребовали пожарную команду, чтоб поливать народ, но (это уже, наверное, легенды) бабы распрягли лошадей и потащили со скамей своих мужей и братьев. Пожарные были из того народа, что и защитницы мои.

Тогда объявили город на военном положении. Расставили пулеметы и грозили расстрелом. Народ вынужден был расходиться.

После, на допросе, Булатников сообщил мне следующее:

«Когда мы вас вывели к народу и вы обратились к ним, я держал уже револьвер на взводе и решил: если б вы сказали хоть одно слово против нас, то я убил бы вас. Пусть и мы погибли бы, но и вам не жить. Но вы вели себя прилично».

Так именно «прилично» и было сказано.

После прихожане под председательством старшей сестры Владимирского собора, жены генерала П-ва, собрались в нижней церкви Покровского собора для выработки мер защиты. Но отряд чрезвычайки явился туда с саблями наголо (так это все потом рассказывали в городе) и разогнал их. А генеральше будто бы порезали даже руку. Порядок водворили. Однако этот протест народа не прошел напрасно. Начальство разрешило четырем представительницам прихода являться по утрам в чрезвычайку и осводомляться о моем состоянии.

Один из защитников вообразил, что мне уже переломали ноги и руки и увезли

в Одессу на казнь. На этой идее он сошел с ума и был отправлен в лечебницу... Боюсь сказать сейчас, но кажется, меня после возили к нему, чтобы он убедился в фантастичности своего воображения. И он оправился. Зато одна из четырех прихожанок-делегаток, посещавших меня в чрезвычайке, скончалась от разрыва сердца. Так сохранилось в моей памяти. Генеральшу большевики после не трогали, и она скончалась мирно. Одна женщина, выехавшая из Крыма в Сербию, передавала мне следующий рассказ об этом. Чуть не в полночь пришел к ней духовник, архимандрит Дионисий, человек замечательный — раб Божий. Домработница (прислуга, по старому выражению) встречает его в испуге:

— Батюшка, барыня помирает!

— Я знаю об этом,— сказал он смиренно,— потому и пришел причастить ее.

И она тут же скоро скончалась.

Потом начались нудные бесцельные дни сидения, точнее, лежания на полу. Припомню более интересные случаи из нашей жизни.

Наши монахи были хорошими певцами. И мы устроили ежедневные утренние и вечерние богослужения на память. Остальные заключенные не протестовали. Тюрьма тоже помогает думать о Боге. Наше громкое пение через окно неслось на улицу, от которой нас отделяла высокая каменная стена, так что мы ничего не могли видеть. Но пение привлекало людей. Говорили, что прохожие останавливались и со слезами крестились. Начальство наше дня два дозволяло нам эти службы, но потом, вероятно, из-за внимания с улицы разрешило молиться лишь тихо, без пения. Мы смирились.

Вечером, когда уже было совсем темно, я был невольным свидетелем характерной суеты (картины.— *Ред.*). Между нашим окном и стеною ходил дежурный часовой, солдат лет 20—23. Когда он услышал наше пение, вдруг, не дойдя еще до окна, остановился в благоговении, снял солдатскую фуражку, вынул изо рта папироску и застыл. Но потом, точно вспомнив, что он уже не старорежимный солдат, а большевик-революционер, а мы — преступники, часовой как-то особенно резко нахлобучил картуз, вставил снова папироску в зубы и важно зашагал по узкому промежутку...

«Боже, Боже,— подумал я, увидев всю эту картину,— ну какой же он безбожник? Просто — дитя революционной моды... И что еще будет из него?»

Конечно, нам давали какую-нибудь пищу, но я решительно не помню теперь, что именно. Дозволялась передача пищи с воли. И этого не помню. Лишь один случай запечатлелся навсегда. Приходит начальник стражи, молодой еще человек — лет 27—28, красивый и милый брюнет. Подносит мне огромное блюдо (на юге называли его «макотра», или «макитра»: мак трут в них) пирожков с вишнями, только начался их сезон.

— Владыка! Это вам от моей мамаши.

Я поблагодарил. Беру. А он в это время тихо шепчет мне:

— В углу в шляпе шпион...

Удивительна душа человеческая, тут же служит, и, конечно, искренно, а не провокаторски, и тут же предупреждает поднадзорного.

Я после его ухода передавал монахам предупреждение. Но и без этого мы ничего не говорили подозрительного. Всякий понимал, что тут не место для откровенности. А он лежит себе и в потолок смотрит, будто равнодушен. Через дня два его убрали. Очевидно, не было смысла надзирать за нами, мирными людьми. Да и часовые были бесполезны: никто и не думал удирать из заключения, ни монахи, ни светские.

А макитру с пирожками я передал ризничему нашего монастыря отцу Амвросию, тому самому, которому пришлось поклоны отбивать за ночевку в городе. Теперь он тут же, в городе, ночует, но уже покаянных поклонов не бьет. Отец Амвросий, по нраву ласковый, был «единогласно» избран нами «хлебодаром» — как рассказывается в истории Иосифа Прекрасного. Что приносилось нам с воли, то все передавалось ему, а он уже делил это между всеми арестованными, не исключая и мирян. Известно, что в общем несчастье люди делаются дружнее и милосерднее. Да и стыдно было бы нам есть, а другим не давать. Между нами было два офицера. Их выпустили, и нам почему-то подумалось: недаром! Вероятно, и от них потребовали компенсации в виде слежки. Что-то очень спокойно и молчаливо они ушли из заключения.

Однажды прошелся по нашей камере Коржиков, служивший здесь. Я с ним познакомился как-то за чаем у той же купчихи Пономаревой, где я имел до ареста квартиру. Но тут он сделал вид, что я не известен ему... Мы скоро с ним еще встретились, но в другой обстановке... «Заглянул» как-то один матрос, не из служащих, а посетитель. Почему-то ему разрешено было спуститься и к нам.

Представьте себе красавца блондина футов в шесть. Точно статуя Аполлона! Шагая по камере, он начал кричать с невероятной злобой и буквально со скрежетом зубов:

— Где тут вениамины?! — И страшное бранное ругательство.— Мы вам покажем контрреволюцию! — и снова невероятная матерщина...

Мы все молчали. Так он и не узнал, кто из монахов Вениамин... Наругался, натешился и ушел.

Но это был единственный случай за восемь дней ареста. Остальные все были сдержаны с нами.

Только однажды мы слышали отчаянный крик этажом ниже... Почему? — непонятно. Но на другой день оттуда перевели в нашу камеру моего (второго) келейника Ивана. И он сообщил, будто бы били бутылкой по голове какого-то рабочего-меньшевика. За что — не знаю.

Дней через пять к нам впустили нового товарища по заключению. Это был молодой офицер, красивый, миловидный блондин, с розовыми, как у девушки, щеками, с голубыми глазами, лет двадцати пяти. Веселое смеющееся лицо, пощелкивание пальцами, иногда с приплясыванием,— все это нас поразило. Как ни были мы спокойны, но все же мы не улыбались и не танцевали, а он точно на товарищескую пирушку пришел.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Зовите Сережей. А фамилия моя — Солнцев.

Так Сережей и звала его вся камера. Он нам рассказал, что арестовали его за дело — фальшивое употребление каких-то печатей. Но не унывал, надеясь, что вина его не столь большая. Сообщил, что до революции его стихи печатались уже в «толстом» журнале, кажется, в «Русской мысли». На нем была длинная кавказская бурка.

Мы все сразу полюбили нашего тюремного соловья.

Прошло два дня. Вдруг видим, что наш Сережа неожиданно замолк и стал печальным. Надел бурку и обратился ко мне с просьбой:

— Владыка! Разрешите мне прилечь на вашей кушетке.

— Она не моя. Ныне вся собственность национализирована,— сшутил я.— Пожалуйста!

Он завернулся в бурку и лег.

— Сережа, что с вами? — спрашиваю его.— Заболели?

— Нет,— ответил он протяжно и уныло,— здоров. Но только чует душа моя, что не выйти мне отсюда живым...

— Почему? Вот двух офицеров же выпустили отсюда!

— Да-а! Но мне не выйти...

И сколько мы ему ни доказывали, он не убеждался. Так и пролежал в бурке день и ночь. На другое утро он обратился ко мне с неожиданной просьбой:

— Владыка! Скажите мне что-нибудь о Христе, и именно как о Боге, Сыне Божием. Вы знаете, что мы, интеллигенты, в сущности, неверующие. Ничего как следует не знаем.

И что-то еще говорил об интеллигенции и себе.

Я подсел к нему на «мою» кушетку и стал говорить о Божестве Иисуса Христа... Вероятно, я в жизни никогда не говорил так горячо и убедительно, как в этой страшной тюрьме! Все заключенные, не только монахи, но и светские, слушали с молчаливым вниманием... Может быть, я говорил час, время промелькнуло незаметно. Когда кончил, Сережа схватил мои руки и с каким-то радостным непонятным смехом стал благодарно целовать их.

— Еще у меня есть один вопрос: как вы христианское учение о личном спасении души примиряете с нашей интеллигентской верой о преимуществе общественного служения?

— Это завтра, а ныне довольно о Христе Господе.

Действительно, на другой день я говорил ему и на эту тему. А он снова задал мне третий вопрос, не помню уж какой именно.

— Но знайте, Сережа, ныне меня будут допрашивать, а завтра, вероятно, выпустят. Из-за ваших же вопросов,— говорю шутливо,— мне придется добровольно оставаться здесь.

Конец будет дальше... А пока я вспомню один из вызовов меня «наверх», в комендантскую канцелярию. Как я писал, четыре прихожанки приходили осведомляться обо мне и посмотреть. В комнате сидело два человека: помощник коменданта Булатникова — еврей в военном френче, увешанный оружием, лет тридцати, и еще юноша, мальчик, русский, лет семнадцати, писец.

Женщины что-то рассказывали мне о народе. Я не удержался, и слезы покатились по щекам моим. Помощник коменданта, увидев это, сказал довольно мягко:

— Не плачьте, не плачьте, отец! Может быть, мы вас еще и не расстреляем.

— Я не об этом плачу... А народ хороший. Это радостно. От радости плачу.

Тут вмешался мальчик:

— Владыка! Вы скажите своим верующим, чтобы они вели себя прилично на улицах!

— А в чем дело?

— Да вот я иду по улице, а кто знает, что я здесь служу, кричат мне: «Жид, жид». Я им говорю: «Я не жид, а русский». А они говорят: «Кажи (покажи) крест!» Ну, а я ж креста не ношу. Передайте им, чтобы вели прилично.

И все это он говорил с веселой улыбкой...

Странная ведь жизнь: тут и трагедия с возможным расстрелом, тут и комедия с обвинением в жидовстве...

Нужно сказать, что на севере говорят еврей, а не жид, а на юге, от Крыма до Галиции и Карпатской Руси и Польши, употребляют слово «жид» без всякой обиды, как французы говорят le juif, американцы — jew, немцы — jude и в Евангелии: «жид, «жидове», от племени Иуды. Кстати сказать, скажу несколько слов о евреях.

Существует среди некоторой части русского общества мнение, будто всю революцию они сделали.

Я не знаю состава подпольных организаций, но то, что я видел, не позволяет мне соглашаться с таким огульным обвинением. Наоборот, я полагаю, что революцию делали и сделали свои русские люди, подготовляя ее сто лет, начиная от русских декабристов до князей Рюриковичей в Государственной Думе. Разумеется, прилипло к ним очень много и евреев, недовольных своим тяжелым положением, в каковом я лично виню не только лишь правительство, но и самих евреев... Этот вопрос трудный и неизживный до конца истории человечества. В момент революции евреи дали огромное количество служащих на всех поприщах: послов, консулов, комиссаров, политиков, комендантов, чекистов, чекисток, изредка военных. Все это было на виду у всех, а евреи даже подчеркивали свои права и власть. Как сейчас, помню двух евреев-студентов в Москве в первые дни революции. Они шли с высоко поднятыми головами, и притом не по тротуару, а посередине улицы. Известны всем имена таких видных вождей революции, как Винавер, Троцкий, Литвинов, Свердлов, Сокольников, Каганович и проч. Но я снова повторяю, что революция в России была общим делом народных масс. Лично я больше слышал, чем видел их. Но, конечно, их было много, много тогда на верхах и в канцеляриях.

Однажды в Крыму я даже задал вопрос бывшему фельдфебелю, одному из «храповского» отряда, приехавшего делать обыск:

— Почему у вас так много евреев?

— А как же?! Вы, интеллигенты, пошли против нас, саботажем занялись. Мы же люди малограмотные, а нам нужны везде люди образованные, и с иностранцами сноситься надо, а они знают языки. Вот мы пока их и взяли на службу.

Это «пока» мне врезалось в память. И постепенно оправдалось. Чем дальше шло время, тем все больше воспитывалось собственное молодое поколение, которое начало занимать все места. А теперь мы видим, что евреев становится везде все меньше и меньше.

Не говорю уже о том, что по советским законам правами гражданства пользуются все, без различия рас. К. Маркс, сам еврей, верил и говорил, что лишь в социалистическом трудовом строе евреи, вынужденные и имеющие право трудиться,

как и все, изживут темные стороны своей материалистической натуры.

Не знаю, сбудется ли это? Ведь среди евреев тоже существует глубокое деление на бедных и имущих. Но теперь история знает не только защитников советского строя, но и весьма значительный процент буржуазно настроенных евреев и печатных органов, противников его. Советский строй требует труда и уничтожения эксплуатации.

Однако должен сознаться, что недружелюбное отношение к евреям было довольно широко распространено среди общества во время революции. Я даже думаю, что в народных массах не было любви к ним, а просто они были «нужны» пока.

Расскажу в заключение еще два-три отрывочных воспоминания о них.

В селе Р. Таврической губернии был аптекарь-еврей. Он дружил с местным священником отцом М. Как-то при встрече со мною батюшка рассказал такой разговор между ними:

— Вот теперь нам, духовенству и офицерам, стало очень плохо, а вам хорошо.

— Ну, так всегда бывает: вами начинают, а нами закусывают.

В другой раз я ехал на пароходе из Новороссийска в Крым и познакомился с одним студентом-евреем... Он оставил во мне прекрасное впечатление человека духовно чуткого, справедливого, умного, сердечного.

По поводу чрезмерного еврейского участия в революции он искренно огорчался и с грустью тоже ждал для своего народа весьма печальных результатов от неумеренного усердия.

Еще вспоминаю, как один редактор газеты говорил, чтобы евреи из первых рядов передвинулись бы назад, в тень: им же лучше.

Есть такой еврейский писатель — Я. Бромберг, написавший исключительно сильную книгу под заглавием «Европа, Россия и еврейство»[21]. Там он жестоко нападает на свой народ за участие в большевистской революции.

Сильнее этой книги я не читал о евреях...

Вышел интересный ежегодник во Франции «Еврейский мир»[22]. Там много интересного материала, написанного исключительно евреями — выходцами из России.

Но я не буду углубляться в этот больной вопрос, я расскажу о трех случаях, касающихся религии и революции. Еще при генерале Деникине, когда пала белая Одесса, приходит ко мне в Симферополе, как к заместителю епархиального архиерея, плотный щеголеватый господин «по делу». Оказалось, он адвокат из евреев.

Просит разрешения крестить его. Я спрашиваю, как он понимает христианство? Как верует во Христа? Читал ли Евангелие?

Он отвечает, что Христос — учитель морали, проповедник между людьми... Евангелие не читал. Я ему объясняю, что это не христианское учение о Христе, а в лучшем смысле — толстовское. Он не спорил.

— А как вы пришли к этому желанию? — спрашиваю я его.

— Видите, я был адвокатом в Санкт-Петербурге. Началась революция. А у нее, хотя туловище-то русское, руки и ноги латышские (тогда много было латышей в ЧК), а голова-то еврейская. Я против революции, и мне хочется совсем слиться с русскими. По культуре я давно русский, а теперь хочу сделаться им и по религии.

— Ну, это, знаете, совсем не глубоко. Впрочем, допустимо, если б вы знали и принимали основы христианства. А вы даже Евангелия не читали. Но почему вы избрали именно этот момент, такой запутанный для решения столь важного вопроса?

— Из Петербурга я бежал от большевиков на юг и тут занялся торговлей. Приобрел пароход и торгую углем. Теперь я ехал с Кавказа в Одессу, а ее уже заняли большевики. Я застрял в Севастополе, жду уже две недели. Вот решил использовать свободное время для осуществления давнейшего своего желания.

Я отказал в крещении и посоветовал узнать сначала христианство хотя бы по Евангелию.

Но зато другой случай — поучительный даже для русских интеллигентов и духовенства нашего.

Приходит ко мне в Севастополе, около того же времени, молодой еврей,

студент-технолог, и тоже просит разрешения креститься. Никаких выгод, даже и брачных, у него не было. На все мои вопросы о вере он отвечал четко и правильно. Тогда я задал ему вопрос:

— А вас, интеллигентного человека, не смущает то, что в нашей религии все основное таинственно, сверхрационально?!

— Например? — спрашивает он.

— Да все: и Бог, и Троица, и Воплощение, и Воскресение, и Святой Дух, и Таинство Крещения, Причащения, чудеса — все это же тайны, тайны для нашего ума. И интеллигентному человеку все это кажется неприемлемым, потому что «противоречит» законам мышления, как говорят обычно.

— Нет, меня все это не смущает. Наоборот, так и должно быть!

— Как так? — с удивлением спрашиваю его я.

— Да ведь законы нашего мышления касаются лишь этого мира. И следовательно, там, где начинается область иного, сверхъестественного мира, на этой грани кончается действие естественных законов и нашего мышления.

Я это знал прежде, еще со времен лекций в Санкт-Петербурской Академии, но услышать такой вдумчивый глубокий ответ от интеллигентного молодого человека было для меня отрадой и почти невероятной неожиданностью! Могу сказать, что только один из тысячи (да и то едва ли еще?) интеллигентов способен так верно и вдумчиво ответить...

Как это далеко от спора со мною Вульфсона-Давыдова!

Разумеется, крещение я разрешил с радостью.

Наконец, еще случай. В Ялте жил один еврей — выдающийся политический деятель кадетской партии и писатель П. Когда пришли большевики, он не успел скрыться, и ему грозила казнь. Ища убежища, он бросился к священнику, отцу С. Щукину, прося укрыть его. Отец Сергий сказал: весь дом к его услугам! И предложил ему зайти в кабинет. Помолился тут же за него, затворил дверь и ушел в другую комнату... Неизвестно почему, обыск налетел и на квартиру отца Щукина. Обошли все комнаты, а кабинет не отворили, точно не видели этой двери. Человек спасся. Я слышал сам об этой истории. Но возможно, что подробности позабылись. После этот еврей ушел с белыми за границу и умер.

...Но пора уже воротиться и покончить с моей чрезвычайкой.

Настал день суда над нами. В какой-то полуподвальной низкой просторной комнате сидело за длинными столами пять человек следователей. Лишь один из них, с бородою, имел вид интеллигента. Прочие были из солдат, матросов. Мне попался бывший учитель (как говорили) сельской школы, тот самый Коржиков, о котором я упоминал как об одном из посетителей нашего подземелья. А с краю сидел и тот помощник коменданта, еврей, который утешал меня, что, может быть, я еще и не буду расстрелян. Председатель суда, известный Булатников, сидел в середине. Перед допросом он неожиданно обратился к этому еврею, предлагая ему удалиться. Неужели потому, что он не желал присутствия еврея, когда русского архиерея будут судить русские матросы? Не знаю. Но так было. Тот спокойно вышел. Не было и Вульфсона. Нас было здесь пять монахов у пяти следователей. Мой Коржиков очень быстро и деликатно спросил меня и стал записывать мои показания. Они заняли всего лишь пятнадцать—двадцать строчек. Вижу, что пишет учитель хоть и красиво, но не везде грамотно. Я ему подсказываю: вот тут запятую поставьте, а тут вы букву пропустили. Он, нисколько не обижаясь, исполнял мои советы. И почти все время не смотрел на меня. Потом я подписался. А других еще продолжали допрашивать. Я стою, жду.

«Интеллигент» с бородою, увидев, что мой допрос уже кончился, обратился очень резко к Коржикову:

— Что вы его так скоро кончили?

— Все допросил,— спокойно ответил мой судья.

Когда кончили допрос монахов, то их отпустили в прежнюю комнату, а меня оставили одного. И начался мирный разговор.

— Скажите, как с вами обращались у нас?

— Хорошо! — сказал я искренно.— Только вот однажды посетил красивый матрос и ужасно бранился с зубным скрежетом.

— Ну, знаете, иногда и мы сами не можем справиться с ними,— объяснил Булатников.— Но о прочем вы расскажете народу, что мы хорошо обращались?

— Расскажу непременно.

— Ну, все-таки скажите откровенно, к какой партии вы принадлежите?

— Да я же отвечал вам недавно письменно, когда заполнял присланную анкету.

— Что написали?

— В параграфе семнадцать и восемнадцать был этот вопрос. Я записал: ни к какой.

Я действительно никогда не записывался ни в какую партию.

— А дальше стоял вопрос другой: если не состоите, то какой партии вы сочувствуете? Что же вы написали?

— Написал: разным.

Они улыбнулись ловкому выходу.

— Как же вы сами думали обо мне? — спрашиваю их уже я.

— Мы считали, что вы — партии Керенского.

— О, нет! Я у вас вижу больше добра, чем у него.

— Как так? — спросил Булатников, заинтересованный и, видимо, довольный неожиданным ответом.

— Видите ли, ваша партия заставит всех трудиться, а не жить на чужом труде паразитом.

— А-а! — удовлетворенно поддакнул он.

Разговор подходил к концу. Так как он был в совершенно мирном тоне, я с простотою сердца сделал им упрек:

— Вот смотрите, как вы поступили со мною несправедливо, без всяких обвинительных доказательств арестовали меня.

— А разве вы,— перебил меня Булатников,— в нашем положении поступили бы иначе с нами?

Они чувствовали, что я не их духа, имели основание подозревать меня в контрреволюции.

На его вопрос я, подумавши, ответил:

— Да, я, пожалуй, иначе поступил бы с вами...

— Как же? Неужели скрыли бы нас или помогли?

— Да!

Скоро эти слова мои пророчески сбудутся на деле...

Формально меня выпускали все же на поруки одного совершенно незаметного священника — отца Бензина.

Вот и все мое сидение в чрезвычайке.

В последние два дня мы заметили новость у себя: вместо солдат сторожить нас привели каких-то 15—16-летних гимназистов. Кажется, они были в составе добровольной революционной милиции. Эти дети были совсем наивные мальчики. Они принесли с собой шашки, и мы приятельски проиграли в них весь вечер.

На следующую же ночь прислали для охраны рабочих. Среди них выделялся особенно один огромный портовый грузчик. Про него рассказывали легенды, будто он поднимал и носил по 25 пудов. Добродушный силач развлекал нас то разговорами, то показывал опытно, как трещат у него суставы костей при напряжении тела. Нам объяснили, что рабочие в это время приняли уже власть от собравшихся уходить большевиков под натиском белых. Но так как при всяком уходе бывали бессудные расправы, то рабочие и прислали нам надежных силачей.

Вечером на восьмой день ареста меня и других монахов выпустили. Народ уже ждал этого, и до моей квартиры (купчихи Пономаревой) меня проводили с пением *Достойно*. В это время из монастыря прислали за мною лошадь, и я направился в монастырь.

Боже, Боже! Какое счастье быть свободным! Лишь тот, кто опытно познал тюрьму и ожидание смерти, может почувствовать сладость жизни и свободы! И небо, и земля, и солнце, и уже высохшая трава, и камни дороги, и темно-зеленое море! Боже, как все это прекрасно! А в монастыре уже завидели нас и начали звонить и трезвонить. Главный колокол был в тысячу пудов. Могучие и красивые звуки лились навстречу мне. А я все боюсь: зачем они звонят?! Зачем раздражают большевиков?!

Дня через два советская власть оставила Крым. Наши монахи тотчас же бросились

в чрезвычайку... И, увы! — Сережа Солнцев был расстрелян, в середине лба зияла одна лишь дырочка... Сбылось его предчувствие.

На следующий день мы из монастыря увидели мчащийся по пенистым волнам миноносец с «белыми властями»... Как на ангела смотрели и мы, и многие. Но недолго: разочарование наступило быстро 〈...〉

Теперь мне осталось уже совсем немного досказать из эпохи белого движения при генерале Деникине. Я немного был свидетелем тяжелого отступления белых армий.

По церковным обязанностям мне нужно было выехать из Крыма в Новороссийск для дополнения епископского суда над архиереем Екатеринославским Агапитом, который вопреки собственной клятве и постановлению собора епископов стал действовать на стороне «щирых» украинцев, «самостийников»[23]. Путь лежал через Харьков, Лозовую и дальше. Из Крыма выехали вечером. Подъезжая к Екатеринославской губернии, поезд наш неожиданно замедлил ход. В чем дело? Оказалось, этот район находится под контролем Нестора Махно[24] и его многочисленных банд. Не помню ясно, что это было за движение. Сам Махно то имел сношения с Лениным, то потом с генералом Врангелем. Личность темная. Родом из местечка Гуляй-Поле, где он был будто бы народным учителем, а по другой версии — рабочим. За убийство родного брата с корыстной целью в 1902 году он был присужден к 15 годам каторжных работ. В 1917 году он появился на родине и стал председателем местного Совета рабочих депутатов. Но его программа была не большевистская, а анархическая. Конечно, у него не было философско-политической системы анархизма, просто разнузданный сброд мятежных людей — в то время разбойное настроение широко гуляло по лицу земли Русской. Однако можно усмотреть некую общую линию его дружины.

Сначала махновцы борются против немцев-оккупантов, занявших Украину. Потом и против украинцев, как гетмана Скоропадского, так — еще сильнее — и против петлюровцев, потому что в них Махно видел шовинистические стремления. Одно время он готов был соединиться с советскими коммунистами, но потом порвал с ними и вступил в борьбу. Соединился с советским генералом Григорьевым[25], отделившимся от Красной Армии, но потом пристрелил его своею рукою. Коммунистические части из Харькова разбили его... Но потом белые войска выгнали большевиков и овладели Екатеринославом. Махно же принимал везде какое-нибудь участие. Как он, так и другие не гнушались лозунгами: «Бей жидов и комиссаров» (среди них много было евреев, как я говорил) — и устраивали еврейские погромы. При занятии Екатеринослава Махно убил судью, пославшего его на каторгу. Потом где-то сложил свою буйную головушку и «батька» Махно.

Из этой краткой справки можно видеть, что Махно был просто разбойничьим атаманом, но в украинско-демократическом стиле — за народ, против попов, против «жидов», против оккупантов. Таким образом, это было низовое народное движение, но с украинским национализмом (не шовинистическим привкусом). Оно было ближе к советскому строю, но было более национальным... На одной из дальнейших станций мы были остановлены: пропускали поезд генерала Врангеля, которому генерал Деникин поручил восстановить положение. Бронированные паровозы и вагоны грозно смотрели на катившуюся волну, но остановить ее не могли. Как я говорил раньше, белые захватили много пространства, но ниточка их была тонка для него. И мнимые победы быстро превратились в бегство.

Между прочим, на этой станции поймали какого-то мальчишку лет семнадцати, большевистского шпиона. Суд был короткий, решено было немедленно расстрелять его. И уже приказано было немедленно ему раздеться, оставшись лишь в нижнем белье. Потом не захотели казнить его на виду у всех. И какому-то жандарму приказано было довести его до ближайшего лесочка, в ста саженях от станции, и там прикончить... И жутко мне было смотреть, как человек ведет человека на смерть! А мальчишка в белой рубахе и белых исподниках идет спешным шагом впереди, точно не на смерть, а на игру. Не знаю, что он чувствовал? Может быть, тоже «одеревенел», как Митя?.. Но эта трагедия убивания одних другими — не где-то там в подвалах, а на виду — глубоко врезалась в душу... Что-то дикое, кошмарное... Какая-то дьявольская свистопляска безумия и ожесточения.

Едем дальше... Снова тормозят поезд. Оказывается, один офицер в отчаянии бросился с площадки вагона под колеса поезда... Его вытащили. Колесо успело

перерезать лишь одну ногу, кажется, ниже колена. Он, в забытьи, красивый, но бледный, лежал на траве. Мгновенно нашлись врачи. И при мне быстро совсем отрезали ему ногу вместе с сапогом и бросили ее под откос, точно падаль, а его забинтовали и перенесли в вагон. Был ли он без сознания, или же ему стало уже все равно на свете, но он не проронил ни одного слова...

Потом Новочеркасск... Столица «Всевеликого Войска Донского»... «Всевеликое»... Тогда у всех была мания к величию и обособлению. Обособилось и казацкое Войско Донское, назвав себя странным именем «Всевеликое». В то время во главе его стоял атаман генерал Краснов[26]. И у него были все министерства, как и в великих державах. Вдруг меня по телефону зовет «министр народного просвещения». Шутка сказать!... Что такое? Кто? «Я — Светозаров. Приезжайте ко мне на обед!» Еду... Боже! Володя! Ты! Оказалось, мой одноклассник по Тамбовской Семинарии Владимир Светозаров. Из поповичей — в донские казацкие министры!

— Какими путями?

— Да был преподавателем гимназии тут. Революция, съезд. Выбрали меня председателем общества педагогов, а генерал Краснов назначил министром.

Он всегда был веселым хохотуном и насмешником, а тут — министр!.. Революционные капризы карьеристических взлетов... Но я чувствовал, что и «Всевеликому» войску недолго осталось жить. Чувствовали это и Володя с женой...

Вместе с белыми армиями покатились и казаки. Большая часть их осталась на местах, другие потянутся потом в Крым, оттуда в Турцию, Европу, Америку... И ходят еще и теперь красные «лампасы» по белу свету, точно отбившиеся овцы... А народ сильный! Привыкли жить казаки собственниками, широко, богато, вольно, без помещиков. И нелегко им было принять советский принудительный коллективный строй〈...〉.

После суда над епископом Агапитом мне нужно было возвращаться в Крым. Харьков был уже у большевиков, и мне пришлось направиться через Кавказ к Новороссийску, а оттуда пароходом по Черному морю домой... Здесь мне пришлось разговаривать с одним белым офицером. От качки мы не могли ничего есть, а этот офицер закусывал и пил как ни в чем не бывало. Это меня заинтересовало, и мы познакомились. Высокий, властный, породистый, он происходил из богатой аристократической семьи. Большевиков ненавидел всеми силами души. Между прочим, поделился со мной тайной:

— Я дал обещание (уж не знаю кому) убить собственными руками тысячу большевиков. Буду мстить им, пока не достукаю до тысячи!

— Сколько же до сих пор перебили?

— Сто девятнадцать!

Я пошел спать на палубе... Небо было звездное. Но дул холодный ветер, и нас сильно качало... На душе было тоже холодно... И казалось, как морю, так и разрухе страны не будет конца...

Белые армии все катились и катились вниз. Авторитет генерала Деникина пал: в его «звезду» перестали верить... А к весне он решил уйти. Написал манифест, что порвалось доверие между ним и армией. Велел старшим генералам избрать нового главнокомандующего, а сам уехал за границу. Наступил второй период белого движения — при генерале Врангеле, где и я принимал участие.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Скобелев Михаил Дмитриевич* (1843—1882) — выдающийся русский военачальник, генерал от инфантерии. Во время Освободительной войны 1877—1878 годов командовал Сводной казачьей дивизией, Кавказской казачьей бригадой, а затем — 16-й пехотной дивизией (во время блокады Плевны). Его дивизия сыграла решающую роль в сражении под Шейново.

[2] *Деникин Антон Иванович* (1872—1947) — генерал-лейтенант, один из организаторов Добровольческой армии, правитель и командующий Вооруженными силами Юга России. Сын бывшего крепостного крестьянина, дослужившегося до чина майора. Закончил Ловическое реальное училище, Киевское пехотное юнкерское училище и Академию Генерального штаба. Участник русско-японской войны. Во время первой мировой войны командовал 17-м пехотным полком («железные стрелки»), был командиром корпуса. При Временном правительстве был назначен начальником штаба Ставки, а с мая 1917 года — главнокомандующим армиями Западного фронта, а затем — Юго-Западного. За участие в мятеже Корнилова был арестован и заключен в Быховскую тюрьму. Бежал на Дон, где сначала был начальником дивизии Добровольческой армии, а после смерти Корнилова — главнокомандующим. После поражения Вооруженных сил Юга России весной 1920 года сдал командование Врангелю и уехал в Константинополь.

[3] *Врангель Петр Николаевич* (1878—1928) — барон, генерал-лейтенант. Из потомственных дворян. Окончил Горный институт и Николаевскую Академию Генерального штаба. Службу начал рядовым (на правах вольноопределяющегося). Добровольцем участвовал в русско-японской войне. Воевать в первую войну начинал в чине ротмистра, а в 1917 году был командиром 3-го Конного корпуса. С августа 1918 года — в Добровольческой армии. Командовал конной дивизией, конным корпусом, Кавказской армией. Из-за разногласий с Деникиным должен был покинуть армию, но после эвакуации добровольцев из Новороссийска в Крым вернулся и сменил Деникина на посту главнокомандующего. В ноябре 1920 года вместе со своей армией покинул пределы России. В эмиграции основал РОВС — Русский общевоинский союз.

[4] *Кутепов Александр Павлович* (1882—1930) — генерал от инфантерии, командующий 1-й армией Вооруженных сил Юга России. Участник русско-японской войны. За боевые отличия принят на службу в лейб-гвардии Преображенский полк. Участник первой мировой войны. В 1914 году — штабс-капитан, в 1917-м — полковник, командир Преображенского полка. После октября 1917 года — в Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского похода. Командовал ротой, Корниловским полком и 1-й дивизией. В Крыму генерал-майор Кутепов командовал 1-й армией. После смерти Врангеля — председатель РОВС. Будучи человеком большой личной храбрости, не желая лишней траты средств, отказался от телохранителей. Был похищен агентами ОГПУ в Париже и пропал без вести.

[5] 27 августа (ст. ст.) 1917 года Верховный главнокомандующий Л. Г. Корнилов направил войска на Петроград. Выступление Корнилова было подавлено.

[6] *Корнилов Лавр Георгиевич* (1870—1918) — генерал от инфантерии, командующий Добровольческой армией. Окончил Омский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище в Петербурге и Академию Генштаба. Участник русско-японской и первой мировой войны. В 1914—1917 годах командовал бригадой, дивизией (48-я «Стальная»). Весной 1915 года, тяжело раненный, попал в плен, в 1916 году — бежал. При Временном правительстве был главнокомандующим войсками Петроградского военного округа, командующим армией, главкомом Юго-Западного фронта, Верховным главнокомандующим. Добился введения смертной казни, пытался ввести строгое соблюдение воинской дисциплины, приостановить развал фронта. За вооруженное выступление в августе 1917 года был отстранен от должности. Пробрался на Дон и принял от генерала Алексеева командование Добровольческой армией. Убит во время 1-го Кубанского похода. Известны его слова: «Я ничего не боюсь, кроме позора России».

[7] *Алексеев Михаил Васильевич* (1857—1918) — генерал-адъютант, выпускник Московского юнкерского училища, участник Освободительной войны 1877—1878 годов, ординарец Скобелева. В 1887 году окончил Академию Генштаба. Участник русско-японской войны (сам подал рапорт о направлении его в действующую армию). В годы первой мировой войны — начальник штаба Верховного главнокомандующего. В марте 1917 года высказал открыто делегатам офицерского съезда, что стране грозит опасность. Был уволен со службы. На Дону генерал Алексеев организовал основу Добровольческой армии, так называемую «алексеевскую организацию». Скончался во время 2-го Кубанского похода от сильной простуды.

[8] *Колчак Александр Васильевич* (1874—1920) — адмирал, окончил Морской корпус, участник полярной экспедиции барона Э. В. Толя. Участник русско-японской войны, воевал в Порт-Артуре, был ранен и взят в плен. Во время первой мировой войны — командир дивизиона миноносцев, начальник минной дивизии. С августа 1916 года — вице-адмирал, командующий Черноморским флотом. После октября 1917 года отправился в Сибирь. 3 июля 1919 года в Омске провозглашен Верховным правителем России. В январе 1920 года А. В. Колчак был арестован большевиками благодаря предательству французского командования, чехов и эсеровского правительства. Казнен чекистами 20 февраля 1920 года.

[9] *Вейган Максим* (1867—?) — французский генерал, участник первой мировой войны. С ноября 1917 года — глава Высшего военного совета союзников, с марта 1918 — начальник штаба Верховного главнокомандования. В 1920 году возглавлял англо-французскую военную миссию в Варшаве. В годы второй мировой войны — начальник штаба национальной обороны и Верховный главнокомандующий вооруженными силами Франции.

[10] *Юденич Николай Николаевич* (1862—1933) — генерал от инфантерии, главнокомандующий Северо-Западной Добровольческой армией. Закончил Алексеевское военное училище, Николаевскую Академию Генштаба. Во время русско-японской войны за боевые заслуги был произведен в генерал-майоры. В 1912 году — начальник штаба Кавказского военного округа. За победы над турками в 1915 году назначен командующим Кавказской армией, а с марта 1917-го — фронтом. В октябре 1918 года пробрался в Финляндию, а затем — в Эстонию, откуда начал в октябре 1919 года наступление на Петроград. При подавляющем перевесе сил (50 тыс. штыков) Красной Армии удалось остановить продвижение восьмитысячной армии Юденича. Она была окружена с флангов, но сумела отойти в Эстонию. Эстонское правительство считало русские белые части опасными для эстонской самостоятельности. К тому же между Эстонией и РСФСР существовал мирный договор. Поэтому с одобрения союзников армия Юденича была разоружена эстонцами. Н. Н. Юденич скончался в эмиграции.

[11] *Миллер Евгений Карлович* (1867—1937) — генерал-лейтенант, закончил Николаевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Служил в лейб-гвардии гусарском полку. В 1898—1907 годах был российским военным атташе в Бельгии, Голландии и Италии. В 1892 году окончил Академию Генштаба. В годы первой мировой войны был начальником штаба 3-й армии, а затем командиром корпуса. Октябрьскую революцию не принял. Был заочно осужден военным трибуналом. В начале 1919 года в Архангельске Временным правительством Северной области (возглавлял социалист Н. В. Чайковский) приглашен на пост военного губернатора Северной области. В мае 1919 года генерал-лейтенант Миллер был назначен Верховным правителем адмиралом Колчаком на пост главнокомандующего войсками Северной области, а в сентябре того же года — главным начальником края. Вся армия Миллера насчитывала всего до 10 тысяч штыков, и все же после ухода англичан из Архангельска Миллер решил продолжать борьбу. Лишь в феврале 1920 года его войска на судах покинули Архангельск, отправившись в изгнание. В эмиграции Е. К. Миллер был (с 1922 года) начальником штаба генерала Врангеля, а с 1929 года — заместителем председателя, а затем и председателем РОВСа. В сентябре 1937 года в Париже похищен агентами НКВД.

[12] *Слащев Яков Александрович* (1885—1929) — генерал-лейтенант, выпускник Академии Генштаба, в чине полковника участвовал в первой мировой войне. С весны 1918 года — начальник штаба казачьего отряда А. Г. Шкуро. В Добровольческой армии командовал бригадой, Чеченской конной дивизией, сражался против «народной армии» Н. И. Махно. В январе—апреле 1920 года командир 2-го армейского корпуса. Слащев руководил обороной Крыма, а затем вел бои в Северной Таврии. За проведение удачных операций и за успешную оборону Крыма получил титул «Крымский». В августе 1920 года отстранен Врангелем от командования корпусом, так как между ним и Слащевым возникли существенные разногласия. В Константинополе Слащев выступил против П. Н. Врангеля в печати. Был судим и разжалован в рядовые. Осенью 1921 года вернулся в Россию. Преподавал тактику на курсах комсостава РККА «Выстрел». Обратился к эмигрировавшим солдатам и офицерам Белой Армии с призывом вернуться на Родину. По официальной советской версии, был убит родственником повешенного по его приказу в Крыму солдата.

[13] *Май-Маевский Владимир Зенонович* (1867—1920) — генерал-лейтенант, окончил Академию Генштаба. Участник первой мировой войны. В Добровольческой армии с декабря 1918 года (в должности командира 3-й пехотной дивизии, с весны 1919-го — командующего Донецкой группой войск). В мае—ноябре 1919 года командовал Добровольческой армией, был главноначальствующим Харьковской области. В декабре 1919 года отстранен от должности. На его место был назначен П. Н. Врангель. Скончался в Севастополе.

[14] *Шатилов Павел Николаевич* (1881—?) — генерал-лейтенант, окончил Академию Генштаба, участник первой мировой войны. Поддерживал выступление Л. Г. Корнилова. С лета 1918 года в Добровольческой армии. Был начальником 1-й Конной дивизии, затем начальником штаба Добровольческой армии (январь—май 1919 года, декабрь—январь 1920-го. С мая по декабрь 1919-го был начальником штаба Кавказской армии. В июне—ноябре 1920-го — в Русской Армии барона П. Н. Врангеля. Эмигрант.

[15] Херсонский (Херсонесский) монастырь св. Владимира основан в середине XIX столетия архиепископом Херсонским Иннокентием на месте древнего города Херсонеса Таврического. Известный археолог граф Уваров открыл на этом месте останки нескольких древних храмов. Один из них — церковь Рождества Богородицы с баптистерием (крещальней) при ней,— согласно летописи, был местом крещения св. равноапостольного князя Владимира.

[16] *Епископ Челябинский Гавриил* (Воеводин) (1871—1938) — в 1920-х годах — член Карловацкого Священного Синода Русской Православной Церкви за границей.

[17] *Архимандрит Дионисий* (в миру Дамиан Чудновец) (1854—1932) — насельник бахчисарайского монастыря. Его жизнеописание изложено митрополитом Вениамином в книге «Божии люди». Упоминается отец Дионисий и в «Записках архиерея».

[18] Балаклавский Георгиевский монастырь в 1891 году торжественно отметил тысячелетие своего существования. Основан на месте языческого капища. Из трех храмов один — пещерный VI века. Предание связывает это место с проповедью св. апостола Андрея Первозванного.

[19] Инкерманский монастырь. св. Климента — в семи верстах к юго-востоку от Севастополя. Основан в 1852 году на месте заточения св. Климента, Папы Римского, архиепископом Херсонским Иннокентием. Один из храмов — пещерный, времен св. Климента.

[20] *Ярославский Емельян Михайлович* (Губельман Миней Израилевич) (1873—1943) — советский и партийный деятель, возглавлял «Союз воинствующих безбожников».

[21] Бромберг Я. А. Европа, Россия и еврейство: Опыт пересмотра еврейского вопроса / Предисл. В. Н. Ильина. Прага, 1931.

[22] Еврейский мир: Ежегодник. Париж, 1939. Объединение русско-еврейской интеллигенции в Париже. Второй номер вышел в 1940 году.

[23] *Архиепископ Екатеринославский Агапит* (в миру Антоний Вишневский) (1867—1924) — участник Собора 1917—1918 годов, архиерей, педантично и добросовестно исполнявший свои обязанности по управлению епархией. Горячий сторонник автокефалии Украинской Церкви. В 1918 году торжественно встречал в Киеве Петлюру. Был запрещен в служении.

[24] *Махно Нестор Иванович* (1889—1934) — анархист, до революции принимал участие в террористических актах и экспроприациях. Был приговорен к 10 годам каторжных работ. В апреле 1918 года создал партизанский отряд, сражавшийся с австрийскими и немецкими частями, а также с войсками гетмана Скоропадского. Был популярен среди крестьян и пользовался их поддержкой. Махновцы воевали против Белой и Красной Армий, против войск Центральной Рады. Правда, с Красной Армией Махно трижды заключал соглашения о совместных действиях, которые вскоре нарушал. В 1921 году перешел границу с Румынией. Умер в эмиграции.

[25] *Григорьев Николай Александрович* (1878—1919) — участник первой мировой войны. Служил в войсках Центральной Рады, затем — у гетмана Скоропадского. В декабре 1918 года присоединился к петлюровцам. С февраля 1919 года воевал на стороне Красной Армии, командовал сначала бригадой, а потом дивизией. Весной 1919 года организовал одно из самых крупных выступлений в тылу Красной Армии (так называемая «григорьевщина»). Надеялся, что его мятеж будет поддержан махновцами и зелеными. Григорьев потерпел поражение от советских частей и с остатками своих войск присоединился к махновцам. Убит в июле 1919 года при приказу Махно.

[26] *Краснов Петр Николаевич* (1869—1947) — генерал-лейтенант, окончил Павловское военное училище, участвовал в войне 1914—1918 годов, в 1917 году командовал корпусом. В октябре 1917 года должен был прибыть со своими войсками в Петроград для подавления выступления большевиков. Был взят в плен, но отпущен советскими властями под честное слово. Бежал на Дон. Весной 1918 года избран атаманом Донского казачества. Казачьи части под руководством генерала Краснова к началу лета 1918 года ликвидировали на Дону советскую власть. Прогермански настроенный Краснов опирался на поддержку немцев и проводил в жизнь идеи самостоятельности Дона. Но в январе 1919 года ему пришлось признать главенство А. И. Деникина, а в феврале Краснов подал в отставку и уехал в Германию. В 1939—1945 годах П. Н. Краснов тесно сотрудничал с германским командованием. Взят в плен Советской Армией. Казнен по приговору Верховного Суда СССР.

(Продолжение следует)

Анатолий Васильевич Ведерников (1901—1992)

В определенный Промыслом Божиим час круто изменился строй жизни огромной страны, целого континента. К великой нашей радости и облегчению, уходит в прошлое эпоха, тяжелая как для России в целом, так и для Русской Православной Церкви в особенности,— эпоха гонений, преследований, ненависти. Но к этой законной радости примешивается и боль: к большому сожалению, уходят от нас и люди той эпохи, которым суждено было на своих плечах вынести все невзгоды, лишения, тяготы времени, встать грудью на защиту христианства, не дать прерваться из глубины веков тянущейся «златой цепи» православной традиции, не дать порушить завещанную отцами и дедами православную веру. Таким человеком, не за страх, а за совесть, верой и правдой послужившим Русской Православной Церкви, был скончавшийся 30 октября 1992 года Анатолий Васильевич Ведерников.

Двух дней не дожил он до своего 91-летия: Анатолий Васильевич родился 19 октября (1 ноября по н. с.) 1901 года в деревне Петровское, что возле посада Погорелое городище Зубцовского уезда Тверской губернии. Его родители были простыми крестьянами, в свою очередь — детьми крепостных крестьян. В начале XX века в результате знаменитых реформ Петра Аркадьевича Столыпина они получили возможность выделиться из общины, прочно стать на ноги. Отец Анатолия Васильевича был чрезвычайно одаренным человеком, он в совершенстве освоил ремесло краснодеревщика и даже работал по высочайшим заказам в Петербурге. На протяжении всей своей жизни Анатолий Васильевич, унаследовавший от отца золотые руки и любовь к труду, бережно хранил его инструменты и даже токарный станок.

Воспитанный в семье, где Православие составляло главный смысл существования, маленький Анатолий впитал веру с молоком матери и пронес ее неповрежденной через всю жизнь. И хотя жить ему пришлось в очень нелегкую эпоху, но никогда не было у него каких-либо религиозных колебаний, шатаний, сомнений. С юных дней полюбил он и красоту православного богослужения, в котором принимал самое активное участие: имея прекрасный слух, пел в церковном хоре, а чуть постарше регентовал в храме посада Погорелое городище, где начал учиться в церковноприходской школе.

Дать образование своим детям и таким образом помочь им выбиться в люди было заветной мечтой многих крепких крестьянских семей. Но момент, когда Анатолию Васильевичу следовало отправляться в центр за продолжением образования, совпал с величайшим потрясением в истории России — свержением самодержавного строя, вскоре за которым последовал большевистский переворот и установление «диктатуры пролетариата». И когда летом 1921 года, по окончании гражданской усобицы, на улицах большевистской Москвы появился молодой жаждущий знаний провинциал, уже совсем другие факторы определяли возможность или невозможность получения знаний. Двери московских вузов, в частности университета, с которого потенциальный студент начал свой обход «храмов науки», оказались наглухо закрытыми перед ним: дело в том, что по ведомостям новой власти крестьянский сын Анатолий Васильевич Ведерников числился... сыном «середняка». С таким «аттестатом» нечего было делать и в других вузах Москвы, и юноша уже собирался направиться к вокзалу и далее в обратный путь на родину, как вдруг, проходя по Большой Никитской улице, впоследствии переименованной в улицу Герцена, увидел малозаметную вывеску еще одного вуза: «Институт слова».

Это было указание судьбы, перст Божий, а более конкретно — институт, где сохранялась плата за обучение, зато были ослаблены и требования к «социальному происхождению». Необходимой суммы денег у Анатолия Васильевича не было, но когда Бог хочет кому-то помочь, все такие препятствия отлетают, как шелуха: секретарь приемной комиссии оказался также тверичанином и предложил своему земляку учиться бесплатно за исполнение должности старосты курса. Так Анатолий Васильевич едва ли не чудесным образом стал студентом московского вуза, впрочем не подозревая еще о главном аспекте этого чуда. Дело в том, что профессура Института слова в то время нисколько не уступала университетской: в нее входили тогда такие известные мыслители, как И. А. Ильин, Н. А. Бердяев, Ю. И. Айхенвальд, Г. И. Чулков и другие, так что с преподавателями Анатолию Васильевичу весьма повезло.

Быстро пролетели студенческие годы: Анатолий Васильевич с увлечением учится, сочиняет стихи, музыку, с группой студен-

тов выпускает даже рукописный литературный журнал. Но относительно мягкий и либеральный период советской истории близился к концу, и вот уже Анатолий Васильевич среди тех студентов, которые в 1922 году пришли на Николаевский вокзал провожать Н. А. Бердяева в Петроград, где его ждал знаменитый «философский пароход», на котором он должен был покинуть Россию.

Окончив в 1924 году институт, Анатолий Васильевич работает преподавателем русского языка — сначала в Центральном политехническом заочном институте транспорта, а затем в Центральной музыкальной школе и в консерватории. Как и все, чем ему приходилось когда-либо заниматься, работу эту он выполняет с прилежанием и тщанием, вкладывает в нее все свое умение; в 1931—1934 годах он публикует несколько книг по методике заочного образования, а его «Курс русского языка» выходит даже двумя изданиями. Но преподавательская деятельность нисколько не прельщает его: совсем не такой службы жаждала его душа.

Этой настоящей службы Анатолию Васильевичу пришлось ждать очень долго, около двадцати лет. Все это время вера в Бога поддерживала его, церковная служба утешала, а молитва проясняла сознание. Большое значение в тот период имела для него дружба и переписка с простым сельским священником и будущим мучеником отцом Александром Россовским. Все эти годы милость Божия не оставляла Анатолия Васильевича: трезвенное внимание к духовной стороне жизни позволяло ему усматривать в малозначительных с виду событиях и происшествиях непосредственное вмешательство Божественного Промысла — таинственного, неизреченного. Венцом чудесных проявлений высшей силы в его жизни Анатолий Васильевич считал случай в 1940 году, когда в разговоре с одной женщиной высоких духовных достоинств и монахиней в миру по имени Елена он услышал от нее: «Ты будешь работать с Патриархом!» Чтобы по достоинству оценить это пророчество, напомним, что к тому времени Патриарший престол вдовствовал уже 15 лет, а о проведении Собора с целью избрания нового Патриарха не могло быть и речи; более того, из числа высших иерархов лишь четверо оставались тогда на свободе и на своих кафедрах.

И все же такой момент наступил. Началась Великая Отечественная война, и Сталин в конце концов решил дать некоторые свободы Русской Православной Церкви, с самого начала войны занявшей патриотическую позицию. В какой-то мере это решение было вынужденным: необходимо было считаться с общественным мнением в союзных странах (что, в частности, было важным для скорейшего открытия «второго фронта»), а также реагировать на немецкую тактику открытия храмов на оккупированных территориях; не последнюю роль здесь играло и стремление диктатора к сакрализации своей уже почти самодержавной власти. Во всяком случае, 4 сентября 1943 года состоялась историческая встреча Сталина с тремя митрополитами — Сергием, Алексием и Николаем, в ходе которой вождь разрешил иерархам провести Поместный Собор для избрания Патриарха. Рассказ об этой знаменитой ночной беседе был у Анатолия Васильевича одним из самых любимых; с его слов он был записан известным писателем Марком Поповским, включившим его в свою книгу «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» (Париж: YMCA-Press, 1979). Уже через четыре дня Собор 19 епископов Предстоятелем Русской Православной Церкви избрал Митрополита Сергия (Страгородского).

Однако работать с Патриархом Сергием Анатолию Васильевичу не пришлось: всего восемь месяцев пробыл Святейший на Первосвятительском престоле. Тем не менее именно по благословению Святейшего Патриарха Сергия, а затем Святейшего Патриарха Алексия I с 1944 года он принял активное участие в возрождении московских Духовных школ, торжественно открывшихся 14 июня в Лопухинском корпусе Новодевичьего монастыря и в его Успенском храме. Вначале это были Пастырско-богословские курсы и Православный Богословский институт, преобразованные через два года соответственно в Духовную Семинарию и Духовную Академию. С самого начала их существования Анатолий Васильевич выполнял обязанности инспектора и секретаря правления этих школ. Но он отнюдь не ограничивался лишь организационно-административной деятельностью, но выступил и в качестве преподавателя: в течение почти пяти лет читал в Академии курс истории русской религиозной мысли. Когда ректор Академии профессор протоиерей Николай Чепурин ознакомился с содержанием этих лекций, их автор был представлен к званию доцента, которое и было присвоено Анатолию Васильевичу в 1945 году решением аттестационной комиссии; это решение было утверждено Святейшим Патриархом Алексием I, однажды лично удостоившим лектора своим посещением.

Между тем подготовить такой лекционный курс было в то время делом весьма не простым. Отметим прежде всего, что предмета этого не было и в учебной программе старой Академии, всегда бравшей под сомнение светскую религиозно-философскую мысль XIX и тем более XX века, что безусловно лишь укрепляло позиции атеизма в дореволюционной России. Не было, следовательно, ни установившейся традиции преподавания, ни соответствующих учебных пособий. Но не в этом была главная трудность и даже опасность для преподавателя-первопроходца: гораздо серьезнее было то, что своим курсом он как бы вторгался в запретные

мировоззренческие сферы, нарушал общепринятые в то время идеологические табу, постулаты тогдашней партийной общественной «науки», согласно которым всякая русская философская мысль была осознанно или «стихийно» материалистической. Одно только упоминание о религиозности таких деятелей русской культуры, как Ломоносов (не говоря уже о Пушкине), навлекало на лектора подозрение в нелояльности режиму со всеми вытекающими отсюда последствиями; как справедливо отметил А. К. Толстой, «ходить бывает склизко по камешкам иным...».

Конечно, Анатолий Васильевич хорошо осознавал эту опасность и принимал некоторые меры предосторожности: курс свой он перепечатал на машинке в единственном экземпляре (думается, этот уникальный памятник эпохи, хранящийся ныне в семье покойного, еще займет свое место в музее Русской Православной Церкви в качестве редкого экспоната), всегда читал его слово в слово, не позволяя себе никакой импровизации, а студентам не разрешая записывать за собой. Но слишком многоопытна была главная надзирающая инстанция государства, чтобы подобными простыми уловками можно было всерьез рассчитывать отвести ей глаза.

В 1948 году внезапно без какого-либо предупреждения Анатолий Васильевич был отстранен от преподавания и уволен из Академии. Давать какие-либо пояснения в те времена не было принято, самые смелые ограничивались указанием перста вверх. Во всяком случае, это было зловещим предзнаменованием, за которым часто и скоро следовали арест и расправа. Именно так понималось произошедшее и всеми окружающими: телефон в квартире Анатолия Васильевича словно отрезало, многочисленные знакомые, как по команде, «забыли» опасный номер, вычеркнули его из своей памяти. Потянулись томительные недели неопределенности, прерванной наконец звонком митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (Ярушевича) с извещением о новом назначении.

О возвращении Анатолия Васильевича на преподавательскую работу речь, разумеется, уже не шла (заметим, кстати, что и сам читавшийся им предмет был на долгие годы «репрессирован»: история русской религиозной мысли вновь появилась в программе Академии лишь в конце 80-х годов). Церковь призвала его на новую работу — в Издательский отдел Московского Патриархата, возглавлявшийся в то время митрополитом Николаем; в качестве ближайшего сотрудника и помощника Владыки пришел в отдел в 1948 году и Анатолий Васильевич Ведерников.

На этом посту его талант церковного литератора, редактора и организатора раскрылся в максимальной степени. Склонность к литературному труду была присуща ему и раньше; мы упоминали уже о его книгах по русскому языку и о фактически подготовленном им к печати курсе лекций по русской религиозной мысли. Но первой значительной работой на церковные темы, опубликованной Анатолием Васильевичем еще в бытность его доцентом Московской Духовной Академии, была большая статья «Русская Православная Церковь после кончины Патриарха Сергия», вошедшая в сборник статей «Патриарх Сергий и его духовное наследство» (М., 1947). В сущности, это была книга в книге, состоящая из тринадцати глав и в том же году вышедшая отдельным изданием. И по сей день она сохраняет свое значение основного первоисточника по истории Русской Церкви в период 1943—1946 годов, освещая вопросы ее деятельности во время Великой Отечественной войны, возобновления патриаршества, восстановления Духовных школ и многое другое. Следующей большой работой, подготовленной Анатолием Васильевичем, но вышедшей в силу своего официального характера без его подписи, была книга «Русская Православная Церковь» (М., 1958). Изданная к сорокалетию восстановления патриаршества на семи языках, она подробно информировала о каноническом устройстве и управлении Церкви, ее учреждениях, внутренней и внешней деятельности, особенностях церковной жизни.

Но, конечно, основным направлением работы Анатолия Васильевича, его главным объектом и любимым детищем стал «Журнал Московской Патриархии». Созданный в 1931 году Заместителем Патриаршего Местоблюстителя Митрополитом Сергием, журнал просуществовал пять лет, выходя тиражом 3 тысячи экземпляров один раз в 2—4 месяца и имея объем от 8 до 14 страниц вместе с текущим церковным календарем; но и в таком виде он был «белой вороной» среди периодических изданий «страны победившего социализма» и в 1935 году был закрыт большевистской властью, стремившейся к тотальной идеологической монополии.

Восстановленный в сентябре 1943 года журнал имел тираж 15 тысяч экземпляров, объем — 48 страниц и выходил ежемесячно. В первое время после возобновления журнала Анатолий Васильевич, занятый преподавательской работой, писал для журнала немного и как бы по долгу своей прежней работы в Московской консерватории: первой его публикацией был некролог известному церковному композитору П. Г. Чеснокову, появившийся в № 4 за 1944 год; следующей — некролог крупному деятелю русского хорового искусства, бывшему дирижеру Синодального хора Н. М. Данилину (№ 3, 1945). Но после того как труд в Издательском отделе стал для Анатолия Васильевича основным, объем его литературной работы увеличился во много раз. Всего за неполные двадцать лет своего сотрудничества в «Журнале Московской Патриархии» Анатолий Васильевич напечатал около

150 статей и заметок — притом в это число включены лишь подписанные им работы (фамилией Ведерников или одним из его псевдонимов: А. Васильев, А. Столяров, А. Крашенинников и др.). Отметим, что за все время существования журнала ни один из его авторов не смог даже приблизиться к этой цифре (например, Н. П. Иванов опубликовал около 80 работ, профессор протоиерей А. Ветелев — около 60 и так далее).

Анатолий Васильевич писал на самые различные темы; здесь были статьи о жизни и подвигах русских святых (преподобного Стефана Пермского, преподобного Никона Радонежского, Святителя Алексия Московского и других), статьи о церковных деятелях недавнего прошлого — о еше не канонизованном в то время Патриархе Тихоне, митрополите Японском Сергии (Тихомирове; † 1945), ректоре Московской Духовной Академии профессоре протоиерее Н. В. Чепурине († 1947), профессоре протоиерее В. В. Платонове († 1948), управляющем русскими православными приходами в Болгарии и церковном писателе архиепископе Серафиме (Соболеве; † 1949) и других. Одной из основных тем его публикаций были обзоры состояния церковных дел Православных Автокефальных Церквей за рубежом (в Болгарии, Польше, Финляндии и др.). Была еще одна постоянная и обязательная для «Журнала Московской Патриархии» тема: миротворческая деятельность Русской Православной Церкви. Уклониться от нее тогда было невозможно, и Анатолий Васильевич был тем человеком, который «закрывал собой амбразуру», обеспечивая само выживание журнала в те нелегкие годы (одно время он даже занимал должность заведующего отделом «В защиту мира»).

Новый этап в деятельности Анатолия Васильевича наступил в конце 1953 года, когда после представления Святейшему Патриарху Алексию I докладной записки об улучшении и реорганизации «Журнала Московской Патриархии» он был назначен ответственным секретарем журнала, то есть, по существу, его главным редактором (понятно, что официальный глава Издательского отдела митрополит Николай Ярушевич, который одновременно был также и председателем Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС), мог осуществлять лишь самое общее руководство издательством). Перед Анатолием Васильевичем встали новые задачи: организовывать работу редколлегии, выдвигать актуальные темы, не говоря уже об окончательной отделке публикуемых статей. И Анатолий Васильевич прекрасно справился с возложенными на него ответственными обязанностями.

Одной из важнейших задач начального периода его работы в качестве ответственного секретаря «Журнала Московской Патриархии» было привлечение в него новых сил, способных поднять уровень журнала, поставить его на высоту, достойную положения и значения Русской Православной Церкви в христианском мире. Таких новых сотрудников Анатолий Васильевич нашел среди молодых питомцев возрожденных Духовных школ. Это были выпускники Ленинградской Духовной Академии П. В. Уржумцев и Е. А. Карманов; последний стал затем преемником Анатолия Васильевича на посту ответственного секретаря редакции, который он занимал с 1963 по 1981 год. У Анатолия Васильевича вообще было очень хорошее чутье на дарования молодых, в которых он всегда видел потенциальных сотрудников «Журнала Московской Патриархии»; так, очень рано заметил он литературный талант священника Александра Меня.

С 1957 года началась подготовка к выпуску ежегодников «Богословские труды». Это издание, призванное отражать в полном объеме научно-богословскую мысль Русской Православной Церкви, стало важнейшей вехой в истории Издательского отдела, содействовало развитию научных исследований в Академиях, в нем публиковались сочинения выдающихся церковных писателей прошлого, творения отцов и учителей Церкви. В организации этого издания немалая заслуга принадлежит Анатолию Васильевичу, непосредственно участвовавшему в выпуске первых номеров «Богословских трудов».

Еще одно направление деятельности Издательского отдела — это переиздание книг Священного Писания и богослужебных книг. Так, в 1956 году впервые за время советской власти была издана Библия; ее подготовка потребовала немалых трудов от Анатолия Васильевича и его сотрудников, поскольку это было первое русское издание Священного Писания, выходящее в свет после реформы русского языка и отвечающее новым нормам орфографии. Помимо Библии, были выпущены также Новый Завет с Псалтирью, Служебник, Требник, Типикон, Псалтирь Следованная, Минея Общая, Минея Праздничная, Часослов, Октоих, а также отдельные службы праздникам и Молитвословы.

Немало потрудился Анатолий Васильевич на ниве православной журналистики и сделал бы, без сомнения, еще больше, но время его работы в Издательском отделе подходило к концу. Дело было не в возрасте: к своему шестидесятилетию Анатолий Васильевич подошел полным душевных и физических сил, идей и новых планов. В его судьбу вновь вмешалась политика. Период относительно мирной жизни Русской Церкви закончился; с осени 1958 года начался новый этап наступления государства — известные хрущевские гонения, в ходе которых почти вдвое сократилось число православных приходов, резко сократилось число Духовных школ, монастырей. Митрополит Николай Ярушевич был одним из немногих высших иерархов, которые активно сопротивлялись этим притеснениям, что и предрешило его судьбу. В 1960 году он был отстранен от

Митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим и А. В. Ведерников на праздновании 300-летия основания Московской Духовной Академии;
Троице-Сергиева Лавра, 1985 год

управления Московской епархией, снят с должностей председателя ОВЦС и Издательского отдела и отправлен на покой; в 1961 году он скончался. Это определило и судьбу Анатолия Васильевича, бывшего ближайшим сотрудником опального митрополита: в ноябре 1962 года он вынужден выйти на пенсию.

Начался последний период его жизни: умудренная огромным жизненным опытом, благостная и светлая старость. И на пенсии Анатолий Васильевич отнюдь не сидит сложа руки: он работает референтом (в частности, у митрополита Таллиннского и Эстонского Алексия — нынешнего Святейшего Патриарха Московского и всея Руси). Продолжают появляться и его работы (правда, не столь часто, как раньше). Так, в 1972 году в 8-м выпуске «Богословских трудов» опубликована его большая работа о замечательном православном богослове Владимире Николаевиче Лосском, с которым Анатолий Васильевич был лично знаком. Последняя статья Анатолия Васильевича в «Журнале Московской Патриархии» опубликована в 1989 году: это был некролог на смерть монахини и иконописца Иоанны Рейтлингер — духовной дочери отца Сергия Булгакова. В 1985 году он последний раз приезжает в Троице-Сергиеву Лавру на юбилейные торжества по случаю 300-летия основания Московской Духовной Академии. В ходе этих празднеств Анатолий Васильевич был награжден орденом Преподобного Сергия I степени.

И все же главным в его жизни становится простое человеческое общение. Его дом едва выдерживал наплыв посетителей, был буквально местом паломничества, особенно в кругах московской интеллигенции — музыкальной, художественной, научной; воцерковление многих его собеседников — непосредственная заслуга Анатолия Васильевича. Кого только не было среди его гостей — от митрополита Сурожского Антония (Блума), который неизменно навещал Анатолия Васильевича во время своих приездов в СССР, до пианистки Марии Юдиной и художника Ильи Глазунова. Но кто бы ни приходил к нему в дом — именитые люди или простые смертные,— все находили здесь ласковое слово, душевную теплоту, внимание к своим заботам и нуждам, многообразную помощь — советом, знаниями, книгами. Кстати, о книгах: обладая уникальной личной библиотекой, Анатолий Васильевич давал читать их на неограниченное время и практически любому просителю. Увы, многие злоупотребляли его добротой. Особенно важны и благотворны были беседы с ним для молодежи. В их глазах Анатолий Васильевич был живой историей, причем не только нашей страны, но и русской эмиграции, «труды и дни» которой он превосходно знал от своей жены Елены Яковлевны — репатриантки, вернувшейся в СССР из Франции после второй мировой войны.

С конца 80-х годов здоровье Анатолия Васильевича начинает ухудшаться, слабеет память, силы постепенно оставляют его. Последние годы его жизни напоминают закат выдающегося русского философа Н. О. Лосского, также перешагнувшего девяностолетний возраст. Любимым чтением Анатолия Васильевича стал Апокалипсис, любимым выражением — слова из послания святого апостола Петра: *Земля и все дела на ней сгорят* (2 Пет. 3, 10).

* * *

Говорят, что облик каждого человека тройственен: себе он кажется одним, окружающим — другим, Творец знает его третьим. Но если первое и последнее о человеке в веке сем сокрыто от нас — из-за непрозрачности здешнего бытия и недоведомости и таинственности Суда Божия, то составить себе более или менее целокупный портрет человека, увидеть его таким, каким он на глазах у всех проходил свой жизненный путь, вполне нам по силам; для этого необходимо лишь предоставить слово «свидетелям», в данном случае — друзьям и многолетним сотрудникам Анатолия Васильевича Ведерникова.

Митрополит Сурожский Антоний и А. В. Ведерников; Москва, 1985 год

Е. А. Карманов (сотрудник ОВЦС, редактор журнала «Церковь и время»). Я и Павел Васильевич Уржумцев познакомились с Анатолием Васильевичем в январе 1955 года (я был тогда на первом курсе Ленинградской Духовной Академии, а Павел Васильевич — на втором). Наш общий друг отец Петр Гнедич сказал нам: «Знаете что? Сюда приехал ответственный редактор «Журнала Московской Патриархии» Анатолий Васильевич Ведерников и хочет с вами встретиться. Пойдете?» — «Пойдем»,— и мы пошли в гостиницу «Европейская». Встреча была короткая, энергичная; он на нас посмотрел, мы на него тоже скромно посмотрели, и он сказал: а хотите работать в редакции? Мы ответили утвердительно, и так решилась наша судьба: с того времени мы уже были стажерами в редакции. Поэтому мы с Павлом Васильевичем считаем себя учениками Анатолия Васильевича, и доброе чувство к нему не исчезнет до конца нашей жизни. Анатолий Васильевич был необычайным, удивительным человеком. Он всегда был энергичным, как сжатая пружина, в нем никогда не было расслабления. Одно время по бездомности мне пришлось жить у него на даче в Переделкине, следовательно, я видел его и в неофициальной обстановке — но и здесь он никогда не сидел в мечтательной задумчивости о каких-то высоких материях. Это был человек действия: если он не был в движении, то все равно что-то продумывал, что-то придумывал; он всегда был переполнен идеями и фонтанировал ими, был каким-то неиссякаемым источником энергии для окружающих — быть около него бездельником было просто противопоказано, своей энергией он заряжал всех. Кроме того, он был прямым, честным и благородным человеком, за все время моих контактов с ним — и деловых, и человеческих — даже намека не было на то, чтобы он за спиной кого-либо мог сделать что-то даже чуточку неприятное — это совершенно исключалось. Его способность к работе в любых условиях всегда была поразительной; помню, был момент невероятной тесноты в редакции — нас все уплотняли, уплотняли и уплотнили до того, что за одним столом сидело трое,— он и тогда говорил: мальчики, где угодно, как угодно, хоть на коленях, но все равно надо работать. К новым людям он всегда относился очень тепло, доверял им, не боясь ошибиться, всегда изначально думал о них только очень хорошо (напоминать ли, что это было весьма рискованно в то время). Так и нам с Павлом Васильевичем чуть ли не в первое же лето доверили самостоятельно делать целый номер журнала — нам двоим, совершенно не имевшим опыта. Но чаще бывало так: он начинал редактировать какую-нибудь статью — а он прекрасный стилист — и, отредактировав страничку-полторы, отдавал нам: мальчики, продолжайте в том же духе и заканчивайте. Когда дело касалось богословских вопросов, он обычно говорил: нет-нет, я не богослов, я этому не обучался, вы уж сами разбирайтесь. Но в действительности он глубоко разбирался и в богословии, знания его были обширны, он глубоко вникал в богословскую мысль и очень хорошо чувствовал сущ-

ность догматов. Наконец, около него всегда всем было очень интересно, он никогда не был одинок, вокруг него были замечательнейшие люди — «иных уж нет, а те далече» — редкий случай, когда вместе собиралось столько высоких духом, хороших, умных, красивых людей. Нам повезло в жизни пройти такую прекрасную, элитарную и вместе с тем совсем не трудную школу, какую мы прошли у Анатолия Васильевича; это настоящее счастье, что начало нашей трудовой деятельности проходило под его руководством — мудрым, благородным, христианским.

П. В. Уржумцев (многолетний сотрудник «Журнала Московской Патриархии», ныне пенсионер). В середине пятидесятых годов Анатолий Васильевич пожелал, чтобы в Издательском отделе появилась, наконец, молодежь, и это свое желание он высказал отцу Петру Гнедичу; а отец Петр ответил ему, что у него есть два ленинградских студента — Карманов и Уржумцев. И Анатолий Васильевич приехал в Ленинград и познакомился с нами. Для нас его предложение работать в журнале было довольно неожиданным; конечно, мы сразу согласились. Помню, весной 1955 года я впервые пришел в редакцию, немного позже приехал Карманов. Сначала мы проходили практику, но очень недолго; первый номер, который нам доверили делать самостоятельно, был 9-й. за 1956 год, целиком посвященный проходившим тогда богословским собеседованиям с англиканами. Анатолий Васильевич очень много дал мне, особенно в том, чтобы более тонко чувствовать язык, стиль; литературному редактированию я по-настоящему научился у него. И хотя у него не было официального богословского образования, но он очень тонко и глубоко чувствовал любую богословскую истину; в этом отношении его можно уподобить А. С. Хомякову. Конечно, с именем Анатолия Васильевича была связана целая эпоха, вспоминая его, мы с молодостью нашей прощаемся, с золотой нашей порой; нам посчастливилось вместе с ним встретить очень многих людей, хороших богословов, мы могли учиться у них, и за все это мы ему благодарны. Он дал нам очень много и навсегда останется в нашем сердце.

Н. М. Соболева (сотрудница «Журнала Московской Патриархии» и ОВЦС, ныне на пенсии). Я познакомилась с Анатолием Васильевичем заочно. В нашей приходской Христорождественской церкви служил один удивительный молодой батюшка, который жил в том же переулке, что и Анатолий Васильевич. И очень часто он говорил: я был вчера у профессора, я завтра пойду к профессору — и так интересно рассказывал потом об этих встречах. А имя этого батюшки было отец Иоанн Крестьянкин, один из известнейших ныне духовников, старец Псково-Печерского монастыря. Отец Иоанн считал Анатолия Васильевича своим учителем, он так и говорил: это мой профессор.

Личное же знакомство с Анатолием Васильевичем состоялось, когда я пришла в редакцию наниматься на работу. Я разыскала его в храме Новодевичьего монастыря, возле паперти, где они тогда были; Анатолий Васильевич решил меня испытать, но как: только взглядом. Я видела перед собой огромные серьезные строгие голубые глаза, проникающие в самую глубину души. Вот мы смотрели, смотрели друг на друга — и тут мне стало смешно и я фыркнула (мне тогда было 24 года), но экзамен свой, оказалось, сдала. Весной 1957 года началась моя работа в редакции. Я была поражена тем, что оказалась в чисто церковной обстановке, в совершенно ином мире, чем тот, к которому я привыкла. Сам Анатолий Васильевич прежде всего, Иван Николаевич Хибарин и другие, наши долгие чаепития — все это буквально очаровало меня. И тут я увидела, что у Анатолия Васильевича работать не так-то легко: он был неутомим в работе сам и этого же требовал от нас, его подчиненных, и даже отпроситься у него на следующее утро к литургии стоило немалого труда, а иногда и кончалось ничем. Но это были самые

На фотографии слева направо:
Н. А. Ведерникова, А. В. Ведерников, архимандрит Нафанаил и отец Николай Ведерников;
Псково-Печерский монастырь, 1982 год

чудесные годы, интереснейшая работа, заставлявшая выкладываться и доставлявшая огромное удовлетворение. К сожалению, работала я с Анатолием Васильевичем недолго, всего четыре года, из которых самыми замечательными были первые три; потом, в 1960 году, когда при Хрущеве был смещен митрополит Николай (Ярушевич), с приходом в журнал Александра Федоровича Шишкина (доцента Ленинградской Духовной Академии.— *Ред.*) многое изменилось. Потом я заболела, и во время моей болезни меня без моего желания и даже без моего ведома перевели в иностранный отдел: там я и осталась на долгое время. Но я помню эти великолепные собрания в Баковке (на даче А. В. Ведерникова.— *Ред.*), где кого только не было... Но это многолюдство у Анатолия Васильевича отнюдь не было следствием какой-то неразборчивости или даже широты; мне кажется, это была глубокая церковная мудрость, для Анатолия Васильевича главным было — церковное начало, а моменты политические отступали на второй план. Поэтому он умел всех объединить. Вот этой церковной мудрости так сейчас не хватает всем нам.

Н. А. Ведерникова. Дедушка отличался невообразимым трудолюбием; он никогда, ни одной минуты не сидел просто так, ничего не делая. На этой почве у него всегда были перепалки с женой Еленой Яковлевной, потому что она была другого, более созерцательного характера, на дачу приезжала отдыхать, а дедушка всегда что-то делал — неустанно, неукоснительно. И когда дедушка выходил в сад, лазал по лестнице в колодец, который часто ломался,— а ему уже было за шестьдесят — мы все дрожали, а Елена Яковлевна ворчала: и это называется отдых, это Анатолий отдыхает? А для него отдыхом была смена занятий: когда он обдумывал какую-нибудь статью, то его руки — ведь он был из крестьянской семьи — всегда были заняты какой-либо конкретной работой, на даче он все всегда делал сам: сажал настурции, приносил дерн, проводил по всему дому проводку; к негодованию Елены Яковлевны, сам топил котельную и прочее. Но затем из сада он возвращался в дом, садился за письменный стол и закрывался — и вот так появлялись потом его богословские статьи; так протекала его жизнь все те десять лет, когда у него была дача. Жена дедушки Елена Яковлевна также была церковным человеком, она любила общество, и вы не представляете себе, сколько людей приезжало к нам в Баковку — зимой и летом. Дом Ведерниковых-старших был совершенно особенным: в те сталинские времена это было полуподполье. Дедушка всегда был рад оказать помощь людям, в частности — предоставить свой кров нуждающимся в нем; так, у него на даче прожил целый год пианист Алеша Головин, когда заболел туберкулезом; подолгу живали там и многие другие. А сколько туда приезжало молодежи!

С. В. Штейн (режиссер на радио). Я навсегда запомню человека, который так проникновенно говорил: «Чудо, это чудо, это только чудом можно объяснить»; а что он называл чудом? — все что угодно: большевистские зверства, а он остался жив — чудо, и тому подобное; и он с таким умилением произносил это слово «чудо». Это человек действительно достойный глубочайшей, самой искренней, долгой и светлой памяти.

И. Г. Рещикова (преподаватель института Гнесиных). Так вышло, что прежде, чем познакомиться с Анатолием Васильевичем, я заочно познакомилась с его сыном. Это произошло... в Париже, где отца Николая никогда не было: маленькой девочкой я смотрела кино об избрании Патриарха Сергия; и мы с мамой увидели мальчика-иподиакона, очень красивого, и мы все запомнили его; и когда мы в первый раз пришли к Анатолию Васильевичу, в отце Николае мама сразу узнала того самого юношу, которого мы видели в кино держащим перед Патриархом Евангелие. А вот как мама познакомилась с Анатолием Васильевичем: мы только что приехали из Франции, и она пришла в Новодевичий монастырь в надежде получить работу (и эту работу она получила — правда, 10 лет спустя). Но тогда у нее не только не было работы — негде было и жить: ни квартиры, ни комнаты. Между тем шел 1948 год — год, как мы теперь хорошо знаем, не самый хороший ни для тех, кто здесь жил, ни для тех, кто только что сюда приехал, опасный год. Сейчас слова «нормально», «нормальный» говорят по любому поводу, а тогда они имели более точный смысл, и вот тех людей, которые с нами, приезжими, общались, все и называли «ненормальными» в этом первоначальном смысле. И вот, к нашему счастью, одним из таких «ненормальных» людей оказался и Анатолий Васильевич. Узнав, что человеку, с которым он только что познакомился, негде даже переночевать, он сказал: хорошо, я вас оставлю в редакции (у них тогда было две комнатки), только ведите себя потише. И мама вела себя тихо и скромно, только вдруг Анатолий Васильевич прибегает утром: что тут у вас случилось? Оказывается, чтобы не шуметь, не греметь, чтобы все было под рукой, мама оставила гореть ночью свет; этот свет привлек дежурного, который пришел узнать, в чем дело и почему кто-то посторонний находится в редакции, и мама по своей тогдашней откровенности простодушно объяснила ему, что она только что приехала из Парижа и ей негде жить. Так Анатолий Васильевич получил именно то, чего он просил не делать (снова напомню, что это был 1948 год); тем не менее он не отчитал маму, он только тихо улыбался, и каждый из них долго не мог понять другого; в частности, мама никак не могла понять: в чем она нарушила правила поведения приличного человека, почему Анатолий Васильевич так разволновался, неужели ему жалко

было электричества?.. Конечно, история эта, при воспоминании о которой они никогда не могли удержаться от смеха, не стала препятствием для теплых дружеских отношений, связавших их на долгие годы.

Н. Торопцева (жена священника). Поездки к Анатолию Васильевичу в Баковку для нас всегда были настоящими праздниками. Мы ездили в Переделкино на литургию, а затем шли пешком замечательной дорогой, прекрасной в любое время года — зимой по снегу, летом по полю, когда мы собирали и приносили Анатолию Васильевичу большие букеты цветов; он всегда радостно нас встречал и той любовью и теплотой, которыми был полон сам, наполнял и нас — и наполнил на всю жизнь: до конца наших дней нам достанет того радушного тепла и той христианской любви. Он знал, как помочь каждому — каким словом, каким делом, всегда умел и поддержать человека, и похвалить его, когда это нужно. Тогда мы ведь были студентами и всегда приходили голодными — и физически, и духовно, и всегда он нас усаживал за стол и приговаривал: кушайте, кушайте; а после обеда садился в кресло и начинал рассказывать, а мы, закрыв глаза, слушали; или совершали замечательные послеобеденные прогулки по лесу... Потом вспоминаются посещения Анатолия Васильевича в его квартире в Плотниковом переулке — когда бы ты ни приехал в Москву, звонишь туда: можно ли приехать? — и всегда было можно; поэтому поездки в Москву были для нас как «луч света в темном царстве». Каждый человек имеет три рождения: при появлении на свет, при крещении и последнее — в жизнь вечную — при успении. *Блажен, егоже избрал еси и приял Господь* (Пс. 64, 5).

Е. Л. Лаевская (искусствовед). От лица тех мальчиков и девочек, которые теперь уже не мальчики и не девочки, хочется сказать, что вся наша жизнь пошла бы, наверное, совсем по-другому, если бы в 20—25 лет мы не встретили Анатолия Васильевича и не пришли к нему в Плотников переулок. Анатолий Васильевич был человек удивительный еще и в том отношении, что проявлял большой интерес к таким несмышленышам, какими тогда были мы: его интересовало, как мы живем, все обстоятельства нашей жизни, отношения с родителями и так далее; и он удивительным образом мог загораться от нашего детского лепета, делиться с нами своими мыслями, соображениями, суждениями о прочитанных книгах — вообще, опытом своей огромной жизни. При этом он говорил с нами так, как будто мы были его ровней. Я вспоминаю все время одно его высказывание, которое, как мне кажется, является ключом к его личности, объясняет его цельность при всем многообразии его занятий. Был разговор о богословии, Анатолий Васильевич восхищался и Владимиром Лосским, и отцом Сергием Булгаковым, а в конце разговора я его спросила: а все-таки что же такое настоящее богословие? И он вдруг замолчал и ответил не скоро: «Настоящее богословие — это молитва». Чувствовалось, что слова эти не были в устах Анатолия Васильевича какой-то прописью, но носили глубоко личный характер: по-видимому, молитва действительно была для него главным в жизни.

М. Горелик (журналист). Относительно минувшей эпохи в современном общественном сознании распространено мнение, что это была какая-то духовная пропасть, сплошная семидесятилетняя духовная пустыня, и лишь теперь наконец настала преизбыточествующая благодать. С проявлениями этого воззрения, с моей точки зрения совершенно неверного, приходится сталкиваться на каждом шагу: здесь и представление, что все православные священники — тайные сотрудники КГБ, и даже убеждение, что Библия, изданная в 1956 году, при коммунистическом режиме, есть какая-то страшная коммунистическая Библия, с огромными изъятиями. Это — сущая неправда, ибо, как все мы знаем, *дух, идеже хощет, дышет* (Ин. 3, 8). Дышал Он и в те времена, и Его дыхание было ничуть не менее сильным и свободным, нежели теперь. Конечно, культурная и духовная преемственность была ослаблена, но она никогда не прерывалась; да, это была не широкая река, это был ручеек, но вода жизни струилась всегда. Личность Анатолия Васильевича еще раз свидетельствовала о непрерывности духовной жизни, непрерывности чуда. Всегда тот человек, который по-настоящему жаждал истины, находил и необходимых наставников, и нужные книги. Конечно, для этого нужно было приложить некоторые усилия — но ведь силою берется Царство Небесное. И как раз Анатолий Васильевич и был одним из тех замечательных людей, которые осуществляли эту преемственность; а его всегда открытый дом был мостом между двумя эпохами.

* * *

Похороны Анатолия Васильевича Ведерникова состоялись 2 ноября. Накануне в три часа дня в храм святого мученика Иоанна Воина, куда было перенесено тело почившего, прибыл Святейший Патриарх Алексий II. Он молился за панихидой, во время которой произнес теплые и задушевные слова прощания со своим бывшим сотрудником. Перед отпеванием слово о почившем сказал Секретарь Святейшего Патриарха протопресвитер Матфей Стаднюк. «Окончился земной путь, земной подвиг новопреставленного нашего собрата Анатолия. Господь даровал ему долгоденствие, даровал ум, даровал веру, которую он сохранил на протяжении своего земного странствия. Покойный был одним из тех, кто испытал все невзгоды, выпавшие на нашу страну в XX веке, судьбы и нашего народа, и нашей Святой Церкви. И в страшные годы революции, и

в годы массовых репрессий, и в тяжелые военные годы он был участником тех событий, которые происходили на нашей земле. В послевоенные годы, когда наша Церковь получила немного свободы, покойный Анатолий Васильевич был одним из тех людей, кто, сохранив в своем уме и в своем сердце традиции нашей Святой Церкви, восстанавливал наши духовные школы, зажигал лампаду духовного просвещения; к ним относились такие видные деятели богословской науки, как отец Николай Чепурин, отец Сергий Савинский и многие другие,— это были те люди, благодаря которым мы восприняли духовное наследие старой школы, те люди, которые, несмотря на великие трудности — и преследования, и гонения, как драгоценное сокровище сохранили в своих сердцах святую веру и стали теми подвижниками, теми делателями на ниве Христовой, которым вновь пришлось восстанавливать и богословские традиции, и устроение церковной жизни. Нелегкими были эти годы, потому что хотя Церковь и ощутила небольшой приток свежего воздуха, но целые сонмы богоборческих сил часто противостояли благим начинаниям, которые несли наши люди — труженики на ниве Христовой. Вчера Святейший Патриарх Алексий в этом храме совершал молитву об упокоении новопреставленного Анатолия. В своем слове Святейший Патриарх говорил о том, как много подвигов совершил покойный Анатолий Васильевич. И в соборе вчера Святейший молился за Божественной литургией и вспоминал труды, которые покойный нес на протяжении многих лет, помогая Святейшему Патриарху, когда он был управляющим делами нашей Патриархии, нести подвиг архиерейского служения. Путь, который Анатолий Васильевич избрал от юных лет своих, путь служения Церкви, был прямым путем. Он никогда не уходил в какие-то другие течения, никогда не делал ничего такого, что могло бы каким-то образом быть не полезным Церкви Христовой. Со смирением и кротостью он совершал свое послушание в Церкви Божией. Господь даровал ему великий талант, великий ум, и он не закопал его в землю, а приумножил его своим словом и своим пером, которым он так чýдно владел. И пусть люди часто забывают подвиги своих отцов, матерей и предков, зато Господь всегда вознаграждает делателей на ниве Христовой и долгоденствием, и миром, и Вечной жизнью. И сейчас много среди нашего духовенства есть людей, которые помнят, как в молодые годы Анатолий Васильевич с таким рвением, с любовью старался учить молодое поколение, учить тому, как нужно любить свою Святую Церковь. Мне рассказывал очевидец, что, когда сын покойного, отец Николай Ведерников, принимал хиротонию во иерея, его отец, Анатолий Васильевич, от радости всю литургию плакал и благодарил Бога за то, что сын его становится служителем Церкви, продолжателем и тружеником на ниве Христовой. Прощаясь с покойным нашим собратом Анатолием Васильевичем, мы в его лице прощаемся с тем поколением, которое жило до нас, которое переносило и скорби, и страдания, и насмешки от тех, кто желал бы, чтобы Церковь Святая прекратила существование на нашей земле. Прощаясь с покойным, мы искренне благодарим его за те труды, за те подвиги, которыми подвизался он на ниве Христовой, с верой, что Господь вознаградит его за каждое доброе дело, которое он совершил на своей жизненной тропе. Мы верим, что Господь, избравший его для служения Церкви, зная его глубокую веру, его любовь и смирение, вознаградит его как верного раба своего и служителя, вознаградит его Вечной жизнью в селениях праведных. Об этом мы совершим сейчас нашу молитву, а я еще раз хочу передать Вам, отец Николай, и матушке Вашей, родным и близким соболезнования Святейшего Патриарха Алексия».

По окончании надгробного слова протопресвитер Матфей Стаднюк начал чин отпевания, в котором принял также участие настоятель храма Иоанна Воина протоиерей Николай Смирнов и другие священники, близко знавшие покойного. Разрешительную молитву прочитал сын почившего — клирик того же храма протоиерей Николай Ведерников.

Похоронен Анатолий Васильевич на кладбище в Переделкине под Москвой.

Е. ПОЛИЩУК

Сдано в набор 07.04.93. Подписано в печать 20.05.93. Заказ 446. Индекс 71157

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
Министерства печати и информации Российской Федерации
142300, г. Чехов Московской области

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА
В ТРОИЦКОМ СОБОРЕ СВЯТО-ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ

Родительские субботы посвящены поминовению усопших. Поминовение это, по учению Церкви, нужное *прежде отшедшим*, полезно и нам. Смысл его в напоминании о смерти,— она ждет каждого,— а также в том, чтобы ощутить единство Церкви земной и Небесной. У Бога нет мертвых, у Него все живы. И наши почившие сродники такие же члены Церкви, как и мы, только для нас еще продолжается время земного странствования вдали от Небесной Отчизны, а они туда уже прибыли, но и их и нас еще ждет Страшный Суд Божий, на котором после завершения времен определится окончательная участь каждого. Молясь об усопших, мы просим Господа о прощении и наших грехов

ИЗДАНИЕ
МОСКОВСКОЙ
ПАТРИАРХИИ